

НАШИХ ВНУКОВ ЖДЁТ ПУСТЫНЯ?

В последние месяцы только и разговоров в СМИ что об акции активистов «Триннис», попытавшихся чуть ли не взять штурмом нефтяную платформу «Приразломная» в Баренцевом море... Правда, чаще фигурирует гидроним «Негорское море», но такого моря на официальных картах нет, название достали из новгородских документов XVII века, видимо, для того, чтобы показать: это наши, исконно российские территории, и чужие лезть сюда не имеют права.

В мире к «Триннису» отношение сложное. Общественные организации и частные лица в основном сочувствуют их деятельности, а для коммерческих компаний «Триннис» — красная тряпка. Это понятно: мешает вести бизнес.

Сегодня участники несостоявшейся акции на российской платформе арестованы, идёт следствие, возможно, им дадут реальные сроки заключения.

Для СМИ этот процесс — информационный повод заполнить эфир, а общество, по крайней мере в России, понакидывает. Ему не особенно интересно и близко то, что случилось в Баренцевом море. В прямом смысле — не особенно близко.

Если мы, даже живя рядом с какой-нибудь трубой, изрыгающей время от времени ядовитый дым, редко бьём тревогу, то чего ждать от нас голоса против того, что делается где-то в Арктике.

Но то, что происходит в последние десятилетия на Севере — преступление. Преступление и перед живущими там людьми, для которых это родина. Настоящая, не абстрактная родина, которую омывают воды трёх океанов. Преступление это и перед нашими потомками, которых мы обкрадываем, обрекаем на нищету, выкачивая и выкачивая нефть и газ.

Нас убеждают, что в будущем изыщут другие источники топлива, но разве только в топливе дело... Нефть универсальна, и заменить её нечем.

Нас убеждают, что только разведанных запасов хватит на сотни лет, а неразведанных наверняка — на тысячи. Вряд ли. Уже сегодня бурильщики уходят с Оби в бассейн Енисея, забираются в северные моря. А ведь серьёзная нефтедобыча в бассейне Оби началась лет сорок назад... Куда бурильщики направятся, когда нефть и газ нагнанный иссякнут на Енисее, в Негорском и других морях?

Коренные народы Севера, Сибири, Дальнего Востока всегда жили малым, брали у природы лишь самое необходимое. Жёсткая цивилизация механизмов хватается природу огромной жадностью и глотает, глотает.

Наши внуки наверняка увидят пустыню...

Роман СЕДУН

№ 5 (87), 2013

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Роман СЕНЧИН

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Евгений БОГАЧКОВ (Москва),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Максим ЛАВРЕНТЬЕВ (Москва),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Обложка: работы художника Ai Xuan

Подписано в печать 11 ноября 2013 года.

*Выпуск издания осуществлён при
финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым
коммуникациям.*

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы,
Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

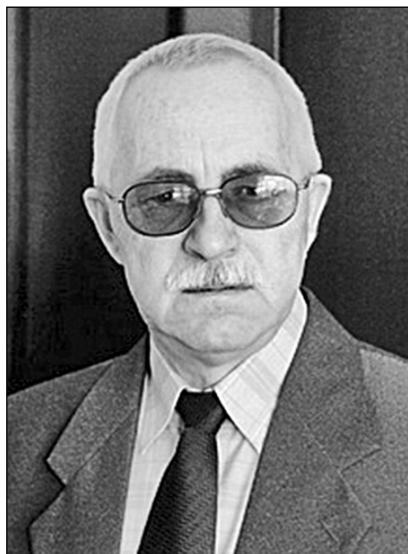
Заказ 1092

*«Царство БАМа встречало нас, своих новых поселенцев. Поезд остановился,
загрохотали засовы, и мы вышли из своих убежищ в этот новый мир, зали-
тый солнцем, закованный в пятидесятиградусный холод, окруженный видени-
ями тонких, уходящих в самое небо дальневосточных берёз».*

Николай Заболоцкий, «История моего заключения», 1956

СОДЕРЖАНИЕ

3	На распутье
Вячеслав СУХНЕВ. Северный заброс
14	Подвиг бессмертен
Сергей ДОМОРОЩЕНОВ. Спасавшие
Архангельск, достойные памятника
18	Протест против обречённости
Вячеслав ОГРЫЗКО. Последний советский
защитник чукчей и эскимосов
33	Писательство — это как игра
Валентина ВАНУЙТО. Преодолев зависть
национальной элиты
36	Последний из могикан
Эндрю УИГЕТ. Ворота, открывающие сердца и
миры
Ясен ЗАСУРСКИЙ. Уникальный американист
Н. СКОТТ МОМАДЭЙ. Он и был редкостью
Андрей ВЕТЕР-НЕФЁДОВ. Короткие встречи
Майлер УИЛКИНСОН. Тихо льётся с клёнов
листьев медь
Леонид ЛАР. Он с нами навсегда
Сюзанн СКАРБЕРРИ-ГАРСИА. К непостижимому
краю
Елена ИЛЛАРИОНОВА. Свободы не отдам я
никому
46	Колымская лира
Василий КАЗАНЦЕВ. Яркий блеск красоты
неземной
Анатолий СУЗДАЛЬЦЕВ. Не стоит горевать
напрасно
54	Рассказ
Александр ПУРЫШЕВ. А печаль не отпускает
61	След в жизни
Роберт ВИНОНЕН. Нас не забудут
64	Печорские дали
Алексей ПИЧКОВ. Поэт — человек настроения и
поступков
67	Фантазмагория
Алина ЧАДАЕВА. Дважды в ту же реку
78	Поэзия
Максим ЛАВРЕНТЬЕВ. Заболоцкий и север

Вячеслав СУХНЕВ

СЕВЕРНЫЙ ЗАБРОС

В начале 1980-х годов в центре этого золотодобывающего района жило больше десяти тысяч человек. Сегодня – три тысячи. Не уехали те, кому ехать некуда. Им осталось только гордиться тем, что в посёлке родился рок-музыкант и композитор Юрий Шевчук...

Ягодные места

На дороге Магадан – Усть-Нера, в самом сердце Колымского края, есть посёлок Ягодный. Он прикрыт со всех сторон сопками, и поэтому климат здесь, как мне объяснили, мягче, чем на других участках трассы. Действительно, в середине апреля на улицах районного центра было только двадцать четыре градуса, на солнечной стороне домов висели сосульки до земли, а мороз, если не стоять на месте, практически не ощущался.

– Ты к нам летом приезжай, – говорили местные. – У нас тут все ягоды растут. И брусника, и голубика. И даже смородину видали.

Не довелось мне вернуться в ягодные места... А потом и тех, кто приглашал по ягоды, в посёлке не осталось.

В начале 1980-х годов в центре этого золотодобывающего района жило больше десяти тысяч человек. Сегодня – три тысячи. Не уехали те, кому ехать некуда. Им осталось только гордиться тем, что в посёлке родился рок-музыкант и композитор Юрий Шевчук...

Российские севера – огромная, до сих пор практически не распечатанная кладовая. В недрах Приколымья и Чукотки, как с гордостью мне говорили когда-то в Магаданском краеведческом музее, содержится «вся таблица Менделеева». Начиная с 1930-х, здесь интенсивно развивалась добыча золота, серебра и олова. Есть также вольфрам, медь, свинец, ртуть, платина, железо, уран, до которых пока как следует не дотянулись руки добытчиков. Из углеводородов – уголь и нефть. Правда, уголь не очень высокого качества, поэтому для котельных завозят топливо из Кемеровской области. Не ближний свет... За морем телушка – полушка, да рубль перевоз.

В Магаданской области за последние семь лет общий объём добычи полезных ископаемых увеличился в двадцать (!) раз. Правда, по добыче золота Колыму обошли в последние годы Красноярский край и Якутия. Такой вот парадокс – область находится на первом месте на Дальнем Востоке по оттоку населения и в числе лидеров по темпам роста освоения недр. Статистика врёт или трудовые рекорды ставят неучтённые гастарбайтеры? Или передовые технологии помогают?

Российский Север – сплошные «ягодные места». Тиманская тундра с углём и алмазами, Ямал с нефтью и газом, Шпицберген с углём и Северная Земля с золотом. А ещё есть кубышка Таймыра. Из неё пока активно черпают никель в районе Норильска да уголь вокруг Хатанги. Этот уголь тоже невысокого качества, хотя долгое время использовался на таймырских предприятиях как основной источник топлива. На полуострове разведаны огромные запасы нефти и газа, что уже говорит о перспективах развития Таймыра. Но кроме углеводородов эта приполярная земля богата молибденом, титаном, танталовыми рудами. А ещё тут есть медь, золото, ртуть, сурьма, бор, железо, графит. Оборонке остаётся пока только облизываться – для горных работ в приполярных широтах нужны свои технологии, инфраструктура, в том числе, транспортная. Не на оленях же возить руду... А самое главное – нужны подготовленные кадры.

Отвлечусь на минуту от ископаемых. О кадрах. С ними у нас

беда. Старые, советского закала, либо на пенсии уже, либо элементарно кончились по неумолимым законам природы. В 1993 году в России работало 4 273 учреждения начального профессионального образования (ПТУ), где обучалось 1,7 миллиона будущих гвардейцев производства. К 2011 году число ПТУ сократилось ровно наполовину. Соответственно уменьшилось и количество выпускников. И ещё не факт, что закончив ПТУ, молодой человек побежит на стройку или на завод. С такой же скоростью он может побежать торговать в ларёк.

В советские времена в России работало 65 конструкторских бюро, осталось 28. Из 95 проектных и проектно-изыскательских организаций осталось 8. В 1992 году отраслевой наукой занималось 532 618 человек. Сегодня персонал, занятый исследованиями и разработками, составляет 58 470 человек. Почти в десять раз меньше... Практически уничтожена элита разработчиков – техники. В 1992 году их было 80 687 человек, теперь осталось 1 729. Теперь понятно, почему на возрождающиеся предприятия ВПК так сложно найти техников, квалифицированных макетчиков и лекальщиков, слесарей и токарей широкого профиля. О нехватке инженеров уже говорят с самых высоких трибун...

Остаётся только удивляться, что в нашей стране ещё работает промышленность, где нужны квалифицированные специалисты, в том числе, нефтегазодобывающие предприятия, поставляющие на экспорт углеводороды и поддерживающие бюджет страны.

О кадрах я вспомнил неслучайно.

Если Россия намерена выжить как самостоятельная страна, а тем более, как великая держава, ей придётся основательно покопаться в северном сундуке, потому что в средних, более комфортных, широтах всё выгребли.

А северный сундук спрятан на российском арктическом шельфе, на самом большом континентальном шельфе в мире.

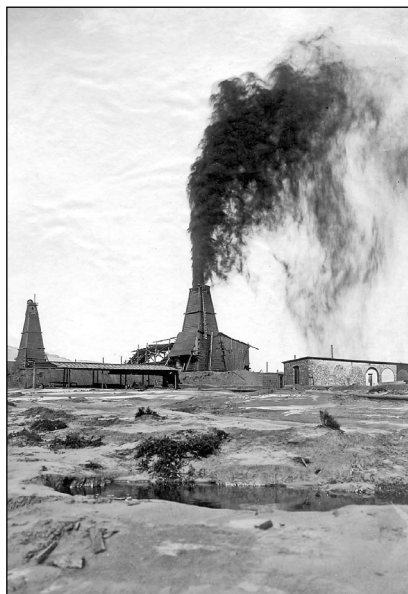
По самым скромным подсчётам, на северном шельфе России

сосредоточена треть всех мировых океанских ресурсов. Это притом, что на всём протяжении от Печорского бассейна до Сахалина, а это почти 10 тысяч километров, пока пробурено чуть больше сотни разведочных скважин. Северо-восток российской Арктики ещё только начинают исследовать. Вот цитата: *«Новые центры добычи могут быть созданы на базе трёх крупных районов концентрированного нефтегазоаккумуляции: Центрально-Баренцевского, Южно-Карского газоконденсатных и Печорского нефтегазоконденсатного. Широки в этом регионе и перспективы открытия новых месторождений – ведь на 62% площадей Баренцева, Печорского и Карского морей не пробурено ни одной скважины. Но и при такой низкой геологической изученности здесь открыто 16 месторождений, в том числе такие как Штокмановское газоконденсатное, Ленинградское и Русановское газовые, общие запасы газа которых превышают 10–12 трлн. м³».*

Потенциал российского арктического сектора примерно 90 миллиардов тонн условного топлива. Сейчас Россия добывает в год чуть больше 500 миллионов тонн нефти. То есть, шельфа нам хватит, даже при нынешних темпах добычи, почти на два века.

К этому, на первый взгляд, оптимистическому фактору в нашем «передовом» слое общества относятся пессимистически. Нельзя, мол, сидеть «на трубе», пора преодолеть «голландский синдром» – зависимость бюджета от экспортных доходов. И вообще –

даёшь развитие несырьевого сектора экономики! Подобные настроения многих ведущих политиков – общее место, и цитировать их, что называется, рука отвалится. Да, надо поднимать с колен промышленность – особенно, металлургию и машиностроение. Надо развивать на современных основах нефтепереработку с высокой степенью передела. Чем выше передел сырья, тем выше добавленная стоимость конечного продукта и, соответственно, уровень развития промышленности. Это азы экономики. Менделеев говорил: топить нефтью, всё равно, что топить ассигнациями. То же самое можно сказать и про газ. Но пока что мы продаём за рубеж половину добываемой нефти. Из почти 500 миллиардов кубометров газа за границу идёт более 200 миллиардов.

О заветах Менделеева там помнят. Поэтому значительная часть наших углеводородов «кормит» химическую промышленность Евросоюза. Чем выше цена на газ, тем меньше им топят, а больше перерабатывают. То есть на-

ши поставщики, как ни тужатся, астрономических прибылей Россия не получает. Рост цен на наше сырьё влечёт у нас рост цен на импортную бытовую химию – от лосьонов до антиобледенителей. По-существу, Россия, сидя на углеводородной игле, спасает Евросоюз от безработицы. Выход один: надо срочно диверсифицировать промышленность, добываться дома глубокой переработки нефти и газа.

Однако кот Матроскин тоже мудро заметил: чтобы что-то продать, надо сначала это что-то купить. Перефразирую: чтобы поднять несырьевой сектор, надо набрать денег в сырьевом. Все последние, пусть пока достаточно вялые, телодвижения в оборонке и металлургии, стали возможны, потому что появились средства от экспорта углеводородов. На эти же средства исполняются социальные обязательства правительства. Поэтому нельзя ставить вопрос жёстко, как заявляют наши радикальные либералы (вот уж феномен политической селекции!): или – или. Не или-или, а и-и. По мере возможностей, не рвя пупок... Киев к седьмому ноября брали, пятилетку в четыре года выполняли. И чем это кончилось? Конечно, очень хочется, чтобы завтра в России возникла современная индустрия, чтобы нас не пригибали на мировом рынке с помощью хомутов ВТО. В крайнем случае – послезавтра. Но так не бывает. Из трясины предыдущих реформ невозможно выскочить в один приём.

Так что пока остаётся уповать на высокие цены на углеводороды с одной стороны, и на то, что у нас углеводородов много, с другой. Ещё цитата. *«В XX веке в мире произошло 15-кратное увеличение уровня потребления коммерческих энергетических ресурсов, при росте численности населения Земли в 3,8 раза. Потребление энергии на душу населения возросло почти в 4 раза... Наиболее быстро спрос на энергетические ресурсы, прежде всего на нефть и газ, возрастал в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. За последние 30 лет ежегодное потребление нефти в КНР и Индии увеличилось почти в 5 раз».*

Господь в неизречённой милости своей даровал России крупнейшие запасы нефти, газа и прочих подземных сокровищ. Вот и надо этим пользоваться. Жёстко, прагматично, то есть, без соплей и комплексов, не отвлекаясь на политические «бонусы» в виде снижения цен для своих не всегда надёжных соседей-партнёров. Только такая политика на мировом рынке сырья обеспечит устойчивое развитие России на многие века. Сегодня наша страна – крупнейший в мире производитель и экспортёр нефти. На втором месте после Саудовской Аравии. А по поставкам газа у нас вообще нет конкурентов. Однако на пятки наступают такие, мягко говоря, не гиганты – Катар и Норвегия. По прогнозам, в ближайшие годы Россию обгонят по объёмам добычи нефти и Соединённые Штаты. Рынок этих добытчиков углеводородов произошёл потому, что они ускоренно, не жалея средств, внедряют новые технологии. Катар собирается выходить на рынок со сжиженным газом, Норвегия высокими темпами осваивает свой сектор шельфа, а в США полным ходом идёт сланцевая революция.

Кто не успел – тот опоздал.

Планов громадьё

В апреле 2012 года Владимир Путин собрал совещание по освоению континентального шельфа с главами энергетических ведомств, а также «Газпрома» и «Роснефти». В начале совещания президент высказался по проблемам освоения шельфа. Без всяких натяжек, это было программное, стратегическое заявление. Президент обозначил главную задачу на ближайшие тридцать лет: *«Обеспечить лидерство России на глобальных энергетических рынках, гарантировать растущие потребности национальной экономики в углеводородном сырье и всемерно укреплять свои позиции на мировых рынках».*

Как решить эту задачу? Путин ставит цель: надо, прежде всего, сформировать в стране высокотехнологичную отрасль мирового класса. Она в свою очередь потянет за собой судостроение, машиностроение, металлургию, материаловедение, строительство, науку. В перспективе при таком подходе можно создать до полумиллиона рабочих мест – не только в самой добыче, но и в смежных отраслях, в производстве оборудования, строительстве инфраструктуры, транспортировке.

Президент предложил предусмотреть для шельфовых проектов стимулирующую систему налогообложения, отменить экспортную пошлину, снизить налог на реализуемую продукцию, отменить НДС по уникальному импортному оборудованию, которое в России пока не производится, и прочие преференции. Не забыл он обозначить и организационную стратегию: *«Такие условия целесообразно сделать неизменными в течение длительного периода времени, и они не должны меняться в течение 15 лет с начала промышленной добычи. Таким образом, мы предоставим инвесторам возможность надолго планировать свою работу, без форс-мажоров и рисков пересмотра так называемых правил игры».*

На какие средства собирается руководство страны реализовать проект освоения шельфа? Оно рассчитывает, что партнёрами российских компаний станут крупнейшие мировые корпорации, а все вместе вложат за тридцать лет 500 миллиардов

долларов в добычу нефти и газа и 300 миллиардов – в смежные отрасли.

Планы гигантские. Что сделано для их осуществления за это время?

Проведено несколько мероприятий, в том числе, международных. Создано министерство развития Дальнего Востока. Государство собирается модернизировать и развивать экономики Якутии, Камчатки, Чукотки, Хабаровского края, Амурской, Магаданской, Сахалинской областей и Еврейской АО.

Однако не создано до сих пор Министерство развития Арктики. Пропагандистская картинка «Великая Россия на Северном полюсе» нарисована, а Министерства по делам Арктики нет. Вообще нет структуры, координирующей подготовку к большой высадке на шельф, потому, что частично эти вопросы курируют и в Минэнерго, и в Минэкономразвития, и в Минприроды, и в ряде других федеральных ведомств. А у семи нянек – дитя без глазу. Не озадачены исследованиями на шельфе ведущие геологические институты Сибирского отделения РАН. В вузах страны есть курсы «Геология России», «Морская геология», но нет курса «Геология Арктики». Это всё к тому же вопросу о кадрах. В большинстве своём на действующих приполярных нефте- и газодобывающих платформах по-прежнему работает вахтовым методом контингент, набранный с бору по сосенке во всех дистрофичных российских регионах. И если сегодня его пока хватает для основных нефтегазодобывающих предприятий, то что будет завтра – с расширением

нашего проникновения на шельф?

Ещё в июле 2001 года Владимир Путин утвердил «Морскую доктрину России на период до 2020», в которой, наряду с задачами строительства современного флота, защиты национальных интересов на море, ставились и проблемы защиты прав страны на освоение континентального шельфа. Кто сейчас помнит об этом документе?

Правда, идёт работа над новой редакцией Доктрины, о чём я скажу ниже. И там особенного упора на наши скорбные арктические дела вновь не делается. Хотя много места уделено защите интересов России в Антарктике...

Нефтяная курочка ещё не успела сесть в шельфовое гнездо, а за яичко началась драка – буквально накануне программного выступления президента на судьбоносном совещании. Путину написали «коллективную заявку» президент «ЛУКОЙЛа» Вагит Алекперов, гендиректор «Сургутнефтегаза» Владимир Богданов, президент «Башнефти» Александр Корсик и исполнительный директор ТНК-ВР Герман Хан. Они квартетом пожаловались, что госмонополисты – «Газпром» и «Роснефть» – не подпускают к работе в Арктике частные российские компании. Затем в федеральной прессе прошёл небольшой девятый вал разоблачительных статей. В них уже хором утверждалось, что технологические возможности государственных компаний, имеющих доступ к шельфу, «катастрофически не соответствуют» уровню современных требований к работе

в Арктике. Поэтому, мол, необходимо расширять круг участников проектов по разработке континентального шельфа «за счёт привлечения отечественных частных компаний и прямого иностранного капитала». Если «Газпром» и «Роснефть» будут лишены монополии на разработку ресурсов Арктики, то это позволит России сохранить мировое лидерство в сфере нефтегазодобычи.

В Министерстве энергетики на эти выпады дали понять, что никто не мешает частным компаниям участвовать в разработке шельфа в качестве партнёров госмонополистов. В то же время *«допуск частных компаний к шельфовым проектам не является первостепенной задачей»*. Занимая такую позицию,

Минэнерго и руководители госкорпораций сумели убедить президента в нецелесообразности сегодняшней конкуренции на шельфовых проектах.

И вот сейчас я думаю: а может, правильно сделали, что убедили? Торговать в ларьке у частника как-то получается. А вот строить, например, жильё – не очень. Уже впору создавать всероссийскую партию обманутых дольщиков. Может, частник у нас не вызрел? Какая-то у него философия однобокая, как у хомяка: набил за щёку и спрятался в нору... Это я о своих наблюдениях за эволюцией российского частника в постперестроечную геологическую эпоху.

Итак, конкуренцию на шельфе похерили в самом зародыше. Грубо говоря, частнику указали на дверь. Это, повторяю, чётко заявленная позиция Минэнерго и госмонополий – если исходить из реалий. Но вот 10–13 сентября 2013 года в Санкт-Петербурге проходит довольно статусное мероприятие, 11-я Международная конференция по освоению ресурсов нефти и газа Российской Арктики и континентального шельфа стран СНГ. Здесь Денис Храмов, заместитель министра природных ресурсов и экологии, останавливается в докладе в числе прочих аспектов на геологоразведке. Она делится на две части:

начальную стадию – собственно разведку, то есть сбор информации, и всё остальное – бурение скважин, определение их дебета и т.д. Финансирование первой части берёт на себя государство, вторую часть предлагается возложить на бизнес через лицензирование. Д. Храмов сказал буквально следующее: «Мы считаем оптимальным на один государственный рубль вложить 7–8 рублей частных средств». И добавил, что в среднем финансирование государством работ на шельфе будет составлять от 1,5 до 2 миллиардов рублей в год, а до 2030 года – не менее 22 миллиардов. Теперь берём соотношение 1 : 8 и умножаем. Получается, по минимуму, 16 миллиардов рублей в год, или до 2030 года почти 300 миллиардов. Теперь покажите мне отважных частников в России, которые смогут регулярно вкладывать в геологоразведку (не в добычу!) такие деньги! Долгосрочный проект сродни пылесосу – денежки сосёт и сосёт. И бросить нельзя, жаба душит: потеряешь и будущую прибыль, и вложенные средства.

Выходит, уже на начальной стадии, геологоразведке, судьба шельфа будет зависеть от доброхотов, которых, напомним, никто не собирается подпускать к Арктике? И на таком шатком основании мы строим грандиозные планы её освоения? Или Минприроды с Минэнерго не успели выработать общий подход к дезинтеграции частника? Мне кажется, такой подход выработан – на пути частного инвестора поставлен непреодолимый забор в виде неподъёмных вложений в разведку и добычу.

До 2021 года инвесторам (не очень внятно названным в докладе замминистра) нужно пробурить 290 скважин. Это потребует строительства платформ и судов обеспечения примерно на 6,5 триллиона рублей – до 2030 года. С 2015 до 20130 года «Газпрому» и «Роснефти» предстоит бурить по 16 скважин в сезон. Много это или мало? Например, «Газпром» собрался пробурить в Бангладеш по контракту десять скважин на газовых месторождениях. Срок выполнения контракта – 20 месяцев. По два

месяца на скважину. Это в Бангладеш, где сухо и тепло, где нет льдов, где не отвлекают от работы белые медведи. Не думаю, что бурить в южную страну послали самых ленивых и с самой древней техникой проходки. Наоборот – ведь международный контракт...

Нам предлагают поверить в эту ненаучную фантастику – в десятки частных инвесторов, рвущихся на шельф, и в космические скорости бурения нефтегазовых скважин в арктических условиях?

Севморпуть, золотая дорога

В последнее время много говорят и пишут о Северном морском пути, о возрождении БАМа и коренной модернизации Транссиба. Правильно говорят – потому что эти магистрали, наряду с освоением арктического шельфа, являются ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМИ проектами, осуществление которых коренным образом изменит гло-

бальную экономику. Не больше и не меньше. Сегодня на транзит в Европу из Азии через Россию приходится менее 1 процента товаров между ЕС и азиатскими странами. А у них объём торговли составляет более триллиона долларов. Есть смысл активизировать российский транзит? Конечно! Именно за счёт резкого увеличения эксплуатации СПМ и Транссиба. Однако трудно представить, что какой-то вменяемый европейский торговец повезёт свой товар по этим артериям в их нынешнем состоянии. Прежде чем посадить гостя на нашу телегу и требовать с него денежку за провоз, неплохо бы смахнуть грязь с сидения. Да и солидолчику во втулки набить. Чтобы колёса хотя бы не рыпели...

О Транссибе и БАМе надо писать отдельно. Поэтому в русле нашей темы вернусь к СМП.

В июле 2012 года, то есть после апрельского совещания по шельфу, Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути». В прессе сообщалось, что «Федеральным законом определяется понятие «акватория Северного морского пути», уточняются правовой статус и границы этой транспортной системы Российской Федерации, предусматривается создание администрации Северного морского пути в форме федерального казённого учреждения, осуществляющей организацию плавания

Когда летишь из Магадана в Москву, большая часть восьмичасового маршрута проходит над побережьем Северного Ледовитого океана. Картина, конечно, потрясающая. Особенно, зимой: на протяжении нескольких часов – только сопки.

судов в его акватории, а также устанавливаются её функции, включая выдачу разрешений на плавание судов в акватории Северного морского пути».

Закон открывал возможности для создания единой системы управления в акватории СМП и современной инфраструктуры, обеспечивающей безопасные условия плавания судов в арктических морях. То есть навигационно-гидрографическое и гидрометеорологическое обеспечение, а также ледокольное и ледовое лоцманское сопровождение.

Таким образом, никто не может упрекнуть главу государства в непоследовательности решений. Вот вам шельф, а вот коммуникации для его освоения.

В то же время СМП – самая короткая морская магистраль, соединяющая Азию с Европой. По существу, это ещё одна кладовая – транзитная. Это дорога, вымощенная не только льдом, но и золотом.

Когда летишь из Магадана в Москву, большая часть восьмичасового маршрута проходит над побережьем Северного Ледовитого океана. Картина, конечно, потрясающая. Особенно, зимой: на протяжении нескольких часов – только сопки.

Ни дыма, ни дороги. Только сопки и зеленоватая линия воды, разделяющая сушу и океанские льды. Если лететь напрямую, над собственно Сибирью, путь удлинится примерно на полтора часа. Увеличивается расход авиационного горючего и пассажирских нервов. Посмотрите на глобус – и всё поймёте. К полюсу Земля «уже», а к экватору – «шире».

Вот почему расстояние от Гамбурга до Шанхая, пройденное в приэкваториальных широтах и через Суэцкий канал, составляет более 20 тысяч километров, а через СМП – менее 14 тысяч. Во время русско-японской войны, после поражения под Цусимой, русское командование собиралось перебросить на Дальний Восток бригаду кораблей именно по Северному морскому пути – от Кронштадта до Владивостока здесь только 8 тысяч миль, а вокруг Европы и по южному маршруту – свыше 16 тысяч.

СМП – чисто русское достижение. Первый проект пути из Студёного моря до Оби разработал ещё в начале XIV века дьяк Герасимов. Незадолго до смерти Пётр Первый подписал указ о создании Великой Северной экспедиции, которая работала до 1743 года и составила множество карт арктического побережья. Через двадцать лет Ломоносов представил проект Северного морского пути. Плаванья Чичагова и Норденшельда доказали большую перспективность его освоения, но выход России на севера тормозило несовершенство арктических судов. Адмирал Макаров предложил ходить по СМП с помощью ледоколов, под его руководством был построен в самом конце XIX века знаменитый ледокол «Ермак». В 1915 году, в разгар Первой мировой войны, ледоколы «Таймыр» и «Вайгач» прошли СМП с востока на запад.

За двадцать лет (!) по Севморпути прошёл единственный – французский – корабль. Ещё в недавние времена здесь ходил десяток иностранных танкеров и рефрижераторов.

Особенно активно развивался Северный морской путь в советское время, что диктовалось экономическими и оборонными задачами. В 1932 году было создано Главное управление СМП. Во время Второй мировой грузы по ленд-лизу шли из Владивостока в Европейскую часть СССР по Севморпути. После войны СМП был основной транспортной артерией для северного завоза – сезонной заброски продовольствия, техники, горючего и других грузов жизнеобеспечения на развивающиеся производства Таймыра, гидрометеорологические и научные станции, в военные части. Для северных районов Якутии, Чукотки, для арктических островов и населённых пунктов на побережье Красноярского края и Тюменской области СМП стал единственной «дорогой жизни».

Но в целом, как писали В.Пересыпкин и А.Яковлев: *«В советский период развитие Арктической морской транспортной системы считалось одним из показателей торжества стратегии освоения Арктики и действенным средством реализации оборонной политики в регионе. Достигалось это за тратой огромных материальных и людских ресурсов»*. Характерно, что в коммерческих целях Севморпуть не использовался до конца 1960-х. И только в 1967 году министерство морского флота СССР открыло СМП для иностранного судоходства. Однако иностранцы не спешили воспользоваться открывающимися возможностями.

За двадцать лет (!) по Севморпути прошёл единственный – французский – корабль. Ещё в недавние времена здесь ходил десяток иностранных танкеров и рефрижераторов.

В пореформенные годы северный завоз, практически, кончился. И наступил северный заброс – от глагола «забросить». Инфраструктура портов обветшала, суда стали на прикол, команды разбежались. Некому было следить за состоянием портовых сооружений и акваторий. Арктическая гидрометеорология, которую, не жалея сил и средств, поднимали полвека, лишилась транспорта, станций и людей. Об этом в докладе на конференции по использованию ресурсов Арктики вынужден был упомянуть всё тот же замминистра природы Денис Храмов:

«Ситуация с гидрометеорологическими исследованиями несколько тяжелее – сейчас в активе около 80 судов при том, что в 1998 году их было 163. Причина такого резкого снижения численности – износ материально-технической базы и отсутствие её пополнения. За всё это время спущен на воду был только один исследовательский корабль – в 2012 году. А необходимо на данный момент – более 100». И довольно печальный вывод: «Без гидрометеорологического информационного обеспечения широкомасштабное освоение шельфа невозможно».

Между тем, последние события вокруг СМП прибавляют оптимизма. Во-первых, начинают строить порт Сабетта в Ямало-Ненецком автономном округе, что позволит российской газо-

вой промышленности выйти на новые рынки сбыта углеводородов и диверсифицировать направления экспорта природного газа. Сжиженный природный газ из порта Сабетта позволит увеличить грузооборот Северного морского пути с трёх до двадцати миллионов тонн в год. Во-вторых, в Дудинке началось строительство аварийно-спасательного пункта, что позволит в будущем сделать судоходство по СМП безопаснее. В-третьих, заложено два новых ледокола для проводки судов.

По прогнозам специалистов, к 2020 году объём перевозимых грузов по Севморпути может достигнуть 40 миллионов тонн. А ещё через десять лет эти объёмы приблизятся к 70 миллионам тонн. Поэтому эксперты считают, что в связи с такими задачами на северном побережье страны необходимо срочно создавать соответствующую инфраструктуру. И, что немаловажно, правительство с экспертами соглашается. Хотя и не всегда.

Владимир Андрианов, вице-президент Коми республиканской ассоциации независимых экспертов, в своё время забросал «инстанции» памятными записками, где основывал необходимость нового наступления России в Арктике. В частности, он предлагал: *«Координацию деятельности разнохарактерных предприятий в зоне Арктики должен осуществлять Межведомственный Общественный арктический научно-методический Совет, созданный при Министерстве по делам Арктики. В процессе планирования и тем более осуществления практичес-*

ких хозяйственных действий в Арктике должна быть существенно усилена роль независимой экспертизы, начиная с разработки и утверждения проектов, программ и завершая осуществлением постоянного мониторинга по всем ключевым параметрам деятельности России в Арктике». Надо отдать должное, Андрианову иногда даже отвечали. Примем, мол, к сведению, спасибо за внимание... Но идея арктического министерства так и не вызрела до внедрения. И сегодня совершенно ясно, насколько был прав эксперт из Сыктывкара. Ясно-то ясно...

Наконец, модернизируется юридическая база. Государственная Дума приняла закон «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути». А самое главное – учёные предсказывают освобождение ото льдов значительной части СМП в результате глобального потепления.

Очевидно, приободрённые сводками погоды и решениями российской власти, западные и отечественные судовладельцы активизировали присутствие на СМП. В 2012 году на проводку судов по Севморпути было подано около полусотни заявок, а только за девять месяцев 2013 года – свыше шестисот. Мировой сенсацией стало китайское продвижение в приполярные широты. Здесь появились контейнеровоз «Юншен» водоизмещением 19 тысяч тонн с грузом разнообразных железяк для Амстердама и ледокол «Сюзун»,

некогда носивший другое имя и принадлежащий Украине. Украинцы верно решили, что паковых льдов в Чёрном море не дождутся, а потому и продали судно. Но ледокол почему-то купило государство, которое тоже не окружено замерзающими морями... Более того, наши китайские друзья строят в Финляндии второй ледокол.

Теперь от мажорных новостей на арктическом фронте перейдём к минорным.

Начну с законодательства и строительства административной вертикали. Закон о регулировании судоходства по СМП Государственная Дума приняла, и с 2013 года он вступил в силу. Но закон не включает в Севморпуть акваторию Баренцева моря, а также Мурманск и Архангельск. Премьер подписал распоряжение о создании администрации СМП. Её штат находится в ведении Росморречфлота, насчитывает 15 человек и сидит в Москве, хотя поначалу планировали разместить управленцев в Архангельске. Замминистра транспорта Виктор Олерский разъяснил такой шаг: «Размещение администрации Севморпути в Архангельске нелогично, так как город находится вне этой морской трассы». Конечно, Москва гораздо ближе к СМП. Прямо на нём стоит. Это логично.

Спохватившись, правительство создало филиал администрации в Архангельске, чудесным образом перенеся город на Севморпуть. А сколько людей в филиале, интересно? Двое или целых трое? Не может же филиал быть больше головного учреждения! На каждую речку в Росморречфлоте приходится по одному начальнику. А тут на Севморпуть – с разведкой, инфраструктурой, проводкой, логистикой, портовым хозяйством, авиацией, ледоколами, гидрометслужбой, справочными базами – пятнадцать человек с филиалом?

Не верится, что у думских депутатов и заместителей министра во время учёбы были двойки по географии и логике. Ведь где-то же они учились! Вероятно, и тут сработала ведомственная неразбериха. Или, что невероятно, но в принципе допустимо: «наверху» просто не верят в возможности СМП. Потому и создавали администрацию для очередной «галочки» в отчёте.

Премьер-министр Дмитрий Медведев подписал постановление о финансировании строительства двух серийных универсальных атомных ледоколов ЛК-60. Общий объём бюджетных инвестиций на строительство судов с 2014 по 2020 год составит 86 миллиардов рублей. Суда сначала заказали, а потом выяснили, что платить за них никто не хочет. Минфин требует, чтобы бюджет оплатил только 30–40 процентов стоимости, остальные деньги придётся искать Росатому. А это более 50 миллиардов. Считать не умеем? Или постановление правительства – не указ?

Когда с включёнными мозгами читаешь документы по освоению Арктики, становится неуютно... Холодно как-то.

Все флаги... В гости к нам?

Пока российские политики изучают недоученные историю с географией, в других державах суетливо снаряжают нарты с собаками и запасаются ватными штанами.

Едва в России зашевелились с выходом на арктический шельф, как о своих правах на освоение ледяных просторов заявила целая куча государств. Раньше-то было проще: арктическими считались страны, непосредственно примыкающие к арктическому бассейну. Они создали в 1996 году Арктический совет, куда вошли восемь государств – США, Исландия, Канада, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия и Россия. Совет создавался для сотрудничества в области изучения Арктики, защиты её экологии, для обсуждения и разрешения территориальных разногласий.

Теперь на Арктику претендуют Бельгия, Великобритания, Германия, Нидерланды и другие страны, среди которых Латвия, Литва и Эстония. Всего 12 претендентов на ледяной пирог. А ещё Китай и Япония. Хорошо, что не Папуа-Новая Гвинея... При этом у всех стран – и членов Арктического совета, и претендентов – существуют территориальные претензии друг к другу. Список этих претензий займёт не одну страницу.

В США уже разработан «Арктический план действий ВМС». Канада заявляет, что арктический хребет Ломоносова – не российская, а канадская территория, и проводит в Арктике масштабные военные учения. Норвегия передвинула Центр оперативного командования в Арктику и закупила 48 боевых самолётов Lockheed F-35 для патрулирования Заполярья. Дания собирается разместить в Арктике боевую часть и командный пост. В докладе датской военной разведки говорится прямым текстом: *«В ближайшие 10 лет в Арктике могут иметь место военные столкновения небольшого масштаба... Конфликты могут быть вызваны вооружёнными силами третьих государств, гражданскими акциями либо разработкой природных ресурсов – поисками нефти или рыболовством на оспариваемых территориях, а также поблизости таких спорных территорий»*.

Как в воду глядели. Налёт интернациональной хулиганской банды под флагом Greenpeace на российскую платформу «Приразломная» как раз и подавался «мировым обществен-

ным мнением» как гражданская акция. Это звоночек: проверяют нас на слабину.

Не уверен, что подобные акции больше не повторятся.

И вот в таком дружном коллективе собираются осваивать приполярные кладовые... Недаром в одной газете несколько лет назад промелькнула заметка «Третья мировая может начаться на полюсе». Понятно, что в таких условиях России ничего не остаётся, кроме как укреплять оборону Заполярья, расширять своё военное присутствие в Арктике. По всем каналам ТВ прошли сюжеты, как наши воины высаживаются на северных островах, выгружая технику и детали будущих домов. Ура-ура...

Остаётся вопрос: почему с этим столько лет тянули? Ещё в 2009 году Совет безопасности России принял «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В этом документе ставилась задача создать в Арктике группировку вооружённых сил и органов управления, способных *«обеспечить военную безопасность в различных условиях военно-политической обстановки»*. Что потом три года делали? Летние портянки на зимние перематывали? Или прежнему министру обороны было не до северов? Только через три года после решения вернуться в Арктику сюда действительно пришёл отряд из десяти военных кораблей и атомных ледоколов во главе с флагманом Северного флота, ракетным крейсером «Пётр Великий». Отряд будет регуляр-

но патрулировать арктическую акваторию, так сказать, демонстрировать флаг. Более существенными шагами стало развёртывание военно-морской базы на Новосибирских островах и восстановление авиабазы на острове Котельный в восточной части северного побережья Сибири. Объявлено, что к 2015 году на трассе СМП будет действовать 10 аварийно-спасательных центров. Приступили к строительству лишь одного центра – в Дудинке. Когда успеют сделать остальные – Бог весть.

Вот теперь о новой редакции морской Доктрины. Один из разработчиков, Валентин Синецкий, директор Центра научного и информационного сопровождения деятельности Морской коллегии при правительстве России пишет в констатирующей части: *«Оперативно-стратегические объединения ВМФ России уступают не только ВМС ведущих морских держав, но и ряда других близлежащих государств. Большинство кораблей, судов ВМФ, а также образцов вооружений, военной и специальной техники нуждается в плановых ремонтах. Ввиду существенного сокращения штатной численности Гидрографической службы ВМФ обозначилась опасная тенденция снижения объёмов необходимых гидрографических работ, отмечается недостаточность финансирования поддержания готовности судового состава и средств поисково-спасательного обеспечения».*

Что тут добавить?

Закончу обзор нашего военного продвижения в Арктику неудачным перебазированием авиагруппы дальних истребителей-перехватчиков на Новую Землю. Сначала решили на аэродроме Рогачево разместить группу МиГ-31, чтобы обеспечить выход атомных подводных лодок с межконтинентальными ядерными ракетами с баз в Мурманской области в открытый океан. Оказалось, что полоса в Рогачёве не способна принимать тяжёлые МиГи. А у машин ресурс выработан на 70–80 процентов. Западная часть Севморпути, таким образом, оказалась неприкрытой с воздуха. Летай – не хочу...

Зато ударными темпами начали убирать мусор с арктических территорий. Только на острове Врангеля обнаружено около 90 тысяч бочек из-под горюче-смазочных материалов. Две тысячи уже собрали, сплющили и вывезли. От Мурманска до Чукотки на северах валяется металлолом – кроме бочек, здесь вышедшие из строя радиолокационные антенны, разнообразная авиационная и автомобильная техника. Пятьдесят лет везли в Заполярье всё, что со временем стало мусором, и бросали здесь. Даже горючее осталось. На Земле Франца-Иосифа, например, брошено около 50 тысяч тонн нефтепродуктов. Земля в месте обитания человека пропитана маслом и керосином, так что придётся ещё и рекультивировать почву. На очистку Арктики выделяется свыше трёх миллиардов рублей, которые надо освоить за три года.

Главная опасность – полихлорированные дифенилы, которые раньше использовали на севере для конденсаторов и трансформаторов как незамерзающие диэлектрические жидкости. Это медвежья и тюленья смерть – они подавляют иммунитет. Для утилизации нужны очень дорогие технологии.

И всё же начало положено. Хочется верить, что Россия вернётся в Арктику, чтобы «ногою твёрдой стать при море». Хочется верить. А что ещё остаётся?

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

СПАСАВШИЕ АРХАНГЕЛЬСК, ДОСТОЙНЫЕ ПАМЯТНИКА

71 год назад, в 1942 году, самом тяжёлом для Архангельска военном году, состоялась первая экспедиция архангельских мальчишек на Новую Землю. Они поехали туда, чтобы кормить голодный город.

В 1942–1943 годах состоялись арктические экспедиции архангельских подростков на Новую Землю. На архипелаге юные архангелогородцы занимались обеспечением продовольствием госпиталей, детских яслей, детсадов и школ, расположенных в областном центре

В 1980 году состоялась премьера кинофильма сценариста Юрия Клепикова и режиссёра Семёна Арановича «Летняя поездка к морю». Фильм был снят ещё в 1978 году, но на экраны вышел с опозданием, как выразился позднее сценарист, из-за «идеологического подозрения». По словам того же Клепикова, картина «грубо травмирована поправками».

Полагаю, Клепиков прочитал в газете «Комсомольская правда» в октябре 1973 года заметку участника экспедиции Николая Вурдова «Робинзоны 1942-го», восхитился тем, что сделали юные северяне – и взялся за написание сценария.

Как мне думается, фильм не понравился принимающей стороне потому, что его главными героями стали хулиганистые мальчишки, образы которых не вписывались в рамки «правильных мальчиков», которых следовало показать. Но ведь «неправильные» не побоялись поехать в Арктику на трудную и опасную работу.

Художественный фильм есть художественный: в нём для зрелищности много чего, как говорится, наворочено: и сбитый немецкий самолёт, и встреча фашистского лётчика с архангельскими ребятами, чего в действительности не было, и так далее. Но всё это не умаляет достоинств произведения. Картина, на мой взгляд, получилась очень хорошая.

К слову сказать, как сообщил в Интернете Олег Незнамов, сыгравший в эпизоде фильма, – этот человек, видимо, архангелогородец – в Архангельске «во время съёмок сожгли двухэтажный дом на проспекте Павлина Виноградова, в районе улицы Володарского».

Сожгли, добавим, чтобы показать военный Архангельск, подвергавшийся бомбардировкам.

Фильм, задвинутый на задворки кинопроката, в ту пору я не видел (сейчас его запросто можно посмотреть в Интернете); интерес к теме появился у меня в 1984 году, когда в ежегоднике «Полярный круг» (Москва, «Мысль») я прочитал очерк нашего историка Владимира Николаевича Булатова «Школьная арктическая экспедиция». С его помощью и начал собирать материал, чтобы продолжить булатовское исследование.

71 год назад, в 1942 году, самом тяжёлом для Архангельска военном году, состоялась первая экспедиция архангельских мальчишек на Новую Землю. Они поехали туда, чтобы кормить голодный город.

Бюро обкома и горкома комсомола отреагировали на совместное постановление бюро обкома Всесоюзной коммунистической партии (большевики) и облисполкома быстро: 29 мая 1942 года, через 18 дней после решения «старших товарищей», была готова справка, в которой говори-

лось, что 150 школьников и студентов техникумов для экспедиции на Новую Землю подобраны. Желающих же поехать в экспедицию было больше. Цитирую хранящийся в государственном архиве Архангельской области документ, подписанный секретарём обкома ВЛКСМ Абрютинным: «При проведении отбора только по одному Маймаканскому району было подано свыше 50 заявлений». Отобрали в этом районе 20 человек, в четырёх других районах Архангельска – от 15 до 50 человек.

1942 год. Голод в прифронтовом Архангельске. Карточки на хлеб, крупу, сахар. Рабочим и служащим – по 800 граммов хлеба ежедневно, иждивенцам – по 200–400.

Что это было за постановление бюро обкома ВКП (б) и облисполкома? «О заготовке яиц, тушек кайры и добыче рыбы на острове (так в документе – С.Д.) «Новая Земля» и вывозе заготовленной продукции в гор. Архангельск в навигацию 1942 года».

Как выражались в ту пору, партийным и советским организациям требовалось «изыскать внутренние резервы для расширения продовольственной базы». Вот почему и родилась идея экспедиции на архипелаг с его птичьими базарами на отвесных скалах.

Яйца кайры, похожей на пингвина (спинка чёрная, белая манишка на груди), значительно крупнее куриных, по вкусу не уступают им. Вес арктической птицы – около килограмма.

Как написал в упомянутом очерке Владимир Булатов, «перед отъездом состоялось собрание участников экспе-

Кадр из фильма
«Летняя поездка к морю»

диции. Начальник экспедиции А.А. Гроздников (из тралфлота – С.Д.) был краток: «Трудно вам придётся, ребята. Очень трудно. Вас ждёт работа, причём опасная. Не всегда согреешься, не всегда и отдохнёшь по-настоящему. Кто боится – ещё не поздно вернуться домой. Отпустим, слова плохого не скажем. Есть такие?» (...) дезертиров не оказалось».

Доставка промысловиков на Новую Землю представляла собой немалую опасность, поэтому, чтобы уберечь 14–17-летних парней от пуль и снарядов немецких подлодок и самолётов, траулер «Зубатка», суда «Авангард» и «Азимут» сопровождал до Канина Носа военный конвой.

30 июня от причала Фактория морского порта начался переход. Во время его многие ребята впервые испытали сильную качку. На подходе к архипелагу встретились льды. Продвигаться к цели стало судам труднее, зато уменьшилась опасность нападения немецких подводников и лётчиков.

«Неуклюжая «Зубатка» медленно пробивалась по разводьям между серыми торосистыми льдами, – ещё одна цитата из очерка Владимира Булатова. – Матросы и школьники баграми отталкивали льдины, которые преграждали путь. Однако судно «Азимут» получило пробоину. Двадцать подростков во главе с Сашей Каменевым перешли с «Зубатки» на повреждённую шхуну. (Она шла на буксире – С.Д.) Ребята несколько часов откачивали воду ручными помпами из затопленного трюма. Другая группа моряков и школьников готовила судно к ремонту. Когда всё было готово, «Азимут» накренили на левый борт и пробоину тщательно заделали деревянной заплатой и паклей. Только ранним утром 6 июля экспедиция достигла становища Малые Кармакулы».

Переход занял шесть суток.

Суда вели капитаны П.П. Замятин, Н.Н. Васильев, В.А. Мехреньгин.

В своё время мне довелось разговаривать с участником экспедиции Артемием Павловичем Кривополеновым, который работал на острове Пуховый.

«Пуховый – это скалы высотой до ста метров, – рассказывал Артемий Павлович. – Длиной около полутора километров,

Когда разыгрывались ветра, ночью они срывали палатки, ребята со сна бегали в трусах и устанавливали своё жилище на место, где посередине стояла печка – бочка из-под солярки.

шириной – с полкилометра. Там мы, 40 мальчишек, и жили около трёх месяцев. Другие бригады – у Малых Кармакул. Во главе бригад были взрослые, которые не первый год работали на Новой Земле».

Взрослые – это Мошков, Старков, Котлов, хорошо знавшие Новую Землю.

Что такое истощение, юные архангелогородцы познали уже к весне 1942 года. (Поэтому некоторые из будущих «новоземельцев» бросили учёбу и работали на предприятиях). И на Новой Земле хлеба давали немного. Зато кайра кормила и море подбрасывало то один мешок с мукой, то другой – это значило, что враг опять потопил транспортное судно. Сохранялся тот мешок почти полностью: лишь верхнего слоя килограммов с десяток приходилось выбрасывать, а всё остальное годилось.

На острове из этой муки и яиц делали «печенье», как в 1943 году в американском журнале «Лайф» (публикация под названием «Авария в русских водах») написал участник плаваний в конвоях Росс Рассел. Вот цитата из его публикации:

«Каждый день они (подростки – С.Д.) ползали вверх и вниз по скалам, как обезьянки. Когда я говорю, что они спасли нам жизнь, я хочу сказать этим, что так оно и было. Любопытными синими глазами они сразу увидели тяжесть нашего положения.

Немедленно дети принялись за доставку провизии нашим страдающим людям. (...) Они даже снабдили нас просоленной рыбой и чёрным хлебом из собственных запасов. Что ещё важнее, они научили нас добывать пропитание на суровом острове. Смеясь и болтая, они брали нас с собой на прогулки, указывая места, где находятся здоровая питьевая вода, лучшие места для сбора яиц, учили отличать хорошие яйца от плохих, ловить силками уток».

Интересная деталь из рассказа Рассела: «Дети имели большое чутьё к кооперативным началам, которые нам трудно вообразить».

Разумеется, не сразу мальчишки стали ползать по скалам, «как обезьянки». Вот что на этот счёт в своей документально-художественной повести «Робинзоны студёного острова» рассказал участник экспедиции Николай Александрович Вурдов:

«Вначале было страшновато. Высота пугала, сковывала движения, но к высоте, оказывается, можно быстро привыкнуть. Скоро я убедился, что на скалах есть удобные карнизы и площадки, по которым передвигаться без помощи верёвки гораздо удобнее. Она временами действительно мешала, цепляясь за выступы, обрушивала сверху камни, которые со свистом проносились мимо головы.

Я медленно передвигался по карнизам и складывал в корзину яйца. Кайры почти совсем не боялись меня и грозно кричали при моём приближении. Таких бесстрашных я

бесцеремонно сталкивал с места».

Коллективистские начала помогли ребятам преодолеть все трудности, которых было очень много. Например, тем, кто жил на Пуховом, приходилось почти ежедневно отправляться на шлюпке через широкий пролив на материковую землю за питьевой водой и дровами-плавником. (Это отражено в кинофильме.)

Артемий Павлович Кривополенов рассказывал:

«Иной раз случалось, что везём на свой остров питьевую воду, а привезём солёную: поднималось на море волнение, нас далеко от Пухового уносило, захлёстывало, воды в шлюпке по колено, а то и больше. Значит, ноги сырые, сапог-то не было, в ботинках ходили».

Когда разыгрывались ветра, ночью они срывали палатки, ребята со сна бегали в трусах и устанавливали своё жилище на место, где посередине стояла печка – бочка из-под солярки.

Кстати сказать, жильё подростки устроили себе сами: сделали нары, столы, скамейки.

Было также следующее: становище Малые Кармакулы обстреливали с самолёта, с подводной лодки.

Мальчишки не ныли, почти не болели (как солдаты на фронте), обходились в скалах без травм.

Раз в неделю мотобот привозил на Пуховый хлеб и соль, увозил сначала ящики с яйцами кайры, а потом чаны с этой засолённой птицей, забитой ребятами из мелкашек и пиками.

Надо заметить, что заготовку яиц и тушек кайры, а также гольца, трески

вели на новой Земле и взрослые промысловики Главсеверторга и Главсеврыбпрома.

Молодые промысловики заготовили в 1942 году больше 20 тысяч тушек кайры, выловили 360 килограммов гольца, собрали около пяти тысяч яиц. Последних могло быть и больше, но сказывалась почти двухнедельная задержка с отправкой ребят из Архангельска из-за боязни встречи нашего каравана с немецкими подлодками. В результате – немало яиц было уже запаренных, в пищу не годящихся.

В первую очередь заготовленное «новоземельцами» шло в детские ясли, сады, школы.

Голодных смертей было в Архангельске очень много. Более высокая смертность на тысячу мирных жителей зарегистрирована только в блокадном Ленинграде. Если бы не юные промысловики, положение Архангельска было бы ещё хуже.

За 1941–1944 годы в Архангельске умерло, по данным ЗАГСа, 38 тысяч жителей. «Жизнью каждого пятого горожанина, умершего от голода и болезней, – написал доктор исторических наук Михаил Супрун, – заплатил Архангельск за своевременно направленные на фронт ленд-лизские грузы, за построенные и отремонтированные корабли, за лес, целлюлозу, рыбу, – за всё то, что мог дать стране. Жуткая статистика...»

Опыт этой экспедиции с успехом повторили в 1943 году.

Вскоре «робинзоны» становились солдатами и матросами. Они боялись, что

время воевать уйдёт от них. Не ушло. Домой вернулись, конечно, не все.

Я не раз писал в архангельских изданиях о мальчишках-спасителях. Назвал их имена: Сергей Колтовой, Борис Меньшиков, Арсений Баков, Владимир Дергач, Александр Камнев, Геннадий Перфильев, Александр Потапов, Артемий Кривополенов, Николай Вурдов, Геннадий Сабинин, Владимир Попов, Владимир Ермолин.

Читатели рассказали мне ещё о трёх участниках экспедиций. Так, от почётного гражданина Архангельска Владислава Дмитриевича Иванова, бывшего директора 6-й школы я узнал о выпускнике этой школы Борисе Михайловиче Панкратове, ставшем доктором технических наук, лауреатом Государственной премии СССР, руководителем лаборатории Института атомной энергии имени Курчатова.

Вера Николаевна Фёдорова написала:

«Не забыть Алика Сергеева, товарища по детской водно-технической станции (впоследствии клуб юных моряков). Очень симпатичный, всегда улыбающийся, он был любимцем станции. Алик работал в Кармакулах. Там, говорили, он заболел дизентерией и умер на руках у ребят».

А вот что написала о своём брате Александре Михайловиче Ахаткине, умершем в 2004 году в Архангельске, Нина Михайловна Дорофеева (Ахаткина): «... дома все волновались: вестей от сына и брата всё нет и нет. В сентябре 1942 года прошёл слух, что пароход, на котором ребята возвращались, был обстрелян и затонул... И вдруг, уже в октябре, дверь открылась – а на пороге наш Шурка, худой, уставший, грязный. К груди прижимает буханку хлеба – их наградили так на пароходе, отправляя по домам».

Бюро обкома и горкома комсомола выбрали для первой экспедиции 150 мальчишек. В этом очерке названо 15 фамилий. К сожалению, совсем немного.

Кроме буханки хлеба, была ли ещё какая-то награда смельчакам?.. Увы, не знаю. Возможно, и не было. А они, я думаю, памятника достойны.

г. АРХАНГЕЛЬСК

Вячеслав ОГРЫЗКО

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТСКИЙ ЗАЩИТНИК ЧУКЧЕЙ И ЭСКИМОСОВ

Владилен Леонтьев принадлежал к числу тех людей, кто всегда опережал своё время, касалось ли это его работы в школе, этнографических исследований или литературного творчества. Может, поэтому он так часто сталкивался с непониманием как в научной среде, так и в учительских кругах.

Парадокс: Леонтьев никогда не стремился стать диссидентом и, похоже, всегда верил в власть (не зря ещё в юности им было написано заявление о приёме в партию, а потом много лет его включали в разные партийные органы), но так получилось, что большую часть жизни он тем не менее рьяно боролся с системой. Он видел, насколько сильно было развито чувство обречённости у эскимосов, кереков и отчасти у чукчей. Но ему до последнего казалось, что ещё не всё потеряно. Иначе за что в гражданскую войну сражался его отец?

Владилен Вячеславович Леонтьев родился 15 марта 1928 года в посёлке Чумикан Нижнеамурской области Хабаровского края в семье бывшего красноармейца. В 1935 году его

отец – Вячеслав Михайлович – получил новое назначение на Чукотку. Сначала он был направлен в эскимосское село Чаплино. Но потом начальство передумало и предложило ему работу в селении Уэлен.

Уже в 1970 году Леонтьев в своей предназначавшейся для отдела творческих кадров Союза советских писателей автобиографии рассказал: *«Отец уроженец г. Киренска Якутской области, член КПСС с 1920 года, участник гражданской войны в Якутии и на Дальнем Востоке, работал в органах ЧК. В 30-е годы переходит в систему кооперации, а в 1935 году направляется на Чукотку в пос. Уэлен. Здесь он почти безвыездно работает в торговле до полной потери зрения в 1953 году. В 1959 году в январе отец умер».*

Здесь надо добавить, что Вячеслав Леонтьев ещё в 1922 году во время одной из стычек с белыми частями в Якутии лишился одной руки. Его чумиканский период

Владилен Леонтьев

жизни отчасти исследовал историк А.П. Фетисов. *«Прибыв в Чумикан в 1927 году, – писал Фетисов в 1982 году в своей книге «Разбуженные просторы, – Леонтьев, работая председателем охотничьего товарищества, помог эвенкам организовать промысел морского зверя, а позднее, став председателем районного интегралсоюза, одновременно трудился как рядовой зверобой и рыбак в чумиканском колхозе. Инвалид гражданской войны, он, показывая пример другим, постоянно вырабатывал больше всех трудодней».* В Уэлене Леонтьев возглавлял оргбюро Чукотского райинтегралсоюза и одновременно замещал секретаря райкома и председателя райисполкома. В 1937 году его перевели заведующим факторией в Энурмино.

Два слова о матери Леонтьева. Её звали Александра Григорьевна. Она родом была из Иркутска.

Оказавшись в Уэлене в чукотском окружении, Владилен Леонтьев быстро освоил чукотский язык. *«Начинал,*

– писал он в автобиографии, – обучение грамоте на чукотском языке, так как в классе из 14 человек я был единственным русским учеником».

В Уэлене русского мальчишку более других опекал старый чукча Рычип. Спустя годы Леонтьев в очерке «Друг с детства» писал: *«У Рычипа и его жены детей не было, поэтому в яранге я был желанным гостем. И в зависимости от сезона Рычип обеспечивал меня всем необходимым. Зимой он делал санки из клыков моржа, весной, когда прилетали первые птицы и появлялись промоины на лагуне, я получал в подарок самострел и маленькую острогу для ловли камбалы и бычков, а летом у меня всегда были костяшки для охоты на уток».*

Ещё перед войной, в 1938 году Леонтьевы собрались в отпуск. *«Я, – вспоминал позднее чукотский писатель Юрий Рытхэу, – хорошо помню сцену прощания уэленцев с семьёй Леонтьева, когда они переезжали на другое место жительства. Старый Рычип, бездетный и одинокий, особенно привязался к маленькому Владику, мастерил для него санки, нарты. Русский мальчик, на зависть всем уэленским ребятишкам, имел настоящую собачью упряжку не то их трёх не то из четырёх псов. Мальчик в слезах прощался со своими друзьями и уже в какой раз обращался с просьбой к родителям, чтобы они оставили его у Рычипа... Владик тогда сказал нам, что он обязательно вернётся в Уэлен»* (альманах «На Севере Дальнем», 1964, № 1).

Но возвращение оказалось не скорым. После отпуска Леонтьевы осели в Анадыре. Там их сын окончил среднюю школу.

В 1946 году Владилен Леонтьев поступил в Челябинское авиатехническое училище, но после первого курса у него обнаружили туберкулёз. После этого парня комиссовали. Получив «белый билет», он вернулся в Уэлен.

Сначала Леонтьев устроился в местное хозяйство мотористом. Потом его взяли косторезом в промкомбинат. А затем он переквалифицировался в морзверобоя.

Перелом в судьбе Леонтьева произошёл летом 1948 года. Тогда в Уэлен после долгого перерыва приехал в очередную экспедицию один из первых русских учителей Чукотки Пётр Яковлевич Скорик. Он хотел пополнить свои материалы по чукотскому языку, и Леонтьев стал при нём кем-то вроде переводчика. Позже Леонтьев об этом не раз вспоминал. В 1975 году он рассказывал о том, как Скорик собрал группу помощников. *«Нас, – писал Леонтьев, – было пятеро: Рочгына (по-русски Рощенко), Эйнес, Май Легков, Роптын и я. Мы целыми днями сидели у Петра Яковлевича, переводили сказки и до умопомрачения склоняли чукотские существительные, спрягали непереходные и переходные глаголы. Пока проспрягаешь, на лбу выступают капельки пота, а у Роптына и Эйнеса они показывались почему-то на кончике носа. Мы удивлялись работоспособности и целеустремлённости Петра Яковлевича. Он сам работал до изнеможения, изматывал и нас, но мы были довольны и не обижались на него»* («Магаданская правда», 1975, 4 января). Спустя десять лет Леонтьев события лета 1948 года из-

Он был требователен и любил точность. Если сомневался в правильности грамматических примеров, то наспех надевал свою куртку, вешал на плечо фотоаппарат «Зоркий» и бежал в конец посёлка к какому-нибудь старику выяснить значение той или иной грамматической формы»

ложил чуть иначе. Он писал: *«Я был подключён к лингвистической бригаде, организованной Петром Яковлевичем. В ней уже работали племянник Атыка Эйнес, Май Павлович Легков, ученик Скорика, и один из первых пионеров Роптын, счетовод колхоза Роценко. Все ребята хорошо знали чукотский и неплохо разговаривали на русском, а знание двух языков было важно для Петра Яковлевича. Правда, первое время Скорик не давал серьёзных заданий, так как считал, что чукотский язык для меня не родной и я мог не чувствовать всех его тонкостей, и использовал как переводчика сказок, преданий, бытовых текстов. Но всё равно я работал с удовольствием, тем более, что Пётр Яковлевич заражал нас своей увлечённостью. Он мог без конца говорить о чукотском языке, о его грамматике.*

Он был требователен и любил точность. Если сомневался в правильности грамматических примеров, то наспех надевал свою куртку, вешал на плечо фотоаппарат «Зоркий» и бежал в конец посёлка к какому-нибудь старику выяснить значение той или иной грамматической формы» (На Севере Дальнем», 1985, № 2).

Именно Скорик предложил матери Леонтьева отправить сына на учёбу в Ленинград. Но она предложила дожидаться мужа. *«Отец в это время отдыхал на «курорте», – вспоминал в 1975 году Леонтьев, – как-то проходила мимо шхуна и встала на якорь в Уэлене. Отец договорился с капитаном, чтобы его подбросили на Сенявинские горячие ключи. Капитан согласился. Отец взял с собой палатку, двухмесячный запас продуктов, уговорил поехать с ним костореза Куннукая, у которого от ревматизма свело руки и ноги. Срок отпуска у отца кончался, и он вот-вот должен был вернуться в Уэлен. Но и командировка Петра Яковлевича походила к концу, и он, не дождавшись отца, выехал в Лаврентия. Перед отъездом сказал, что в районо он обязательно поговорит, чтобы меня направили на учёбу в Ленинград. Вскоре вернулся отец. Он категорически сказал, что надо ехать. В конце сентября я получил телеграмму из Лаврентия. Районо согласно послать меня на учёбу. Но в это время подогнало льды, и выехать из Уэлена я не смог. После, зимой, Пётр Яковлевич несколько раз телеграммами напоминал, что институт им. А.И. Герцена согласен принять меня на учёбу».*

На северное отделение педагогического института им. А.И. Герцена Леонтьев поступил уже в 1949 году. Его сокурсником стал сын оленевода Пётр Инэнликей. На другом курсе учился ещё один земляк с Чукотки – Николай Гиутегин. Все три студента блестяще владели чукотским языком. Не случайно на них сделали ставку руководители северной редакции Учпедгиза. Трёх талантливым северянам было поручено без отрыва от учёбы перевести на чукотский язык русскую и советскую

классику. Леонтьев лично переложил для чукчей рассказы Дмитрия Мамина-Сибиряка, Виталия Бианки и Аркадия Гайдара, а также поэму Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо».

Однако после третьего курса Леонтьев, собравшись жениться, надумал на дальнейшей учёбе поставить крест и вновь вернулся на Чукотку. В Уэлене ему дали сначала место учителя, а потом и во все предложили должность директора школы.

Приступив к работе, Леонтьев столкнулся с тем, что многие дети зверобоев не хотели учиться и убегали из интерната к родителям в соседние стойбища. Вспомнив себя в этом возрасте, а Леонтьев вырос среди морских зверобоев и с детства владел чукотским языком не хуже русского, молодой учитель догадался, что ребята скучали по охоте, они тяготились ежедневным многочасовым сидением за партой, их тянуло в море, тянуло на промыслы нерпы и моржа.

Чтобы удержать учеников в посёлке, Леонтьев предложил построить байдару. Школе она нужна была для сбора на море плавника, который затем шёл на растопку печей.

В районо эту идею поддержали, выделили даже деньги, но Уэленский и Инчоунский колхозы заказ на строительство байдары принять отказались. Выручил учителя старым косторез Вуквутагин. Однажды он подкатил к школе бочку из дубовых клёпок, которая ещё годилась на шпангоуты. Затем откликнулся охотник Кагье. Он для носовых частей байдары предло-

жил старое корневище, которое лежало на Уэленской косе с его личной меткой.

Радости учеников не было предела. Они сами на собаках поехали за корневищем и потом несколько дней по очереди его пилили, сами делали киль и борта. А когда началась сборка, к ребятам часто подходили старики, и каждый из них помогал своим маленьким советом. Старые охотники объясняли детворе, почему нельзя шпангоут прибивать гвоздями, а лучше всего скреплять части байдары ремнями из нерпичьей или лахтакчей шкуры.

В мае после двухмесячной напряжённой работы остов байдары был готов. Оставалось его покрыть моржовыми шкурами. Однако поселковые власти помогать отказались, сказав, что школа – не колхоз и байдара ей не нужна. Хотел было удружить детворе молодой зверобой Лелич, подарить им после охоты несколько шкур, но об этом узнал председатель колхоза, предупредивший, что будет ждаться добродетельного охотника, если он на сторону отдаст хоть одну шкуру.

Только вмешательство жителей всего Уэлена спасло начинание молодого педагога. Как потом вспоминал Леонтьев, на одном из собраний неожиданно выступила бригадир женской пошивочной бригады Рыльтына, которая взялась всех убеждать в том, как необходима Уэлену лишняя байдара, ибо в колхозе никогда не допроситься, чтобы отвезли летом женщин для сбора ягод и съедобных корешков на другую сторону лагуны. Рыль-

тына сама вызвалась с другими мастерицами сшить байдарные покрыва.

Наконец пришло время спускать байдару на воду. Но теперь воспротивилось районо. В Уэлен полетели угрожающие телеграммы, предупреждавшие, что Леонтьев несёт судебную ответственность за жизнь каждого ученика. Что делать? Леонтьев вспоминал: *«Ответ дал отец одного из уэленских учеников Татро. Когда я спросил, не возражает ли он, если его сын примет участие в рыбной ловле в лагуне.*

– Что ты, пусть ездит, пусть учится управлять байдарой.

– А если что случится? – спросил я его.

– Что же делать, всякое может быть с человеком, но я знаю, что ты умеешь водить байдару и поэтому полностью доверяю тебе сына.

Такой же ответ был и от других родителей, дети которых проживали в Уэлене».

Однако конфликт с местным начальством на этом не закончился. Не помогла даже начавшаяся в стране очередная кампания по возрождению Севера. В Анадыре тогда решили укрепить окружком партии специалистами, знающими чукотский язык и местные обычаи.

Вдова Леонтьева – Тамара Фёдоровна уже зимой 1993 года рассказывала мне, как в 1955 году её мужа срочно из Уэлена вызвали в Анадырь. Пока он добирался до окружного центра, в посёлок пришла новая телеграмма о переводе его на партийную работу. Раз такое дело, в Уэлене назначили нового директора школы.

Никто даже предположить не мог, что Леонтьев поднимет в Анадыре бунт и не примет приглашения перейти в окружком партии. Несколько месяцев он оставался без работы: то пытался устроиться в райцентре, в посёлке Лаврентия, то возвращался в Уэлен. В райкоме партии собирались даже выговор ему объявить якобы за тунеядство и неподчинение партийной линии.

Выручила экспедиция Академии педагогических наук, которая в 1955 – 1956 годах изучала на Чукотке проблемы народного образования. Леонтьева пригласили в неё как консультанта.

Другую версию событий изложила мне уже в начале 1994 года ветеран Института национальных проблем образова-

ния Татьяна Михайловна Караваева (Блюменфельд). Она в своё время вместе с Леонтьевым училась в Ленинграде: только она студенткой специализировалась по чукотскому языку, а Леонтьев занимался чукотским языком. Её тоже в 1955 году включили в состав экспедиции Академии педагогических наук. По словам Караваевой, Чукотский окружком партии планировал усилить Леонтьевым Анадырское педагогическое училище, но при этом чиновники отказали талантливому педагогу в жилье, и на этой почве у Леонтьева потом возник с партийными функционерами острейший конфликт. Чтобы укротить строптивого учителя, партпаратчики действительно попытались перекрыть ему кислород. А спасла ситуацию куратор северных школ в Министерстве просвещения России Фаина Кронгауз. Готовя чукотскую экспедицию Академии педнаук, она заранее созвонилась с заведующим Магаданским областным отделом народного образования Железновым, который мало того что устроил уэленского подвижника в институт усовершенствования учителей, так ещё сразу выбил для него и квартиру в областном центре.

В чукотскую экспедицию Кронгауз пригласила исследователя чукотского языка Петра Скорика, работавшего в Ленинградском отделении Института языкознания, Людмилу Варковицкую, которая ещё перед войной занималась изучением языка и фольклора селькупов, Татьяну Караваеву из московского НИИ национальных школ, Леонтьева и двух инспекторов Магаданского облоно.

Леонтьев вместе со своим бывшим учителем П.Я. Скориком объехал все самые северные школы округа, побывал в сёлах Тойгунен, Уэлен, Нешкан, Энурмино, Сешан, Чзгитун, Инчоун, Лорино, Аккани и Нунямо. Оказалось, многие учителя не были готовы к работе в условиях Чукотки. Но все знали, что их ждёт зимой. Как рассказывала мне уже в 1994 году участница экспедиции Т.М. Караваева, в некоторых посёлках деятельность Леонтьева начиналась с того, что он прежде всего складывал в квартирах молодых педагогов печи, а уже потом изучал языковые особенности района. Однако научные выводы также были неутешительны. В большинстве сёл учителя владели чукотским языком очень слабо. Вот почему в ходе экспедиции Скорик и Леонтьев поставили себе задачу составить русско-чукотский разговорник для тех своих коллег, кто ещё пока плохо умел говорить по-чукотски.

Кстати, во время экспедиции Академии педнаук выяснилось, что Леонтьев не только умел складывать печи и писать методички для учителей. Он ещё пробовал сочинять новеллы о морских зверобоях. А стало об этом известно, когда все члены экспедиции, объехав закрепленные за ними сёла, собрались в посёлке Лаврентия. За чаем каждый поделился впечатлениями об увиденном. Самой эмоциональной оказалась сотрудница НИИ национальных школ Людмила Варковицкая. *«Ну надо же, – воскликнула она, – в бухте Провидения мне попались одни писатели. В какой бы дом не пришла, везде первым делом находились свои писатели»*. Варковицкая на тот момент не знала, что в соседней комнате сидел Леонтьев, отстукивавший на печатной машинке очередной рассказ из жизни уэленских охотников. Выдала тайну молодого учителя Татьяна Караваева. Но первый его рассказ – «Кэглучин» – появился в местной периодике лишь в 1958 году.

Перебравшись в Магадан, Леонтьев занялся проблемами национальных школ. Он одним из первых обратил внимание общественности на перекосы в национальной политике. Ему представлялись неправильным нацеливать детей коренных жителей на обязательное продолжение учёбы в техникумах и институтах. В подготовленной в конце 50-х годов справке для руководителей Магаданской области Леонтьев отмечал, что в национальных школах Чукотки в 1957 году «из 101 ученика, окончивших семь классов, ни один не остался

работать в колхозе, все были направлены на продолжение учёбы в другие учебные заведения, а в 1958 году всех учащихся, окончивших седьмые классы, даже не хватило для выполнения разнарядок по направлению в другие учебные заведения».

Как считал Леонтьев, разнарядки и системы льгот принесли воспитанию северян большой вред. Выпускники интернатов знали, что как бы они ни учились, у них не будет проблем с поступлением в техникумы или на отделения народов Севера хабаровских и ленинградских институтов, ибо места там заранее забронированы и оплачены государством. В тундру, к традиционным промыслам своего народа возвращались единицы, причём это были в основном подростки, исключённые из школ за хроническую неуспеваемость. *«Так в течение учебного года (1957–58) только в одном Чукотском районе было отчислено из школ всеобща из 5–7 классов 21 человек из 95 учащихся местной национальности, – отмечал Леонтьев в своей справке, – в Певекской средней школе Чаунского района отчислено 5 учеников местной национальности из 25 обучавшихся в 5–7 классах».*

Вот почему в глазах коренного населения авторитет школ стал резко падать. Старые пастухи не понимали, зачем их детям стремиться к учёбе, если «грамота не принесёт пользы оленеводству». Больше того, некоторые из них старались к началу учебного года откочевать подальше в тундру, лишь бы их сыновья не попали в школу. Как сообщал в своей справке Леон-

тьев, *«так поступал два года подряд пастух Эйгытли из бригады Вальгыргина колхоза Энмитагино Чаунского района, забрав своего сына с собой. Пастух Эйгытли не то чтобы не хочет отдавать сына в школу, он просто боится, что сын не станет оленеводом и не продолжит дело отца. Такое же настроение и у некоторых оленеводов Канчалана, Усть-Белой, Амгуэмы».* Всего в 1956 году в национальные школы Чукотки к первому сентября не явились на занятия 122 учащихся из числа коренных национальностей и 117 детей не пришли в школы в сентябре 1957 года. Только из бригад, отнесённых к Биллингскому сельсовету Чаунского района, в 1957 году родители не привезли в сентябре на занятия 18 детей.

Леонтьев полагал, что пришло время сменить приоритеты в обучении северян. Не к отъезду в ленинградские институты следовало готовить учеников. Как он писал, *«главной задачей наши национальные школы должны поставить подготовку учащихся к практической деятельности в колхозах и совхозах области, т.е. готовить к труду в оленеводстве, звероводстве и морском и рыбных промыслах».* Учёный предлагал изменить структуру учебного года, *«учебный год начинать с 1-го ноября или 15 октября, соответственно оттянув срок окончания занятий в школах. Каникулы удобнее объединить (весенние и зимние) и проводить их примерно в апреле месяце».* Кроме того, он считал, что надо *«для национальных восьмилетних школ сельского типа разработать варианты программ по труду, физвоспитанию, в предмет биологии включить изучение анатомии оленя и морских зверей, их образа жизни, а в предмет ботаники – растительного мира Чукотки, уделяя основное внимание растениям, служащим пищей оленя, а также съедобным травам».*

К своей справке Леонтьев приложил схему, где по его мнению нужно было открыть восьмилетние национальные школы – хотя бы по одной на каждый район Чукотского округа, а также на Северо-Эвенский и Ольский районы. При выборе мест для строительства новых школ учёный учитывал прежде всего наличие производственной базы, как близко от них кочуют оленеводческие бригады. По подсчётам учёного, *«в этих школах будет по 100–120 учащихся местной национальности с наполняемостью в 5–8 классах по 20–25 учащихся. Конечно, организация и строительство этих школ будет связана с затратой определённой суммы средств за счёт государства, так как колхозы пока что не в состоянии все расходы взять на себя».* Зато выигрыш был в другом – местные хозяйства могли исправно получать квалифицированные кадры для традиционных отраслей, от развития которых напрямую зависело сохранение малочисленных этносов.

Однако ни одно предложение Леонтьева руководители Магаданской области тогда не учли. Больше того, многие национальные сёла были объявлены бесперспективными. Началась кампания переселения северян, помимо их воли, из малочисленных стойбищ в большие посёлки.

Кочевникам в очередной раз решили навязать оседлый образ жизни. В азарте борьбы за якобы прогрессивные новшества стали отрицаться многие родовые обычаи. Особенно ре-

тивно руководители всех уровней взялись за вытеснение из всех сфер жизни национальных языков.

Леонтьев ещё не терял надежды на то, что разум у начальства возобладает и преступная политика по отношению к народам Севера прекратится. Он стучался во все двери, предлагая немедленно остановить переселение жителей Наукана. Выросший рядом с этим селом, Леонтьев понимал, что Наукан – не просто затерявшееся среди скал Берингова моря село. Оно подарило миру племя смелых охотников, у которых сложилась своя уникальная история, сохранилась своя культура, остался свой язык. Исчезновение Наукана, как считал Леонтьев, неминуемо приведёт к гибели целой этнической общности. Леонтьева поддержали Георгий Меновщиков, Пётр Скорик, другие видные североведы. Но голоса учёных услышаны не были.

Переселение произошло в 1958 году. Науканских эскимосов определили в посёлок Нунямо, который по своему этническому составу до этого был чисто чукотским. Рабочих мест для новых жителей в нём не оказалось. От морского промысла в Нунямо науканцы отказались, так как участок побережья в этом районе они знали плохо, им неизвестно было, как здесь ведут себя льды, куда дуют ветры, где любят прятаться звери. К этому надо добавить психологическое давление, которое чукотская община оказывала на своих новых соседей, а также новшество местных властей. Леонтьев сам в 1965 году, проводя в Нунямо этнографические исследования, столкнулся с жестоким отношением начальства к науканцам. *«В посёлке не было ни оленьего мяса, ни мяса морского зверя, – писал он в своём отчёте. – Мясные консервы были не по карману эскимосам. Люди чувствовали себя полуголодными. Но вместо того чтобы разрешить вопрос обеспечения населения свежим мясом, правление колхоза приняло все меры для обеспечения кормами лисиц на звероферме. Председателем колхоза Зеленской на припае были выставлены патрули, которые заставляли всех охотников, добывших по одной-две нерпе, тащить их на звероферму на глазах у голодных людей. Один охотник категорически отказался отдать нерпу, сказав, что дома ему тоже есть нечего. И несмотря на это, Зеленская, применив физическое насилие, отобрала у него нерпу. Это вызвало крайнее озлобление нунямцев. Среди науканцев в тот год были случаи, когда они вынуждены были употреблять в пищу тушки лисиц, забитых на звероферме. Чукчи оказывались в более лучших условиях, так как у многих были олени личного пользования и при нужде они забивали их на мясо. Всё это вызывало естественное справедливое недовольство эскимосов и неприязнь к чукчам. К этому же добавилось и другое обстоятельство. С началом строительства на территории посёлка была вспахана вся тундра, дома поставлены прямо на болоте, то есть строительство велось по строго ранее составленному проекту, который не учитывал особенности мерзлоты и тундры».*

Леонтьев в очередной раз попытался встать на защиту науканцев. Он поддержал перед руководителями Чукотки и Магаданской области их просьбу о переселении в посёлок Пинакуль, где были условия для развития традиционных промыслов, культуры и языка науканских эскимосов. Однако начальство восприняло эти просьбы как проявление эскимосами национализма.

Кстати, потом и само Нунямо было признано неперспективным посёлком. В 70-е годы многие науканцы уехали оттуда в Лаврентия и Уэлен, а большинство чукчей переселилось из Нунямо в посёлок Лорино. Конечно, эти бесконечные скитания оставили свой след в душе зверобоев. Как подметил Леонтьев, *«у современной грамотной молодёжи возник отрицательный рефлекс, то есть стремление уехать куда угодно, но только не в этот ненавистный Чукотский район. А пожилые науканцы, живущие в Лаврентия, открыто гово-*

рят: «Если мы раньше сидели на скале и следили в бинокль за морем, высматривая зверя, то сейчас мы из Катрыткино смотрим, когда откроется магазин, чтобы взять бутылочку».

Следствием переселений и гибели Наукана стала, по словам Леонтьева, «депрессия как стойкое умонастроение, которое, к сожалению, не поддаётся корреляции в пределах трёх-четырёх поколений. В медико-генетическом отношении искусственная и вынужденная ассимиляция с другими группами населения (русскими, чукчами) ведёт... к болезненной метизации со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями для здоровья людей, а в этническом плане – приводит к депрессии духовной культуры, росту ностальгии, а разобщённость не даёт возможности обучения на родном языке и проведению традиционных праздников».

Другой многолетней головной болью Владилены Леонтьева была Уэленская косторезная мастерская. Может потому, что с ней в своё время тесно связал судьбу его отец – Вячеслав Михайлович Леонтьев. Ему ещё в конце войны удалось уже затухавшую Уэленскую косторезную мастерскую реорганизовать в промкомбинат по художественной обработке кости и художественной вышивке с отделениями сначала в сёлах Наукан и Дежнёв, а затем и в Инчоуне, где на первых порах работало в общей сложности 24 костореза, 80 швей и ещё обучалось 24 ученика. Уже в 1945 году комбинат изготовил продукции почти на полмиллиона

Побывав в 1961 году на одной из выставок, Владилен Леонтьев был поражён полной безвкусицей представленных работ уэленских мастеров. Оказалось, что тон в мастерской стал задавать новый заведующий Тышов, предложивший косторезам трудиться по его разработкам.

рублей, а через несколько лет он стал ежегодно сдавать государству изделий на миллион рублей.

Однако в 1950 году, когда Леонтьев-старший уехал на лечение в Москву, промкомбинат передали в подчинение Уэленской торгово-заготовительной базы, где вопросы развития национального искусства никого не интересовали. Буквально за несколько месяцев косторезная мастерская пришла в упадок. Большинство косторезов стало жить за счёт того, что делали трубу для пекарни, резали стекло для магазина, мяли замазку.

Большие надежды Леонтьевы, и старший и младший, связывали с назначением в 1955 году художественным руководителем мастерской И.П. Лаврова. Но стоило тому покинуть Уэлен, на косторезов обрушились новые беды.

Побывав в 1961 году на одной из выставок, Владилен Леонтьев был поражён полной безвкусицей представленных работ уэленских мастеров. Оказалось, что тон в мастерской стал задавать новый заведующий Тышов, предложивший косторезам трудиться по его разработкам.

Леонтьев сразу по горячим следам сделал критический разбор эскизов Тышова. Он негодовал, какое отношение к уэленским традициям может иметь эскиз ножа в чехле с ненецкой нартой в сопровождении огромной собаки. «Форма чехла необычна и напоминает меч крестоносцев, – писал Леонтьев, – хотя сохранение первоначальной формы исходного материала, в данном случае моржового клыка, является большим достоинством любого мастера, что и делалось чукотскими резчиками. В другом эскизе по совершенно неизвестным мотивам вводится инкрустация перламутром, которая хороша в работе по чёрному дереву или рогу, но никак не подходит к такому материалу, как моржовая кость». Как считал Леонтьев, если следовать установкам Тышова, то очень скоро Уэленская мастерская могла лишиться всякой самобытности и не лучшим образом копировать традиции мастеров холмогорской и других школ.

Изменить ситуацию могла, по мнению Леонтьева, новая система подготовки косторезов. Для этого требовалось открыть ученическую мастерскую. Однако сколько Чукотторг, которому начальство поручило заниматься проблемами косторезов, ни пытался собрать подростков для обучения резному делу, они все уже через две-три недели разбегались. Это потому, что никого не интересовали вопросы их размещения, большинство ребят были предоставлены сами себе, кто жил у родственников, кто у знакомых, кто в интернате. Леонтьев считал, что косторезному искусству надо обучать детей с двенадцати лет без отрыва их от общеобразовательной подготовки, чётко определив обязанности Чукотторга, ответственного за профессиональную подготовку, и органов просвещения, обязанных каждому ребёнку дать восьмилетнее образование.

Власти сначала к советам Леонтьева прислушались, даже издали его пособие «Юному косторезу». Но очень скоро Уэленскую мастерскую охватили очередные организационные и творческие кризисы. Однако каждый раз вмешиваться Леонтьеву уже не удавалось: его везде выслушивали, но для исправления ситуации почти ничего не делали.

В какой-то момент начальство, чтобы отвязаться от чересчур настырного методиста, припомнило ему отсутствие диплома о высшем образовании. Леонтьеву ничего не оставалось делать, как срочно восстановиться в институте. Уже в 1960 году его зачислили на заочное отделение в Хабаровский пединститут, а в 1963 году ему наконец выдали диплом. Но и после этого власть не пожелала с ним считаться.

Меж тем в 1961 году у Леонтьева вышла первая книга рассказов «В Чукотском море». Она вызвала много добрых откликов. *«Книжка эта небольшая, немногим больше полусотни страниц, но книжка умная, нужная, — отметил Вс. Ник. Иванов. — Автор был привезён на Чукотку семилетним мальчиком, вырос с чукотскими ребятами, овладел их языком настолько что ловит себя на том, что во время охоты думает по-чукотски — «на этом языке как-то удобнее рассуждать о нерпах разводьях подах» <...> Его короткие охотничьи рассказы и очерки вводят советского читателя в самую глубину быта и трудов людей этой малой народности»* («Дальний Восток», 1961, № 5). Научный сотрудник Билибинского краеведческого музея Реслан Васильевский, ставший позднее известным историком, особо выделил этнографические наблюдения Леонтьева. Леонтьев *«подробно описывает ловкую и удобную одежду морского охотника, его снаряжение (рассказы «У кромки», «На кита»).* Любопытно и сообщение о том, как охотники и оленеводы для того, чтобы защитить себя от неожиданного нападения зверя, распускают по следу ремень акына или чаут (*«На всякий случай»*). Здесь наблюдения автора представляют не только познавательную, но и научную ценность» («Магаданская правда», 1962, 24 марта).

После охотничьих этюдов Леонтьев обратился к ещё недавней истории, которую творили его отец и первые чукотские кооператоры. Он взялся за роман «Атымавле — торговый человек» о жизни одного из чукотских стойбищ на берегу Ледовитого океана в 20–30-е годы. Первую часть этой книги высоко оценил исследователь походов первых русских мореплавателей на Тихом океане А.И. Алексеев, напечатавший в 1963 году восторженную рецензию в газете «Магаданский комсомолец».

Видя, насколько бессильны органы народного образования что-либо изменить в судьбе народов Севера, Леонтьев в 1964 году перешёл работать в Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, где существовала лаборатория археологии, истории и этнографии. Он рассчитывал, что если не хотят прислушаться к нему как к практику, то, может, учтут результаты его научных экспедиций.

Первая его экспедиция состоялась в 1964 году. Леонтьев объехал почти все сёла Чукотского района. В одном посёлке

учёный заглянул к председателю колхоза. Вдруг в кабинет стремительно вошёл маленький и уже немолодой чукча и, не обращая внимания на гостя, сразу стал ругать начальника: почему, пока он болел, ему не сшили тёплую одежду. И только услышав уверения в том, что одежда будет, зашедший чукча обратился к гостю и тоже сразу с вопросом: «Это ты сказки записываешь?» «Да». «Я могу много что рассказать. У кого ты остановился?» И уже вечером Леонтьев слушал сказки из шаманско-

го репертуара. Поначалу он пытался хоть что-то записать, но вскоре почувствовал, что не может угнаться за рассказчиком, и отложил тетрадь в сторону, понадеявшись на свою память.

Утром Леонтьев уточнил у сказителя, правда ли, что он шаман. Услышав утвердительный ответ, он попросил исполнить один из обрядов, но наткнулся на отказ.

Шаман сослался на то, что все нужные для обряда вещи остались в тундре, а пользоваться чужими предметами он не привык.

Спустя год Леонтьев решил повторить прежний маршрут. Он заранее подготовил магнитофон. Но его ждала горькая весть: шаман перед его приездом утонул в реке.

В 1967 году Леонтьев обследовал чукотские сёла Библибинского и Чаунского районов, а в 1969–1971 годах он объездил весь Беринговский район. Картины везде были унылые. В сёлах резко возросло число безработных местных жителей. Часть населения имела только сезонную работу во время забоя оленя или промысла морского зверя, отсюда – неустойчивые заработки. Осложнилась демографическая ситуация. Большинство женщин в тундре сидело без рабочих мест, на всю оленеводческую бригаду полагалась лишь одна ставка чумработницы, другим женщинам зарплата не начислялась, поэтому многие северянки стали искать работу на центральных усадьбах колхозов, а в итоге большой процент оленеводов вынужденно оставался холостым, без семей. К этому можно было добавить закры-

Утром Леонтьев уточнил у сказителя, правда ли, что он шаман. Услышав утвердительный ответ, он попросил исполнить один из обрядов, но наткнулся на отказ.

тие национальных школ, исчезновение из учебных программ вплоть до 1967 года чукотского языка и массу других проблем. Не случайно у коренных жителей целого ряда посёлков буквально за десять-пятнадцать лет возникло чувство обречённости, особенно среди науканских и чаплинских эскимосов, а также у чукчей Лорино, Кеппервеема, Биллингса и других селений.

В рабочих бумагах Леонтьева сохранилась такая запись: *«По национальности я русский, но воспитался и вырос в чукотско-эскимосском окружении, что сказалось на моем психологическом и духовном формировании... Из тринадцати моих одноклассников, с которыми я учился в Уэленской школе с первого по четвёртый класс, осталось к 1952 году в живых трое: Иочель, я и Теркиё, последний отсидел значительный срок в заключении. Из учившихся со мной в Ленинграде погибли Гиутегин Николай (по пьянке), Коровье Николай (утопился), Эйнелькут Михаил (сгорел от водки), на грани полной деградации была отличница Ленинградского университета Анальквасак Вера».*

Леонтьев это объяснял тем, *«что в основу всех преобразований в культурной и хозяйственной жизни взята лишь одна экономическая целесообразность без учёта исторически сложившихся психологических, физических, биологических и хозяйственных факторов, а также отходов от тех традиций, которые проявились в начале строительства социалистического общества. Не случайно был создан Комитет содействия малым народностям Севера, который специально, используя научные данные этнографов и социологов, проводил социалистические преобразования на Севере. Не случайно Министерство просвещения РСФСР вплоть до укрупнения посёлков шло на содержание маленьких карликовых школ с контингентом учащихся от 5 до 10 человек, которых обучали два-три учителя. Сейчас все вопросы социального и хозяйственного развития решаются кабинетным путём, без учёта сложившихся психологических факторов и конкретного знания людей, с покровительственной ноткой высшего к низшему».*

Леонтьев надеялся, что ему удастся переломить трагическую ситуацию. Однако его ждало горькое разочарование. Ни кому выкладки и программы учёного оказались не нужны.

В 1969 году Леонтьев под руководством академика А.П. Окладникова завершил работу над кандидатской диссертацией о хозяйстве и культуре народов Чукотки в конце 50-х и в 60-е годы. Защита проходила в Новосибирске. Оппонентов учёного в первую очередь интересовало, чем подходы Леонтьева отличались от классиков североведения и, в частности, от Богораза. Леонтьев ответил, что Богораз, по его мнению, почти всё в жизни чукчей связывал с верованиями северян и не всегда отличал производственные процессы от языческих обрядов. В подтверждение своей мысли соискатель сослался на

Какое-то время Леонтьев патался совмещать просветительскую деятельность и научные исследования с художественной литературой. Критики высоко оценили его первый роман «Антымавле – торговый человек». Вдохновлённый удачей, он в 1970 году подал заявление о вступлении в Союз писателей.

праздники урожая у славян. Мол, никто ведь не считал праздник урожая отражением религиозных представлений славян. Но лучше бы Леонтьев таких аналогий не проводил. Часть историков немедленно вступила с ним в спор. Кое-кто даже усомнился в том, был ли Леонтьев хоть раз в поле, не изучал ли он быт чукчей по одним книгам. Это уже вывело из себя Окладникова. Чтобы все убедились в глубине познаний соискателя, он предложил своему ученику наизусть продекламировать по-чукотски стихи Маяковского. Маяковский на чукотском языке в исполнении русского исследователя оказался решающим аргументом.

Ещё во время работы над кандидатской диссертацией Леонтьев столкнулся с новой проблемой: в чукотских сёлах стала исчезать чукотская речь. Кроме того, резко затормозился процесс формирования чукотского литературного языка. Учёный в своих экспедициях обнаружил, что литература на чукотском языке не имела никакого спроса. Собеседники из числа чукч ему называли три причины:

«1. Чукотские книги тяжело читать потому, что в них много трудных, непонятных слов.

2. Очень длинные слова. Начнёшь читать начало и пока дойдёшь до конца, забываешь, с чего начал.

3. Чукотская грамота непонятна. Тяжелая. Лучше читать на русском языке» («История и культура народов Севера Дальнего Востока» М., 1967).

Леонтьев провёл своё исследование и выявил три причины, которые, по его мнению, порождали непонимание чукотской грамоты:

«1. Общность графики, основанной на двух различных фонетических системах;

2. Комплексное написание слов (инкорпорация);

3. Разрыв между народно-разговорной речью и чукотским литературным языком, который проявляется в синтаксических особенностях чукотского языка».

Исходя из этого, Леонтьев сделал вывод о том, что в своё время политики поспешили перевести письменность народов Севера с латиницы на кириллицу. Понятно, что возвращать латинский алфавит власть не позволила бы. Но реально было другое – изменить подходы к составлению учебников родного языка для чукотских школ и к переводам художественной литературы. Однако учёного в этом направлении никто не поддержал. Власть относилась к вопросу развития языков народов Севера скептически. Она была убеждена в том, что коренные жители Чукотки в подавляющем большинстве в скором времени перейдут в общении только на русский язык и надобность в языках северян исчезнет.

Какое-то время Леонтьев патался совмещать просветительскую деятельность и научные исследования с художественной

литературой. Критики высоко оценили его первый роман «Антымавле – торговый человек». Вдохновлённый удачей, он в 1970 году подал заявление о вступлении в Союз писателей.

Рекомендации ему дали Виктор Астафьев, магаданские литераторы Галина Остапенко и Ольга Гуссаковская и переехавший в Москву поэт Пётр Нефёдов. «Я читал почти все книги магаданца Владилена Леонтьева, – отметил Астафьев, – и пристально слежу за его творчеством. Приходилось мне читать его рукописи и рекомендовать их в печать. Русский по национальности, Владилен Леонтьев пишет в основном о чукчах и о чукотской земле, которую знает настолько хорошо, что смог написать не только книги о жизни этого самобытного народа, но и защитить диссертацию на эту же тему. Экзотики в произведениях Леонтьева не занимать, и всё же не она главное в рассказах и повестях, а характеры людей и особенно их труд, уклад жизни и социальные отношения, которые сделали их равными среди многих национальностей нашей страны. Я рекомендую в Союз писателей Владилена Леонтьева не только как талантливого литератора, но и человека серьёзного в работе и науке, твёрдо стоящего на своих ногах и отлично понимающего, что звание члена Союза писателей СССР накладывает на него большую идейную и нравственную ответственность». Другой рекомендатель – Ольга Гуссаковская подчеркнула: «Большой роман Владилена

Леонтьева «Антымавле – торговый человек», мне кажется, спокойно можно поставить в один ряд с таким, проверенным временем, произведением, как «Али-тет уходит в горы» Т.Сёмушкина. Хотя, рассказываемая об одном и том же бурном историческом периоде, сюжетно они ни в чём не перекрещиваются. Герой романа Антымавле – лицо подлинное, первый кооператор-чукча, один из тех людей, чьими силами утверждалась в этом далёком крае советская власть. Жизнь его проходит на широком фоне огромной ломки окостеневших устоев быта, борьбы с привычной несправедливостью торговцев, с хитростью шаманов и кулаков. Роман полон неповторимого своеобразия и в чём-то может служить даже историческим документом. Читая его, веришь: так было».

25 мая 1970 года заявление Леонтьева было рассмотрено на общем собрании Магаданской писательской организации. Первой выступила чукотская поэтесса Антонина Кымытваль. Она заявила: «Я думаю, мы все очень хорошо знаем литературную судьбу Леонтьева. Это интересная судьба. И человек он интересный, талантливый, очень искренний. Его книги – «Антымавле – торговый человек», «Охотники пролива Беринга», его рассказы и очерки с большим интересом читают не только на Чукотке, не только в нашей Магаданской области. Он сумел донести до широкого читателя своё видение сурового Чукотского края, свою лю-

бовь к Чукотке, сумел рассказать о судьбе народа, показать его нелёгкий труд, его нынешнюю светлую жизнь. Ещё я хочу сказать о том, что Владилен Леонтьев – свой человек на Чукотке. Его читают, его знают в лицо, с ним часто советуются в сложных вопросах. Такое вот признание народа – это, мне думается, большой литературный успех, высокая оценка». Юрий Васильев добавил: «В произведениях Леонтьева нет внешней броскости, нет эффектных положений, каких-то рискованных ситуаций. Он не стремится к внешней занимательности. Ему это не нужно, потому что всё, о чём пишет Леонтьев, – художественно достоверно. А это главное. Не экзотика – герой его книг, а живые и полнокровные люди, о которых он рассказывает с большой теплотой с любовью и симпатией».

В приёмной комиссии Союза писателей России Леонтьева сильно поддержал Николай Евдокимов. Он в своём отзыве отметил: «С удовольствием и с большим уважением я прочитал книги В.Леонтьева «В Чукотском море», «Антымавле – торговый человек», «Охотники пролива Беринга», которые заметно выделяются из множества книг, написанных русскими о Севере. Выделяются они не только прекрасным знанием природы Чукотки, её быта, нравов людей, населяющих суровый этот край, но и несомненным литературным дарованием автора, умеющим писать не только пейзажи, но и человеческие характеры. Сложные судьбы показывает нам автор в романе «Антымавле – торговый человек», рассказывающем о старой и новой Чукотке, о нелёгком пути, который пришлось пройти людям этого края к новому строю жизни. В.Леонтьев очень достоверен в своих писаниях, он знает о народе, им описываемом, то, что может знать человек, воспитанный этим народом, или проживший там многие годы отнюдь не сторонним наблюдателем. Мне неизвестна биография писателя, но таково впечатление от его интересных книг».

В Москве на заседании приёмной комиссии Союза писателей России выяснилось, что из Магадана пришло ходатайство от Магаданского обкома КПСС. Алим Кешоков доложил:

Кереки Екатерина Кальвичану и Михаил Иванович Етышкеу.
В центре автор.

«К нам обратился обком партии с тем, чтобы с наибольшим благоприятием рассмотреть кандидатуру Леонтьева, имея в виду, что писательская организация в Магадане распалась, что там люди не приживаются, удирают». Ну по поводу последнего замечания можно было сделать и некоторые уточнения. С одной стороны, писательская организация в Магадане и 1970 году действительно оказалась на грани распада: там на учёте оставалось лишь четыре члена Союза (а по уставу требовалось не менее пяти человек). Но не потому, что никто на Севере не приживался. Нефёдов уехал из Магадана сразу после своего 50-летия, до этого отдав Северу почти два десятилетия. Гуссаковская планировала вернуться в Кострому, потому что там у неё находилась больная мать. Юрий Васильев же считал, что он давно перерос Магадан, ему явно в Магадане не доставало общения с творческими людьми, к тому же в Москве у него имелось собственное жильё. В то же время партаппарат сам вставлял палки в колёса и не пускал подросший молодняк, и долго не давал ходу ни Альберту Адамову, ни Анатолию Пчёлкину, ни Александру Бирюкову, ни Альберту Мифтахутдинову.

Кстати, любопытную ремарку бросил на заседании приёмной комиссии специалист по Горькому Александр Овчаренко: *«А если мы примем нового человека, он тоже убежит?»* Овчаренко не знал, что Леонтьеву-то и бежать-то было некуда. Он настолько прирос к Северу, что вряд ли мог бы прижиться в каком-то другом крае.

После вступления в Союз писателей Леонтьев напечатал небольшой сборничек сказок «Приключения храброго Ейвелькея», автобиографическую повесть «Мальчишка из Уэлена» и главы из документальной повести «Тэгрынкеу». Я не могу сказать, что все эти произведения стали несомненной удачей писателя. Мне кажется, что как

художник он до конца не реализовался. Может, ему всё-таки следовало в какой-то момент всё бросить и заняться исключительно литературой. А так Леонтьев всю жизнь писал урывками. Не поэтому ли все его публикации 70–80-х годов надо рассматривать лишь как подступы к главной книге, которую, однако, написать ему было не суждено.

Одно время Леонтьев попробовал уйти в чистую науку. Его увлекла проблема кереков. Дело в том, что долгое время керекки считались одной из малочисленных этнических групп внутри корякского народа. Одним из первых в справедливости такого утверждения усомнился П.Я. Скорик. Проанали-

зировав в конце 50-х годов лингвистические материалы, он пришёл к выводу, что язык керекков являлся совершенно самостоятельным, а сами керекки когда-то образовали отдельный народ. Однако быт, язык, фольклор керекков по-прежнему оставался в науке «белым пятном».

Когда Леонтьев отправился в 1970 году в первую экспедицию к кереккам, он нашёл их лишь в двух посёлках – Мейныпильгыно и Хатырка. В первом проживало восемь семей, в которых один из членов семьи являлся керекком, всего 31 человек, из них только пятнадцать считали себя керекками, а керекский язык знали и того меньше – одиннадцать. И ещё одиннадцать керекков оказалось в Хатырке.

Работать Леонтьеву было крайне трудно. *«Казалось бы, для жизни керекков созданы все условия, – отметил учёный в своих рабочих бумагах, – они не терпят голода, имеют дома, получают пенсию и пользуются наравне со всеми остальными социальными благами. Но чувство обречённости у них развито больше, чем у остальных народов области. Они крайне раздражительны, вспыльчивы и обидчивы. Это вполне естественно, так как считать себя последними представителями своего племени нелегко».* О чём ещё говорить, если в течение 1970–1976 годов умерло пять стариков, помнивших язык и обычаи керекков. С их

смертью у учёного фактически исчезли источники информации о духовной жизни керекского народа. Материалы для книг «По земле древних кереков» и «Этнография и фольклор кереков» Леонтьев собирал буквально по крупицам.

Леонтьеву ещё потому было тяжело, что у него мало оказалось помощников. Лаборатория, в которой он работал, занималась в основном археологическими раскопками и проблемами заселения северо-восточной Азии и Аляски, а этнография находилась на положении золушки. Особенно сиротливо почувствовал себя учёный после смерти У.Г. Поповой, которая занималась вопросами быта и культуры эвенов Магаданской области. Леонтьев понимал, что решение национальных проблем, которые в 80-е годы стали обостряться, немыслимо без изучения этнических процессов у чукчей, эскимосов, чуванцев, камчадалов и других малочисленных народов Северо-Востока России. А кроме него в лаборатории этими вопросами занимались Р.М. Рагтытваль и отчасти археолог Т.Теин. Конечно, они не могли втроем охватить все темы. Поэтому Леонтьев искал возможности расширения в СВКНИИ этнографических исследований. Помню, когда Магаданское издательство передало ему на рецензирование рукопись моей книги «Звуки языка родного», учёный уговаривал меня наряду с изучением литературного творчества северян всерьёз обратиться к этнографии, и он даже в своём отзыве написал, что

Керек Кежгынто во время записи сказки.

«хотелось бы, чтобы автор хотя бы в краткой форме, но рассказал о расселении северных народностей, определил их по языковым и хозяйственным группам», несмотря на то, что книга касалась в основном просветительской и литературной деятельности писателей Севера.

А ещё раньше, в 1980 году он, отвечая за организацию работы в Анадыре в рамках Всесоюзной научно-практической конференции секции «Проблемы социально-экономического развития малых народностей Севера», подготовил концепцию создания в Магадане отдельной лаборатории этнографии и экономики малых народов Северо-Востока.

Из чего исходил Леонтьев? Хотят северяне того или нет, но развитие промышленности, и прежде всего горнорудной, в Магаданско-Камчатском регионе уже не остановить. А раз так, неизбежно появление новых промышленных предприятий, крупных посёлков, использование мощной техники, приток приезжего населения. И если все эти процессы пустить на самотёк, то будет ускорена искусственная и вынужденная ассимиляция малых народов. Кроме того, чукчи, эскимосы, эвены, коряки не выдержат конкуренции в борьбе за рабочие места.

Чтобы малая по своему удельному весу экономика народов Севера не затерялась в общем потоке проблем, Леонтьев предлагал наладить учёт этнографических, исторически сложившихся особенностей трудовой деятельности северян, тесно связанных с экологической средой. В новой лаборатории он мечтал увидеть специалистов по быту, культуре и языку чукчей, эскимосов, коряков, эвенов и других народов. Но эта идея Леонтьева так и осталась невостребованной. А после его ухода из жизни и смерти Рагтытваль в СВКНИИ проблемами этнографии интересовался в основном один Теин, и многие исследования вообще прекратились.

Это особенно грустно сознавать, потому что сам Леонтьев готов был поделиться многими материалами, лишь бы нашлись учёные, которые продолжили изучать этнографию. Так, в середине 80-х годов он отдал почти весь свой архив по керекам ленинградским исследователям. Леонтьев считал, что сам уже не скоро

В распоряжение ленинградских лингвистов попали десятки текстов, словарные материалы, магнитофонные записи. Но, к сожалению, надежды не оправдались, никаких научных докладов и публикаций о кереках по материалам Леонтьева, ни на основе каких-либо других исследований с тех пор так и не появилось.

сможет вернуться к керекским проблемам и негоже, если из-за этого остановится изучение языка, фольклора и быта кереков.

В распоряжение ленинградских лингвистов попали десятки текстов, словарные материалы, магнитофонные записи. Но, к сожалению, надежды не оправдались, никаких научных докладов и публикаций о кереках по материалам Леонтьева, ни на основе каких-либо других исследований с тех пор так и не появилось.

Последней научной работой Леонтьева стал «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» объёмом свыше сорока печатных листов, в который вошло свыше пяти тысяч географических названий. Топонимикой учёный заинтересовался ещё в начале 60-х годов, когда попытался выяснить происхождение с детства знакомых ему названий – Уэлен, Ванкарем, Наукан и других посёлков. Он искал объяснения топонимам в чукотском языке, в фольклоре народов Севера, в документах первых русских путешественников. В 1969 году у Леонтьева появилась первая публикация на эту тему – статья в «Известиях Сибирского отделения АН СССР» «К вопросу о топонимах Певек и Пэк». Но вплотную заняться топонимами учёного подтолкнула вышедшая в конце 60-х годов двумя изданиями в Магадане книга П.В. Бабкина «Кто, когда, почему», которая носила откровенно любительский характер, что во многом объяснялось плохим знанием автором истории Севера и невладением языками коренных жителей Магаданской области. Сначала Леонтьев взялся помочь Б.Г. Щербинину привести в систему географические названия, обязанные своим происхождением в основном геологам. Так появилась их совместная книжка «Там, где геологи прошли». А затем учёный решил охватить всю территорию Магаданской и Камчатской областей и частично Якутии (верховья Индигирки и левый берег низовья Колымы). В интерпретации топонимов он опирался на лингвистический анализ, исторические и географические познания и собственные этнографические исследования.

Одно время Леонтьев наряду с научным толкованием географических названий стал предлагать предания народов Севера об их происхождении. Так, в 1981 году он опубликовал на страницах магаданского альманаха «На Севере Дальнем» несколько легенд чукотских оленеводов, которые давали своё объяснение некоторым топонимам. Это сочетание научных исследований с фольклором могло дать интересные образцы литературного творчества. И я очень жалею, что Леонтьев позже по разным причинам отказался от дальнейших публикаций развёрнутых фольклорных версий.

Естественно, занимаясь топонимикой, Леонтьев изучил имевшиеся публикации. Среди других работ он обратил

внимание на статьи известного тунгусоведа К.А. Новиковой, которые объясняли многие топонимы эвенского происхождения. Леонтьев предложил ей более активно включиться в исследование проблем топонимов северо-восточной Азии. К сожалению, возникшее сотрудничество рано оборвалось, в 1984 году Новикова умерла. Поэтому в топонимическом словаре её работы заняли самую малую толику, значительную часть материалов, связанных с эвенской топонимикой, учёному пришлось сверять уже с непосредственными носителями эвенского языка. Однако Леонтьев посчитал себя обязанным не просто сказать доброе слово о Новиковой после её смерти, но и назвать её соавтором главного труда своей жизни.

Уже с 1983 года для Леонтьева не было других более значимых научных тем, чем составление топонимического словаря северо-востока Азии. Все другие работы отодвинулись в сторону, к ним учёный обращался, когда уставал заниматься топонимикой и ему требовался отдых. Уже будучи смертельно больным, Леонтьев продолжал выверять словарные статьи. Каждый день к нему в Магаданскую областную больницу приходила лаборантка из СВКНИИ, чтобы забрать и унести в издательство стопку новых записей. Он так и умер в больнице в окружении картотек и папок с бумагами. Случилось это 26 июня 1988 года. Самого словаря Леонтьев уже не увидел. Он вышел в 1989 году – через год после его смерти.

Валентина ВАНУЙТО

ПРЕОДОЛЕЗ

ЗАВИСТЬ

НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

С Валентиной Вануйто меня познакомила осенью 1993 года поэт Лидия Гладкая. Это было практически сразу после расстрела парламента в Москве. Весь Ямал бурлил. Общество раскололось надвое. Одни считали, что всё было правильно: мол, кто-то ведь должен защищать демократические ценности. Другие полагали, что элиты не поделили власть и в жертву принесли народ. А молодого ненецкого историка Валентину Вануйто события кровавой осени 1993 года заставили вспомнить то, что происходило в ямальской тундре полтора с лишним столетия назад. Она посоветовала пристальней всмотреться в фигуру Ваули из ненецкого рода Ненянг. Ваули ведь тоже в тридцатые годы девятнадцатого века организовал на Ямале массовое смертоубийство. Только потом советская власть записала его в ненецкие лидеры, который поднял восстание против царского самодержавия, и предлагала установить ему в Салехарде памятник. А Вануйто раскопала в селениях, приютившихся на побережье Карского моря, легенды, проклинавшие этого разбойника. На основе собранных в экспедициях по Ямалу материалов Вануйто подготовила книгу очерков об истории ненцев в девятнадцатом веке. Но тогдашний директор Салехардского краеведческого музея Людмила Липатова, которая к тому времени умела разве что только раздавать указания, рукопись молодой ненки завернула, сославшись на отсутствие у неё диплома о высшем образовании. Валентине Вануйто пыталась помочь Гладкая. Но в администрации округа доверились воинствующей дилетантке Липатовой. В итоге Вануйто из Ямала выжили, и ей пришлось переселиться в Тобольск. Позже она заочно окончила институт, защитила кандидатскую диссертацию, выпустила монографию, напечатала несколько повестей. Но всё это было не благодаря кому-то, а скорее вопреки...

Я давно не беседовал с Валентиной, хотя вопросов накопилось много. Вот первые: почему она занялась этнографией? Что её подтолкнуло к исследованиям истории ненцев? И кто были у неё учителями?

– Я ещё в юности прочитала монографии о ненцах Л.В. Хомич, Н.А. Миненко и В.И. Васильева. Затем мне разрешили осмотреть научный зал Российского государственного архива древних актов. А потом я получила допуск к фондам бывших политических в Тобольском архиве. Правда, во всех архивах на меня смотрели косо. Все требовали от меня диплома об окончании института. Самоучек нигде особо не жаловали. Спасибо хантыйской исследовательнице Антонине Макаровне Сязи, которая помогла мне устроиться в созданный в 1989 году Научный Центр Гуманитарных исследований коренных малочисленных народов Севера. Благодаря Сязи я получила возможность регулярно выезжать в российские архивы и спокойно изучать архивные материалы по своей теме.

Своими первыми учителями в истории я считаю Л.В. Хомич, Н.А. Миненко, Л.Д. Гладкую и А.М. Сязи. Людмила Васильевна Хомич консультировала меня письменно. Нина Адамовна Миненко, прочитав мою рукопись «Очерки истории и культуры Обского Севера», написала положительный отзыв и предложила взяться за диссертацию. Она же подсказала тему для кандидатской работы: «Культурное развитие Обдорского Севера в конце XVIII – начале XX». Защита состоялась в 2005 году.

– Если я не ошибаюсь, Миненко в 1996 году написала заключение о том, что Ваши «Очерки...» надо издать отдельной книгой. Почему же её мнение было проигнорировано и книга так и не вышла?

– Кроме Миненко, мои очерки рекомендовала издать также Лидия Гладкая. Но против выступили мои сородичи, занявшие в окружной администрации большие должности, и прежде всего С.Н. Харючи и Л.П. Вэлло. Я до сих пор не знаю, что ими руководило: зависть или какие-то другие моменты. Но спустя несколько лет я часть своих материалов неожиданно для себя обнаружила в книге супруги С.Н. Харючи – Г.П. Харючи.

Некоторые представители ненецкой элиты так и не прости-

ли мне самостоятельности. Я ведь не завишу от кого-либо. Я сама по себе. Может, поэтому-то ненецкие начальники старались меня не только оклеветать, но и не дать подняться. Почему-то русская интеллигенция мне всегда помогала, а вот свои старались втоптать в грязь.

– Почему Вы обратились к фигуре Ваули? Кто он: злодей или герой?

– К фигуре Ваули Пиеттомина я обратилась из-за несоответствий взглядов разных авторов к его персоне. Мне было интересно, кто он. Советские учёные сделали из него героя. А вот в архивных документах и в легендах ненцев он представлен совсем в другом свете. Изучив архивы и собрав легенды, я увидела, что Ваули – проходимец, который был обижен своим другом Нечаевым. Видите ли, ему не дали статуса «старшины» и отлучили от распределения ясака. А он просто мечтал обогатиться за счёт других. От его набегов страдали не богатые оленеводы. Страдал весь Ямал. Он сносил все чумы, несмотря на то, что там находились маленькие дети. Этот метод обогащения он позаимствовал у зырян. Ненецкие легенды рассказывали о том, как зыряне угоняли стада оленей, а оленеводов оставляли в 45-градусный мороз умирать. Поэтому я не считаю, что Ваули – это ямальский «Робин Гуд». Это был обычный преступник.

– Когда Вы отправились в свою первую экспедицию?

– В 1986 году. Я отправилась тогда на родину своих предков – в Тамбейскую тундру. Я хотела собрать мате-

риалы по своей родословной. Моя мать Вануйто Нина Ивановна происходила из богатого рода Окотэтто. Моего деда расстреляли без суда и следствия. А маму отправили учиться в школу как сироту. Она закончила там-бейскую школу-интернат экстерном. Старший брат моей матери – Юнко Окотэтто жил в Новом Порту. Младший брат моей матери – Ейко Окотэтто был сослан в Антипаюту. А мой отец – Юрий Яковлевич Вануйто – был родом из Нового Порта. У него было четыре сестры, одна из них – его двойняшка потом стала матерью нашего художника Леонида Алексеевича Лара. Вторая сестра Юрия Яковлевича Вануйто вышла замуж за Сусой (у них потом родился мой двоюродный брат Ятти Худи – он родной племянник Елены Григорьевны Сусой).

Первый свой маршрут я определила сама. Но сразу же возникло много трудностей из-за незнания ненецкого языка. Потом я обнаружила, что мои родственники не желают рассказывать о родственных связях, мотивируя тем, будто я хотела отобрать у них оленей. Это было смешно и горько!

Вторую экспедицию я совершила уже вместе с Леонидом Ларом. Это было в 1991 году. Помимо сбора информации о родственниках, Леонид Алексеевич по моей просьбе записал рассказы о шаманах, традициях, обычаях и религиозных взглядах ненцев.

В экспедициях я старалась находить общий язык со всеми тундровиками. Переводчиком всегда служил Леонид Лар. Старые люди отно-

сились ко мне хорошо. Был случай, когда меня в свой аргиш посадил старый оленевод Хобко Вануйто. По разговору между мужчинами я догадалась, что мне оказали большую честь, усадив в мужские нарты. Это не принято у ненцев, чтобы женщина садилась в мужской аргиш. Мужчина может посадить только ребёнка. Хобко Вануйто называл меня «Хэхэ Вануйто», что означало «святая Вануйто». В дороге, когда опрокинулись тяжёлые нарты, Хобко попросил меня поднять их, потому что у него болела спина. А нарты были в рост взрослого мужчины. Когда я их легко подняла без его помощи, он был очень удивлён.

– В последнее время Вы более всего интересуетесь верованиями ненцев. Почему?

– Религиозные традиции ненцев я изучала в связи с тем, что знала о том, что по отцовской и материнской линии у меня были шаманы. Кстати, у Лара есть картина «Шаман из древнего рода Окотэтто». Она посвящена моей матери.

Исследования о верованиях моего народа подтолкнули меня к роману «Из плена тьмы».

– Вы давно пишете прозу?

– В середине 70-х годов я сделала наброски к роману о жизни моей матери. Мне хотелось рассказать о том, как Советская власть уничтожила мой род и в то же время дала образование моей матери и отцу. Я собиралась написать о том, как мама стала депутатом городского совета и что она сделала полезного. Но потом мне показалось, что в советской литературе на эту тему всё сказано и вряд ли я напишу что-то новое. И только московский писатель Давид Маркович Хаит убедил меня в том, что точку ставить рано.

У меня сейчас на столе лежат «Песнь о вечной молодости», «Разговор с дьяволом», «Таборчи, или Человек из легенды», «Поцелуй Тьмы»...

– Вам нравится писать?

– Да. Это же как игра; а я очень люблю играть.

Вопросы задавал
Вячеслав ОГРЫЗКО

Полгода назад от нас ушёл великий труженик и большой учёный Александр Владимирович ВАЩЕНКО. У нас в России ему не было равных, кто бы так же глубоко знал культуру и литературу коренных народов Северной Америки. Он по-новому взглянул и на творчество писателей российского Севера: ханта Еремея Айпина, лесного ненца Юрия Вэллу и эвенкийку Галину Кэптуку. А сколько Александр Владимирович сделал для альма матер – Московского университета! Сегодня великого человека вспоминают его коллеги, друзья и ученики.

Эндрю УИГЕТ

ВОРОТА, ОТКРЫВАЮЩИЕ СЕРДЦА И МИРЫ

11 июня 2013 года, когда после короткой, но страшной борьбы с раком скончался Александр Ващенко, мы все потеряли коллегу по профессии международного уровня, который стал значительной частью гуманитарного диалога между Россией и Северной Америкой. Я, как и без сомнения, многие другие, потерял также лучшего друга.

Почти тридцать лет прошло с тех пор, как я впервые встретил его летом 1985 года. Когда я услышал ошеломительную новость о том, что приехавший советский учёный собирается читать лекцию по литературе американских индейцев, исследования в этой области были только зарождающимся феноменом в Соединённых Штатах, и я был одним из первых специалистов. Я слушал увлечённого книжного вида человека, представившего очень хороший доклад по роману Мамадея «Дом, из рассвета сотворённый», в котором чувствовалось одновременно и владение материалом, и понимание его.

Позже в беседе я узнал, что он буквально в одиночку со своими переводами, собственными материалами и публикациями создал в русскоязычном мире исследования литератур американских индейцев как самостоятельную дисциплину. В 1989 году я пригласил его в Америку в путешествие со мною по юго-западу, а на следующий год он пригласил меня в Советский Союз. Мы провели вместе весь август, путешествуя через Россию из Карелии на Кавказ. В поезде и самолёте, в автомобиле и лодке мы разговаривали без усталости, рассказывая истории и анекдоты, делясь личным опытом и любовью к нашей общей «стране» и к собственным странам, обсуждая во-

просы литературного творчества, преподавания. К этому времени я стал называть его Саша. Он стал моим другом.

В это время Саша работал в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, одновременно трудясь над статьями, посвящёнными каноническим авторам, и писателям чикано, и американским индейским писателям для того, что в итоге превратилось в новую пятитомную историю американской литературы, самую полную тогда в СССР. Позже он показывал с гордостью пятый и шестой тома, обращая моё внимание на то, что он поместил статьи об индейских писателях в оба эти тома. Когда в свой первый приезд в Москву, я упомянул, что хотел бы поговорить с кем-нибудь, кто работает с коренными народами Сибири, поскольку я знал, что их

истории и традиции имеют сходство с традициями американских индейцев, Саша познакомил меня с фольклористкой Ольгой Балалаевой, которая работала в ИМ-ЛИ и только что вернулась из сибирской экспедиции, впоследствии она стала не только моей коллегой, но и женой. Втроём мы организовали в 1992 году международную экспедицию к сибирским хантам. Это была первая из многих моих и сашиних поездок в Сибирь, изменивших направление моей научной работы. Год спустя Саша выпустил двухтомное русскоязычное издание, которое он редактировал под общим названием «Сердце в ритме с природой», в одном его томе были представлены писатели народов Сибири, в другом — его переводы американских индейских писателей. Этот замечательно смелый, даже визионерский проект предвосхитил за двадцать лет его недавнюю антологию литератур коренных народов Сибири на английском языке «Путём родства» и, конечно, самый недавний поэтический диалог между Юрием Вэллой и Скоттом Мамадеем. На следующий год он опубликовал перевод романа «Говорит Чёрный Лось» и позднее свои переводы Скотта Мамадея. Саша был ещё и превосходным и неутомимым переводчиком особенно тех работ, которые способствовали развитию диалога между национальными литературами коренных народов. Когда я рассказал о его смерти одному из сибирских писателей, тот спросил растерянно: «Кто же его заменит?». И это действительно так. На сегодня никого нет. Саша единственный соединял два этих мира.

За несколько дней до его смерти мы разговаривали в больнице, вспоминая време-

на, которые провели вместе. Я сказал ему, что мы были как будто мосты между нашими странами и культурами. Он с минуту поразмышлял над этой метафорой и поправил меня: «Воротами. Мы были воротами». Я думал о том, чем различаются эти две метафоры. Мосты — это постоянные конструкции, которые строят в течение времени, секция за секцией, и что-то есть в нашей работе от этого образа. Однако Сашин образ был более точен: ворота — это вход, двери, отпертые и открытые одним волевым усилием, требующие вначале приложение немалых сил, но в конце распахнутые на всю ширину, так чтобы целый поток людей мог влиться туда. Для меня и для многих других Саша и был такими воротами, открывающими сердца и миры, которые уже невозможно закрыть.

Ясен ЗАСУРСКИЙ,
президент факультета журналистики МГУ

УНИКАЛЬНЫЙ АМЕРИКАНИСТ

...Саша создал свою школу, школу изучения литературы, не только мульти-культурной Америки, но и других народностей, наших, северных. Конечно, особенно он любил индейскую литературу. У него были свои друзья среди индейцев, он показывал, как они живут... Саша прекрасно знал Америку, Америку, которая всегда привлекала русских... Саша был уникальным специалистом, который не только знал, но и любил эту литературу. Он любил учеников, друзей. Некоторые из его друзей приехали и живут сейчас в России и продолжают изучать традиции здесь.

Саша был прекрасным мягким человеком и очень вдумчивым преподавателем, и уникальным учёным, который сочетал знание многих новых аспектов, которые до него не были изучены. Он был связан с традициями коренных американцев, тех, кто жил в Америке. И конечно, как символ любви к народу и дружбы с индейцами, Саша останется в наших сердцах и в нашей культуре. Его труды, посвящённые Америке, индейской Америке, старой Америке, доколониальной Америке, надеюсь, будут продолжены учениками. Он был интересным исследователем и очень интересным человеком, который мог рассказать о новом мире, о мире, который мы мало знаем, индейской культуры. Он без времени покинул нас, память о нём останется в наших сердцах. Прощайте, Александр Владимирович, Вы останетесь в памяти всех, кто Вас знает.

Н. Скотт Момадей

Н. СКОТТ МОМАДЭЙ

ОН И БЫЛ
РЕДКОСТЬЮ

Я сел в гладкий самолёт Аэрофлота в Париже. Я был взволнован, поскольку собирался пройти через «железный занавес» и оказаться в первый раз в Советском Союзе. Это было в январе 1974 года. Россия в моём воображении была мифологической страной. Я знал её только по романам, которые читал в аспирантуре – «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Доктор Живаго». Я был готов и не готов к чему угодно, был полон ожиданий, но это было, как кто-то определил сущность путешествия, ожидание неожиданного.

Самолёт сел в аэропорту Шереметьево зимней ночью. Пока мы подкатывали к терминалу, я видел солдат на гудронной площадке. На них были шинели, сапоги и перчатки, они держали автоматы. Я видел, что они стоят на жутком холоде. Я думал о том, какими окажутся для меня будущие месяцы, во что же я вляпался.

В терминале меня встретил худощавый привлекательный молодой человек, который представился, сказав, что он Александр Ващенко. Я стану называть его Саша, и он внесёт в мою жизнь что-то значительное и ценное.

В мои последующие приезды в Россию Саша всегда встречал меня и помогал мне. Он был для меня гидом, переводчиком, советчиком, общественным секретарём, спутником в путешествиях и, больше всего, другом. Наша дружба выросла со временем – около сорока с чем-то лет – во что-то глубокое, постоянное и безусловное. Я всегда буду благодарен за то, что мы были в этом мире в одно и то же время вместе.

Когда мы встретились, Саша был аспирантом Московского университета, а я был профессором американской литературы, который приехал туда по культурному обмену. Он принял решение сосредоточиться на изучении американских индейцев. Это было и моей областью. Нам было о чём поговорить и чем поделиться друг с другом. Он был проводником в переводах и публикациях моих работ в России. Я мог передать ему мой опыт того, что значит быть американским индейцем и вырасти в индейском мире. Несколько раз он сопровождал меня в путешествиях к коренным народам За-

падной Сибири. Я имел честь показать ему мой дом на американском юго-западе.

У меня осталось много замечательных воспоминаний о наших совместных временах, было бы трудно выбрать что-нибудь одно. Но позвольте мне упомянуть один день в Ясной Поляне, имении Толстого, где он написал «Войну и мир» и «Анну Каренину» и где был похоронен. Саша и я, два литературоведа, пришли в одно из русских литературных святилищ. Нас вдохновляло и воодушевляло то, что мы оказались в доме одного из величайших мировых писателей.

Я страдал от диабетической нейропатии, ноги были малоподвижны и слабы, я мог ходить только очень медленно и с большим трудом. От входа до дома идти было далеко и ещё дальше до могилы Толстого. Я был безутешен. Тогда Саша попросил меня немного подождать на месте, а сам быстро ушёл вперёд. Через несколько минут он вернулся с коляской, которую влекла за собой лошадь, и с возницей, которому он давал направление. Я потерял дар речи. Нас доставили с шиком и к дому, и к могиле, и ко всем другим местам, как если бы Толстой сам послал эту коляску, чтобы забрать нас. Опять и опять Саша совершал такие подвиги, всегда с совершенным изяществом и скромностью.

Сашина кончина оставила пустоту в моём сердце и в сердцах многих людей. Таких людей немного, и встречаются они редко. Он и был редкостью, совершенным человеком, обладавшим всем тем добром, которое мы подразумеваем под этим словом. Да упокоится его душа с миром!

Андрей ВЕТЕР-НЕФЁДОВ

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ

Рассказывая о ком-то, всегда хочется вспомнить первую встречу, начало знакомства.

Как ни странно, моя первая встреча с Александром Владимировичем Ващенко не стала началом нашего знакомства. Я даже не знал, с кем встретился. Фамилия Ващенко не говорила мне ровным счётом ничего.

Дело было в 1992 году. Один из моих знакомых индеанистов попросил меня помочь какому-то человеку оборудовать зал для намечающейся лекции. Мы приехали на Гоголевский бульвар и долго ждали возле входа в усадьбу Замятина-Третьякова. Вскоре подкатил автомобиль. Расплатившись с водителем, вышел немного взлохмаченный мужчина в очках и пожал каждому из нас руку. В каждом его движении чувствовалось нервное возбуждение. Это и был Александр Владимирович Ващенко. «Спасибо, что приехали. Картины большие, надо перенести всё и расставить». Оказалось, то были картины Скотта Момадея – его знаменитые щиты, о которых Ващенко выпустил на следующий год переведённую им тоненькую книжку Момадея «В присутствии солнца».

Мы перенесли картины в дубовый зал. Александр Владимирович долго примеривался, как лучше расставить их: то на полу, то на стульях, то на подоконниках. На фоне тёмных и довольно угрюмых деревянных стен бледные картины Момадея выглядели «подслеповатыми». Ващенко, вероятно, чувствовал

А.В.Ващенко и «Гринграсс сингерс» в «Вигваме Волошина» - в Библиотеке № 27 им.М.Волошина.2009г. Фото из архива Ю.Котенко.

это и никак не мог успокоиться, пытаюсь найти для них наиболее выгодное положение. А потом как-то сразу остановится, успокоился, сказал: «Ладно, пусть так». На этом мы расстались. О чём была лекция и кто такой Ващенко, в тот день мне не удалось узнать. Но фамилия его запомнилась.

Чуть позже я узнал, что он переводчик. Обнаружил, что у меня на полке стоит книга «Призраки бизонов» со вступительной статьёй Ващенко. И повесть «Человек, прозванный Лошадью», переведённая им, тоже стояла на моей книжной полке.

В том же году мне удалось снять мою первую телепередачу об индейцах. Она называлась «Пророчества, которые сбываются». Там промелькнули кадры приезда в Москву Клода Смита и вождя по имени Большой Орёл. В телепередаче об их приезде лишь упоминалось, но многие рассказывали мне детали той памятной поездки, которую Ващенко организовал чуть ли не нелегально. Это был ещё один этап моего заочного знакомства с Александром Владимировичем...

В 1994 году я начал снимать документальный фильм «Голоса». Неожиданно мне позвонил Ващенко. Он говорил сбивчиво, будто боясь, что я неправильно истолкую его, постоянно поправлял себя, уточнял что-то. Он хотел, чтобы мы «помогали друг другу». Он звонил телевизионщику и, видно, не был уверен, что телевизионщик откликнется. Он, возможно, слышал что-то о моих интересах или о моей телепередаче «Пророчества», но не без оснований мог полагать, что я ничуть не отличаюсь от других журналистов и режиссёров, которые видели в индейцах лишь «раскрашенных чудаков в перьях». Он боялся, что я не захочу слушать его. И это меня поразило: что такое был он (профессор, доктор филологических наук) и что такое был я (просто человек с телекамерой на плече). Ващенко позвонил, чтобы сообщить мне о приезде индейской делегации. Он робко предположил, что это заинтересует меня, поэтому и сказал, что мы должны помогать друг другу. Телевидение должно помогать людям. Телевидение должно поднимать культуру. Фактически он просил о помощи, ведь телевидение не рассказывало об индейцах...

В гостинице «Молодёжная», в номере у индейцев, собралась целая толпа индеанистов. Некоторые ребята приехали из Пе-

тербурга. Кажется, была даже девушка из Германии. Сидели на полу. Увидев огромную телекамеру, индейцы насторожились: «Для кого эта съёмка?» Я объяснил, что фильм будет «для нас». С некоторой неохотой они начали отвечать на мои вопросы. Ващенко так и не появился в тот день...

Моё с ним сближение произошло позже. Ващенко всячески пытался «пробить» в каком-нибудь издательстве серию об индейцах и случайно услышал от кого-то из ребят, что я сочиняю что-то типа вестернов. Он поинтересовался, не дам ли я ему почитать что-нибудь из «индейского», и я принёс ему три книги. Я не ждал особых похвал, но Александр Владимирович не просто засыпал меня похвалой, но и обещал написать вступительные статьи для книг, если они будут издаваться. Такая реакция оказалась для меня неожиданной.

В 2001 году три мои первые книги вышли в свет. «Тропа» и «Хребет Мира» начинались с предисловий Ващенко, которые он озаглавил «Тропой души» и «Индейская мера». Так Александр Владимирович по-настоящему вошёл в мою жизнь. Мы будто сразу сошлись, сдружились, хотя внешне это никак не проявилось, но общение стало новым, полноценным. Его внимание к моему творчеству пробудило моё внимание к нему. Мне внезапно открылась в нём глубокая артистическая натура. Он был не просто хороший преподаватель, не просто знаток своего дела, но поэт, не устающий воспевать природу и пропагандирующий мир традиционной культуры.

Настоящее потрясение я испытал, когда Александр Владимирович организовал приезд Скотта Момадея и читал его тексты. Точнее, свою книгу «Разговор Медведя с Богом» читал на английском языке Скотт Момадей, а Ващенко переводил. У них разные голоса, разная внешность, но они будто слились в том чтении. Кто из них звучал веселее? Кто был точнее? Понимаю, что без Момадея не было бы голоса Ващенко, но без Ващенко мы не услышали бы и слов Момадея. А для многих, не знающих английского, Момадей был просто голосом, глубоким, бархатистым, льющимся, но всего лишь голосом. Ващенко же превращал его голос в слова, мысли, чувства. Я слушал обоих и не мог понять, кто лучше формулировал мысль, Момадей или Ващенко. Момадей был первоисточник, он написал свой текст, свою книгу, вложил туда своё сердце. Но мне казалось, что и Александр Владимирович написал свой текст, свою книгу, а не перевёл чужое. Наверное, это потому, что он всегда вкладывал своё сердце, наполнял чужие книги своим теплом.

В течение многих лет Ващенко служил мостом между традиционной культурой наших северных народов и культурой американских индейцев. Он не уставал рассказывать и показывать, он не переставал зазывать молодёжь на семинары, делился со всеми своей любовью к тому, что скрыто от глаз современного городского человека. Он не делал ничего формально, он был поэтом в своих делах.

Мне вспоминается одна встреча в библиотеке МГУ, когда Ващенко рассказывал студентам о книге «Говорит Чёрный Лось». Он принёс индейскую трубку и, вынув её из свёртка, стал показывать, как индейцы молились с помощью курительной трубки. Студенты затаили дыхание. Они смотрели на Александра Владимировича и видели не профессора в пиджаке и галстук, а человека оттуда, из неведомого им мира краснокожих воинов. Он не был в ту минуту человеком городской

цивилизации, он был полнокровным представителем древних культур. Мягким голосом он будто гипнотизировал, как шаман, приглашая всех за собой в иные пространства. Он говорил так, что невозможно было не верить ему. Он рассказывал о себе, хотя говорил о других. «Великая Тайна объединяет всех нас. Давайте же откроем для неё свои сердца»...

Однажды на праздновании его дня рождения в библиотеке на Новодевичьем проезде, где проходили семинары по индейской культуре, был устроен большой стол. Выпивка, закуски, шумная толпа. Я не собирался засиживаться, пришёл только для того, чтобы поздравить Ващенко и сразу незаметно улизнуть. Но Александр Владимирович усадил меня рядом и, легонько толкнув меня локтем, попросил: «Скажи что-нибудь». Я растерялся, так как не люблю выступать на публике. Ну что обычно говорят в таких случаях: желают успехов в работе, здоровья и счастья «вообще». И тут я почувствовал, что надо на самом деле сказать что-то про Ващенко – не по случаю юбилея, а потому что пришло время понять, в чём же его особенность, в чём удивительность.

Не знаю, удалось ли мне выразить достаточно точно мою мысль, но я сказал, что чем ближе я узнавал Александра Владимировича, тем больше он удивлял меня. Удивлял не своими знаниями, а своей душой. Он был, пожалуй, единственный человек, от которого я ни разу не слышал плохого слова ни о ком и ни о чём. Если ему что-то не нравилось, он даже не упоминал об этом, критикой не занимался. Александр Владимирович относился к чужому творчеству (от лите-

ратуры и резьбы по дереву до игры на флейте и вышивания бисером) не просто с вниманием, а с восхищением. Он умел понимать и ценить. Он умел восторгаться. В самом, казалось бы, незначительном он умел открыть что-то самобытное и важное. И он обладал редким даром объяснять и тем самым передавать своё восхищение другим. В этом он был художник и поэт...

Через некоторое время я попал на запись его лекции для программы «Академия». Меня заворожило его выступление. Мне и в голову не могло прийти, что о мифах можно говорить столь увлечённо и увлекательно. И я впервые пожалел, что мне не посчастливилось быть студентом Александра Владимировича.

Когда мы возвращались со съёмок «Академии», речь зашла о материалах для очередного номера альманаха

застать их при жизни. И вот уж чего я не мог представить в ту минуту, так это того, что мне придётся когда-нибудь писать про Александра Владимировича Ващенко в связи с его уходом из жизни.

В тот день мы заехали после съёмок к нему домой, а потом он предложил сходить в какое-нибудь кафе, посидеть, выпить пива. Нас было четверо: Александр Ващенко, Денис Воробьёв, Игорь Шишков и я. Мне показалось, что уже весь день пролетел и пора домой, поэтому я отказался. Но получилось, что больше я не встречался с ним (мимоходом на концерте Карлоса Накая – не считается). Ничего особенного нет в том, чтобы поболтать за кружкой пива. Это не великое событие. Ничего важного, кажется, не упущено. Мы должны были встречаться ещё и ещё, жизнь продолжалась. Однако важным оказывается то, что больше никогда не случается. Хороший разговор с хорошим человеком – что может быть важнее? Этого больше не случилось. Александр Владимирович посвящал себя своей работе, а я – своей. Мы уже не встретились...

Майлер УИЛКИНСОН

ТИХО ЛЬЁТСЯ С КЛЁНОВ ЛИСТЬЕВ МЕДЬ

Смерть Александра Владимировича Ващенко 11 июня 2013 года на 66-м году жизни для всех коренных народностей мира означает потерю искреннего друга, человека, который преодолевал границы, создавая узы доверия между разными культурами.

Читатели этого издания уж точно знают Александра Ващенко как выдающегося интеллектуала. Но сейчас я хочу рассказать об этом русском гуманисте как о друге сердца и терпеливом наставнике. Подарком Саши всем нам, путешествующим по этим краям, была Россия.

Я помню поездки: в самую Москву, Сашин город; к чистым лугам Ясной Поляны; я также помню раскалённые плато Башкирии, расположенной на юге России, крутые берега

Нижнего Новгорода, окаймляющие широкую Волгу, полумрак старинных сводов в Великом Новгороде и Старой Ладогге; и Байкал – море шаманов и голубую мечту в устье Ангары; и, наконец, Хайда-Гуаи – сокровище Тихого океана; мы плыли по океану к удалённым заброшенным поселениям, где, кажется, среди древних деревьев обитают духи.

Саша написал замечательную книгу на русском языке – свою последнюю книгу – об этом путешествии и культурных открытиях, текст сопровожждён красивыми и многочисленными фотографическими воспоминаниями. Он гордился этой книгой, и гордился заслуженно. На Хайда – Гуаи среди этнических культур, укрытых в чаще девственных влажных лесов, Саша был в родной для него среде. Он поделился увлекательной историей этого удалённого края Канады со всеми рус-

«Индийская Америка». У меня лежала готовая статья, посвящённая Дмитрию Сергееву, больше известному под именем Танцующий Лис. Александр Владимирович грустно покачал головой, сожалея о ранней смерти Танцующего Лиса, и сказал, что обязательно поставит статью в номер, потому что мы должны помнить друг о друге и рассказывать о талантливых людях тем, кто не успел

скими, интересующимися древними верования и обычаями.

Вот яркие образы, в которых я помню своего друга.

Темно, раннее утро, Плёс. Автобус остановился в 2:30 утра и развеял наши сны. Перед нами была широкая площадь, тонущая в тумане и воде, зимний снег только начал таять. Куда кто-то может идти, где кого-то ждут, в 2:30 утра? С другой стороны площади появилась тёмная фигурка и двинулась в нашу сторону. Мы стали различать детали – это молодой человек, его волосы спутались под шапкой, он выпучил глаза. Поначалу его голос был грубый, неразборчивый. Это был день его рождения, и он его праздновал – что ещё он мог делать в Плесе? Когда только он нас увидел, он подумал, что мы или призраки или грабители, желающие его обокрасть; потом он понял, что мы путешественники, такие же, как и он. Сказали, что мы исследователи, и никакой кражи на этой тёмной площади не будет. Он нам предложил напиток в бутылке из-под Фанты, оранжевая жидкость обжигала и согревала. «Пойдёмте со мной», – сказал он. – Я вам покажу дом, в котором вы сможете остаться на ночь». Вниз по вымокшей тропинке, залепанной грязью, мы следовали за ним к тёмному строению. Наш друг тарабанил в дверь до тех пор, пока молодой человек, одетый только шорты, не зажёл свет и не открыл дверь. После этого наш друг снова исчез в сумраке раннего утра, сказав: «Спокойной ночи. Всего хорошего». «И вам», – ответили мы. Мы открыли нашу комнату в Плесе – её тёплые хлопковые простыни и шерстяные одеяла – когда рассвет едва лишь тронул утреннее небо. И это тоже было одним из лучших мест на земле.

Я помню корабль, на котором мы врезались в волны Тихого океана, перед последним мысом Островов Королевы Шарлотты. Здесь, на краю земли, покинутое, одинокое, магическое и древнее селение Хайда в Чаатле. Пляж из гальки и валунов был нетронутым, пустым, и на мгновение казалось, что на камнях лежат призрачные фигуры: они спрятаны от глаз в тени леса, огромные деревья – стражи, охраняющие древние секреты, ручейки воды, проложившие каналы сквозь мох и лишайники, похожие на перст ведьмы, указующий выше на холм. А там, на тихой полянке, дерево – внезапно оказывается, что это вовсе не дерево, а племенной тотем, укрытый в лоне леса, на верхушке его крошечный тотемный хранитель, сохранившийся как по волшебству, и москиты – столбунцы, в честь которых столб и получил своё название, до сих пор здесь, до сих пор сползают по бревну вниз к земле... На деревья начинается сумрак, и мы возвращаемся к нашему судёнышку, которое унесёт нас по океану, через проливы, назад домой.

Иркутск в начале мая, земля ещё хрупкая от холода. Сны до сих пор проносятся перед глазами, мы ожидаем раннего поезда в Слюдянку, к озеру Байкал... Среди шума и неразберихи мой попутчик странно молчалив. Многие путешественники, стремящиеся в одно место, сходятся на перепутье. Попрошайка с вывернутыми ногами и костылями, приделанными к рукам прошёл мимо нас. Вдруг мой друг спросил: «Почему я такой грустный в это утро?» Ответа нет, можно ответить только стихами Есенина, которые он так замечательно читает:

*Все мы,
все мы в этом мире
тленны,
Тихо льётся
с клёнов
листьев медь...
Будь же ты
вовек
благословенно,
Что пришло
процвести
и умереть.*

На это не найти ответа. Я помню только, как озеро сверкало перед нами, как сон о бесконечном счастье, как мы ездили вокруг него с надеждой, что время не предаст нас.

Перевод с английского
Натали ГОРБУНОВОЙ

Автор – канадец, директор центра «За мир и международное сотрудничество в колледже Селькерк (Британская Колумбия)

Леонид ЛАР

ОН С НАМИ НАВСЕГДА

Как много творческих, умных людей уже ушли в вечность. Однако каждый из них оставил свой светлый след в чьей-то душе. Пока наша память хранит воспоминания о наших друзьях, близких и тех людях, которые оставили добрый след в нашей жизни, они живы в наших сердцах и душах. Александр Владимирович оставил в моём сердце свет добра и любви. Для меня большая честь сказать, что я был знаком с ним не только как с учёным, но он был для меня другом с большой буквы и наставником.

Я не помню, как и где мы познакомились, но дружба с Александром Владимирови-

чем с каждым годом крепчала. Мы с ним часто встречались на научных конференциях, выставках, и когда я был проездом в Москве, то гостил в его тёплой, светлой и уютной квартире. Меня в первые дни нашего знакомства поразила его простота, человечность, высокая культура общения. Он сразу же стал нашим добрым другом, помощником и наставником. Александр Владимирович завоевал своей чистотой и добротой сердце моей супруги Валентины. Она никогда не забывала поздравить Александра Владимировича и его супругу с праздниками.

У каждого, кому посчастливилось общаться или, что ещё лучше, дружить с Александром Ващенко, осталось самое ценное наследство, которым он одарил всех, – это воспоминание о необычайно светлом человеке, доброта которого распространялась на всех окружающих его людей. Он всегда был доступен для всех, с ним можно было просто посидеть и поговорить вечером на кухне и слушать его часами. Это был великолепный рассказчик, очень много знающий человек, при этом в высшей степени интеллигентный и скромный.

За чашкой чая шли не-

спешные рассказы на самые разные темы – чаще всего о его самом близком друге Наварре Скотте Момадэе и его творчестве, и мы с супругой Валентиной Вануйто узнавали много интересного и необычного. Он открывал нам целый мир индейского народа в современной литературе. Александр Владимирович при каждой встрече говорил, что очень хотел бы познакомить меня с этим удивительным человеком. И обещал, что если представится случай, то они

приедут с ним к нам в гости в Тобольск. Я всегда ждал Александра Владимировича в гости. Мне хотелось ему показать наш тобольский Кремль, музей. Да и просто, чтобы послушать его удивительные рассказы о творческих людях. В начале 90-х в нашей квартире раздался телефонный звонок. Это звонил Александр Владимирович. Он поинтересовался, есть ли у меня возможность и время, чтобы они с другом Наварром Скоттом Момадэем приехали в Тобольск. Александр Владимирович сказал, что Наварр Скотт Момадэй очень хотел бы познакомиться со мной. Это была для меня большая честь. А поскольку Скотт Момадэй и сам сделал успешную карьеру художника, по мнению А.В. Ващенко, то это знакомство было необходимо для нас обоих. Я был очень рад встрече с Александром Владимировичем и знакомству с американским индейским писателем и художником Наварром Скоттом Момадэем.

Через какое-то время, он сообщил, что с ним и его другом Скоттом Момадэем будут американские студенты, которые посетят северные районы Ямала и Югры. И вот, едва выпал случай, Скотт Момадэй, присоединившись к группе индейских студентов, прибыл в Тобольск. Благодаря нашему другу Александру Владимировичу я подружился с этим удивительным человеком, о котором он часто мне рассказывал в московской квартире. У меня до сих пор хранятся фотографии и видеокассеты встречи с Александром Владимировичем и Скоттом Момадэем.

Его светлые, ясные глаза всегда лучились ласковым, детским теплом, когда он интересовался нашей жизнью, проблемами, всегда готовый откликнуться на любую просьбу. Я очень любил бывать у них в гостях и всегда ждал, когда появится возможность приехать в командировку в Москву. Никогда не забыть его немного усталое лицо с морщинками на лбу и такие добрые глаза! О нём можно рассказывать бесконечно! И всё же о нём говорить трудно. Потому что, вспоминая о самом близком и самом дорогом человеке, боишься недосказать чего-то, на первый взгляд, малого, незаметного, но очень и очень важного. Я просто часто ловлю себя на мысли: хорошо, что в моей судьбе был такой удивительный человек, который остался в моём сердце на всю жизнь. Вспомнишь об этом добром, светлом человеке и становится тепло и радостно на душе.

г. ТОБОЛЬСК

Сюзан СКАРБЕРРИ-ГАРСИА

К НЕПОСТИЖИМОМУ КРАЮ

В долгом железнодорожном путешествии в июле 2012 года, возвращаясь в Москву из северо-западной Сибири, Александр Ващенко говорил о «непостижимой земле», на которой мы только что были. Он говорил, что Северную Америку также трудно охватить в её обширности и многомерности её богатого опыта, и ему глубоко интересны «наиболее древние и значительные» традиционные культуры, которые населяют эту местность. Стараясь пойти дальше в сравнительном анализе коренных сибирских и коренных североамериканских культур, Ващенко и я, его коллега, Сюзан Скарберри-Гарсия, совершили литературоведческую поездку в Ханты-Мансийский округ для того, чтобы обнаружить следы и свидетельства многочисленных визитов писателя кайова Н. Скотта Момадэя к родным местам его друзей, хантов, манси и ненцев.

Два десятилетия мы с Александром Ващенко работали совместно с Момадэем и сибирскими этническими писателями Еремеем Айпиным (хант), Марией Вагатовой (хант) и Юрием Вэллой (лесной ненец) и другими, представляя друг для друга взаимный интерес. Ващенко мечтал о значительных результатах в создании крепких связей между народами. Будучи выдающимся эрудитом, талантливым писателем и переводчиком, одарённым фотографом, Ващенко мог создавать уникальные свидетельства того беспрецедентного межкультурного обмена, и, поразительно, он документировал и хранил каждое подобное взаимодействие.

В 1997 году по приглашению Ващенко группа студентов и преподаватели Навакской Подготовительной Школы в Нью-Мексико прибыли в Москву, чтобы отправиться в путешествие в Тобольск, Сибирь, и встретиться с Н. Скоттом Момадэем и Ващенко. Эта поездка стала действительно важно вехой – впервые коренные американские студенты ехали в Сибирь, чтобы встретиться со своими коллегами на другом конце света. Один из членов группы, навакский лекарь Эндрю Беченти, принял Ващенко в семейно-родовую общину «Глина». Ващенко принял выказанную ему честь со всей серьёзностью, оправдав все ожидания. В Тобольске американцы и Ващенко обсуждали мистический шаманский символизм в картинах ненца Леонида Лара. На следующий год студенты ханты и манси из Казыма, Сибири, приехали в Навакскую школу, где я и веду занятия. Миры, как и прежде, соприкоснулись самым невероятным образом.

Другой важной вехой стал 2004 год: Александр Ващенко прибыл в США, чтобы впервые читать лекции по курсу «Литература коренных народов Сибири», ранее таких курсов не было. Спонсировал этот пилотный проект Колорадский колледж. Я помню, Ващенко на этом семинаре был и наставником и проводником, через собственную эрудированность и доброту он знакомил студентов с географией, культурой, языками российской Сибири. В предыдущие годы мы с Александром дважды ездили в Салехард, чтобы организовать и принять участие в конференции местных писателей, учителей и актёров, в которой также участвовал американский писатель Клод Клэйтон

А.В. Ващенко и Сюзан Скарберри-Гарсия

Смит. На многих экскурсиях к Ващенко, Момадэю и мне присоединялись известные специалисты по коренным народностям Сибири, Эндрю Уигет и Ольга Багалаева.

В 2010 году Миннесотский Университет издал значительный труд «Родственные связи (пути родства): Антология литературы коренных народов Сибири» (Ващенко, Смит и другие), над дизайном обложки работал Геннадий Райшев (хант). Большинство литературных деятелей, указанных в работе, публиковались в журнале «Мир Севера» и хорошо известны российской публике. С предисловием Момадэя и комментариями писателя – чикано Рудольфо Анайя, том был полностью завершён и доступен для аудитории всего мира, читающей на английском. В этот же год, в апреле 2010, я и Ващенко вместе организовывали важное мероприятие в Институте Искусства американских индейцев в Санта-Фе, Нью-Мехико. «Нити родства: Диалоги с писателями коренных народов Сибири» дали возможность встретиться ведущим этническим авторам западной Сибири с коренными американскими авторами из разных племён и со студентами. Это была неделя обмена опытом, совместных трапез и чтений. Это знаменательное событие стало прорывом, потому что впервые в таком масштабе коренные писатели из

разнообразных этносов и групп взаимодействовали друг с другом. Момадэй, Шервин Битсуи (навахо), и Юрий Вэлл, их льющиеся поэмы перекликались и мелодией проникали в сердца слушателей. Впервые социальные вопросы и проблемы окружающей среды малочисленных народов были озвучены с такой симметричной остротой поэтами разных стран. В 2013-м увидела свет публикация поэтических диалогов Н. Скотта Момадэя и Юрия Вэллы, которые возникли в многочисленных версиях. «Мир Севера» был первым изданием, напечатавшим полное собрание диалогов с предлагающимися фотографиями и комментариями Ващенко. Вэлл издал «Думы после Медвежьего праздника: Одна беседа в Ханты-Мансийске», а Н. Скотт Момадэй занимался редакцией предстоящей американской версии «Вечно там, вечно здесь: Поэтические беседы Н. Скотта Момадэя и Юрия Вэллы». Эта работа вводит в глубокий внутренний мир читателя образ медведя, через призму которого, читатель может познать красоту и ценность всего дикого мира, его преображающие и исцеляющие силы.

Александр Ващенко прекрасно понимал, что кажущиеся изолированными племена и места в обеих странах находятся под угрозой, под давлением современности, и, по сути, они с их колоссальным наследием являются центром, способным остановить культурное обесценивание и разрушение окружающей среды и восстановить баланс. В Институте Искусств американских индейцев Ващенко на вопрос Марии Вагатовой к студентам: «Где сказчики?», сказал: «Этот мир спасут поэты». Осознание этого фантастического

дара есть и в мифологии хантов, в истории о Дураке (Парне, Гусе, Козле, Бездельнике): высший Бог Торум сказал Дураку нырнуть ко дну океана и принести немного глины, чтобы Он мог создать мир. И неудивительно, что Александр Ващенко член Клана «Глина» и связующее звено миров.

Перевод с английского Натальи ГОРБУНОВОЙ

Автор — доктор Университета Нью-Мехико и Института Искусства американских индейцев

Елена ИЛЛАРИОНОВА

СВОБОДЫ НЕ ОТДАМ Я НИКОМУ

Он не был моим преподавателем. Он был моим Учителем. Так сложилось, что я не смогла приехать учиться в Москву, как советовал Александр Владимирович. Училась в Уфе, увлечённо «играла в индейцев» с детьми в своём Детском фольклорно-этнографическом центре, по возможности приезжала в Москву на конференции, участвовала в работе семинаров по визуальной антропологии в РНИИ культурного и природного наследия, сотрудничала с МЦ «Традиционные культуры и среда обитания» и т.д.

Как-то в особо тяжёлый период моей жизни Александр Владимирович прислал мне строчки из переведённого им стихотворения индейской поэтессы Полин Джонсон:

*...изрешечённый пулями, в дыму,
мой флаг над фортом вьётся...
Свободы не отдам я никому!
покуда сердце бьётся...*

...это помогло мне выжить тогда.

Хочется привести слова индейского писателя Момадэя, которого Александр Владимирович очень любил.

«Мне представляется, что в известном смысле все мы сотворены из слов, что самая суть нашего бытия заключена в слове».

Кого-то из нас Александр Владимирович учил, просвещал, кого-то вдохновлял, кого-то поддерживал в трудную минуту, кому-то был другом и коллегой, и, так же как и семье, он был для нас родным и близким человеком.

Так давайте же мы будем словотворить нашего Друга и Учителя!

Василий Казанцев

ЯРКИЙ БЛЕСК
КРАСОТЫ НЕЗЕМНОЙ

Поэт Анатолий Суздальцев родился в селе Лебеди Кемеровской области, о котором написал так:

*Пролетая осенью
Над излучьем рек,
Лебеди на озере
Выпали, как снег.*

*...Может, их и не было,
Этих лебедей,
Лучше б этой небылью
Не смущать людей.*

*Скажут: в этом лепете
Капли правды нет.
Ты, деревня Лебеди,
Отзовись в ответ.*

Читатель всегда, пусть неосознанно, чувствует естественность выбора темы, её внутреннюю необходимость. Здесь эта естественность есть. Есть эта внутренняя необходимость. Но главное-то в том, что стихи эти – настоящая, истинная поэзия.

Поэт вспоминает пору студенчества (конец пятидесятых – начало шестидесятых годов прошлого столетия), рисует картины студенческого общежитского быта. «Подоконник, где в бутылке зелень клейкая торчит, и привычный поединок чьих-то двух соседних комнат, спор лихих магнитофонов – кто кого перекричит».

Читатель воспринимает эти картины как что-то глубоко понятное, близкое. Он благодарен автору за то, что так верно переданы подробности. «...Вот сейчас из коридора звонкий выпорхнет звонок... И возникнет, и продлится краткий миг заветной сценки, той, что в памяти, наверно, я навеки сберегу, – как пройдут через дорогу осторожные доцентки и девчонки, словно дождик, по асфальту пробегут». Читатель готов всей

душой принять эту картину, потому что она так зримо написана. Но главное-то в том, что стихи эти настоящая, истинная поэзия.

Поэт Анатолий Суздальцев сделал в жизни один очень важный шаг. После окончания историко-филологического факультета Томского университета и непродолжительной работы в Новосибирске и Кемерово он с женой и маленьким ребёнком уехал на Крайний Север, в Магаданскую область. Уехал, вполне ясно представляя, какие трудности могут встретиться ему в этом незнакомом, далёком суровом краю. Вскоре этот момент отлёта выразился в его стихотворении «На взлётной полосе». Самолёт готов к отлёту. Впереди – расстояние во много тысяч километров. Поэт мысленно говорит провожающей его матери:

*Я ещё натоскуюсь по нашим лесам,
Вспомню наши просторы, и вёсны, и зимы,
Только это потом... Вот и взлётная полоса
Надвигается грозно и неумолимо.*

Вот он, миг, вобравший в себя все предотъездные волнения, ожидания, опасения.

Весь драматизм мгновения в этих словах: «вот и взлётная полоса надвигается грозно и неумолимо». Как точно сказано. И как внутренне взволнованно. И как – в то же время – совершенно уверенно.

В коротком, но необычайно сложном – и необычайно стремительном – движении этих строк чувствуется рука истинного мастера. Сложность и в то же время стремительность этого четверостишия заключена в резком перебое интонации. Надвигающаяся взлётная полоса олицетворяет здесь резко рванувшуюся навстречу герою стихотворения новую жизнь. В сопоставле-

Анатолий Суздальцев

нии двух темпов, медленного и стремительного, и таится лирическая сила строк.

Вот здесь, вот в этом мгновении, проявляется характер лирического героя. Вот здесь, в этом мгновении, проявляется характер всей поэзии Анатолия Суздальцева – идти навстречу жизни, ясно видя и неизбежные трудности, и неизбежные её радости. Завершается стихотворение строками:

*Всё сильнее турбин нарастающий гром,
И расплавленный воздух
 стеклянно клубится...
И огромный внизу, словно айсберг,
 аэродром,
И на кромочке мама –
 не может проститься.*

Тема матери – одна из главных тем поэта Анатолия Суздальцева. К этой теме возвращается он вновь и вновь.

Отец Суздальцева погиб на фронте. Мать, оставшись с тремя маленькими детьми, не захотела второй раз выйти замуж, опасаясь того, что дети не примут всей душой в семье нового человека. Воспитывать детей одной будет, конечно, труднее, рассудила она, но зато душевная близость между нею и детьми будет теснее. Дети, конечно же, понимали, что отказывается мать от второго замужества единственно ради них.

Шли годы, менялись события, а мысль поэта
вновь и вновь возвращалась к матери:

Он жив ли, твой далёкий дом?
Теперь тебе всё чаще снится,
Как беспечно за прудом
Роняет листья шелковица.

...Твой старый дом – труха, зола,
А я твой след ищу упрямо.
Скажи мне, дед, где тут жила
Наталья Тихоновна, мама?

А.Суздальцев большое значение придаёт прочным семейным, родственным связям. У него есть стихотворения, посвящённые дочерям, внукам, сестре. Вот посвящение жене:

*Перед тем, как прервётся судьбы моей нить,
Обращусь я к Всевышнему с жаркой мольбой:
Если можно, не только в семейном альбоме,
Но в природе твой облик навек сохранить,*

*Чтобы ты не покинула синий простор,
А сиянием юности в нём растворилась,
Потаённо светясь в водах рек и озёр –
В зеркалах, где когда-то давно отразилась.*

Чувство, выраженное в этих строках, не пылкое чувство юноши, а глубокое, непоколебимое, проверенное чувство зрелого человека.

Стихи Суздальцева хороши тем, что их можно легко цитировать. Стихотворения, стоящие в книге, всегда незаметно подпитываются другими, стоящими рядом с ними стихотворениями. Выделенные из общего текста строки часто теряют свою силу. А у Суздальцева – нет. И выделенные из контекста строки являют собой целые, наделённые самостоятельной силой, поэтические образования. Вот, например, строки на тему мать – дочь:

*С тайною гордостью в ней
Видишь своё отраженье,
Только полётней, вольней
Все её жесты, движенья.*

*Это доподлинно ты,
Давняя, в юности ранней,
В сущности те же черты,
Только нежней и туманней.*

Сказано свободно, легко. Точно – и в то же время туманно. И эта туманность выглядит здесь ещё точнее, чем сама точность. И это как раз и делает эти строки значительными.

В стихах А.Суздальцева ярким цветом цветёт природа. Природа? Это на Крайнем Севере? Да, на Крайнем Севере. Да, цветёт природа:

*Я сюда спешил, я неспроста
Вырваться мечтал из тесных стен.
Если есть на свете красота,
Имя у неё Кюель-Сиен.*

*Вот, блеснув в зелёной глубине,
Хариус метнулся над волной,
Будет этот миг звенеть во мне,
Будет леска трепетать струной...*

Картины природы у Суздальцева живописны... Напрочь лишены литературности. Кажется, что все до одной написаны они с натуры. Но живопись живописью, а основное их достоинство – в другом. Природа здесь всегда – как главная мысль о человеческой жизни:

*Я недавно на зорьке вечерней нечаянно
В камышах возле берега озера чайником
Зачерпнул отраженьё звезды.
Станный привкус у этой воды.*

...Никогда ещё в жизни я не был блаженнее,
И в земной красоте я искал отражение,
Яркий блеск красоты неземной,
Что сверкала всю ночь надо мной...

Это философское по сути стихотворение удивляет своей совершенно внешней приземлённостью. «Зачерпнул отражение звезды»... чайником. Это глубоко по мысли – и в то же время так буднично, так вроде бы непоэтично. Но в этом сугубо реалистичном, «необлагороженном» действии и таится поэзия.

Природа у Суздальцева яркая, разнообразная. И по краскам, и по звучанию, и по тону. Есть картины, овеянные весёлой, доброй улыбкой. Два четверостишия из стихотворения «Колымский медведь»:

*Осенним денёчком погожим,
Вальяжный, с лоснящейся шерстью,
Налившийся жиром подкожным
Медведишка бродит в блаженстве.*

*Когда же зима на пороге,
Медведь, как разрядник по бегу,
К спасительной чешет берлоге
По льду босиком и по снегу.*

Многие годы отдал Суздальцев работе журналиста. И сумел повидать многое. Не чужды ему строки, где рисуется жизнь, весьма далёкая от идиллии. Об этом в стихотворении «В командировке», которое начинается строками:

*В далёком таёжном посёлке
Гостиница в стиле барака,
Где кружка чифира по кругу,
Где хлещут одеколон,
Экзотики этой по горло
Но ты не жалеешь, однако,
Что в номер, пропахший мазутом,
На четверо суток вселён.*

Но эти строки – о работе журналиста. Нас же больше интересуют строки о работе поэта. Точней сказать, плоды этой работы. Муза поэта Суздальцева всегда обращена к светлой стороне жизни. Вернее сказать, в любой картине жизни он ищет и находит светлые краски.

Герой стихотворения «Звучала музыка» любил проходить возле музыкальной школы, ловя отрывки мелодий, несущиеся из окон школы. Музыка счастливо радует его душу. Этой не мешает даже то, что рядом со школой шумит стройка. «Рычали МАЗы и ЗИЛки, слегка поскрипывали краны... Компрессор глухо колмо-тил, станок, вбивая сваи, бухал». Но...

*И то, что слышал в том окне,
И то, что здесь меня встречало,
Звучало радостно во мне
И день хороший обещало.*

Искусство, оказывается, может не только выдерживать грубые голоса жизни, но может их преодолеть и даже, что самое удивительное, может их преобразовывать, смягчать. Мысль глубокая.

Поэзия А.Суздальцева – поэзия, утверждающая жизнь.

*Я теперь каждым днём, каждым часом,
Мигам каждым учусь дорожить.
Жизнь – она интереснее счастья.
Просто жить. Просто жить бы и жить.*

Поэзия А.Суздальцева – поэзия мужества, выдержки, стойкости. Поэзия эта вырастает опять же из мира природы. В стихотворении «Одинокое бредущее дерево» медленные, но в своей медленности упорные, крепко сбитые, мускулистые строки:

*Вот одно из таких.
Иногда на окрестности гляну в окно,
Выше стланика, выше деревьев других
Отыщу его взглядом.
Одинокое бредущее дерево –
Не добралось ли оно
До вершины желанной?
Ну, близко уже, ну совсем уже рядом.*

Сама необычно протяжная строка говорит здесь о необычно долгом, трудном, ни на миг не сомневающемся в своих силах восхождении дерева всё ввысь и ввысь.

Поэзия А.Суздальцева – это поэзия, стремящаяся отразить глубины человеческой души:

*Может быть, знает скиталец,
летящий по трассе межзвёздной,
Или усердный мыслитель,
отшельник в таёжной глуши,
Что в этой жизни,
томящей, загадочной, грозной?
Что он таит,
неизведанный космос души?*

Вновь и вновь поэт обращается к картинам природы, и вновь и вновь эти картины выводят его к самым важным мыслям о жизни человеческой:

*Белые льдины уносит река,
Стая на Север летит, а над нею
В небе высоком плывут облака,
Тожe как лебеди, только крупнее.*

*Будут и сотни, и тысячи лет
Белые стаи лететь над долиной.
С грустью неясной гляжу им вослед,
Красносмотрителен лёт лебединый.*

Во время своего от- пуска человек вер- нулся с Колымы в свой родной ке- меровский по- сёлок. Как изо- бражено у поэта это возвраще- ние? Ну, конеч- но, встреча чело- века с матерью, с сёстрами. А далее – со своей родной зем- лёй. А что это значит?

А это значит, что преж- де всего он встречает- ся со своей рекой дет- ства. Стоит человек на мелководье – и снующие вокруг мальки щекочут ему ноги. Сверхнеожиданно. И в то же время сверхреа- листично. И в то же время сверхпоэтично. Вот она – без ложного пафоса – любовь к родной земле.

*На чистые эти пески
Опять меня память уводит.
Недвижно стою в мелководье,
И ноги щекочут мальки.*

Но чистые эти пески герой поэмы «Далёкого детства река», написанной в конце прошлого ве- ка, видел в годы своего детства. Сейчас его встречает совсем другая картина:

*А где же заветная заводь?
И вновь содрогнётся душа:
В местах, где учился я плавать,
Сплошная стена камыша.*

Вся эта поэма полна печали о том, как была загублена мелиораторами река детства. Но за- канчивается поэма верой в то, что река всё-та- ки возродится. Герой поэмы верит, что однаж- ды под утро он внуков приведёт сюда, на берег этой реки.

*Дровец понемногу наносим,
Костром заниматься начнём,
А рядом, в тумане белёсом,
Кусты, будто кони в ночном.*

*Табун этот тихий пасётся.
Не звякнет нигде погребок.
Весь мир в ожиданье примолк:
Вот-вот уже выглянет солнце.*

На Крайнем Севере А.Суздальцев живёт уже более четырёх с половиной десятков лет. Подво-

дя итоги своей содержательной, созидательной жизни, он пишет:

*Хоть здесь маловато тепла,
Снега и холодные камни,
Какой бы она ни была,
Земля эта тоже близка мне.*

*Я лёгких дорог не искал,
И не был я лишним как будто
На стройках и на приисках,
И в дальней арктической бухте.*

Поэт понимает, что сделал он в жизни не- мало добрых дел. Но всё-таки чувство не- удовлетворённости не покидает его. «Спа- сибо тебе, комсомол, за это моё бескоры- стье. А нынче я сделал открытие, что в сущно- сти гол как сокол».

*Больших новостроек огни
Манили нас в юности властно.
Мне были в ту пору сродни
Романтики, энтузиасты.*

*И это мне было милей
Любого почётного званья.
Посмейтесь над жизнью моей,
Я сам посмеюсь вместе с вами.*

Конечно же, не смеяться хочется над такой жизнью.

В стихах Суздальцева нет слишком ярких стилистических примет. Стихи его просты и прозрачны. И.значит, они совсем не совре- менны? – может задать вопрос какой-ни- будь читатель. Но в том-то и суть, что они вполне современны. Прозрачность, сораз- мерность, гармония всегда современны. От- сутствие нарочитой сложности совсем не го- ворит о том, что стихи однообразны, лише- ны яркости и полёта. Эпитеты и сравнения в этих стихах просты. Но, простые и малоза- метные, они не утратили своей свежести. Внимательный читатель по достоинству оценит, например, строчку «Паутинка си- ничьего пенья». Всего три слова. А картина нарисована запоминающаяся. Точность, тонкость, яркость, естественность, воздуш- ность, мелодичность. И ещё, сверх всего, экономность поэтических средств.

Первые стихи А.Суздальцев опубликовал в 1955 году. А первую книгу, «Далёкого детст- ва река», выпустил в 2002 году – через сорок семь лет. Почему так поздно? По-видимому, причина в его исключительной требователь- ности к самому себе и в его необычайной скромности.

Василий КАЗАНЦЕВ

Анатолий
СУЗДАЛЬЦЕВНЕ СПОИМ
ТО РЕВАТ
НАПРАСНО

* * *

Вот и погас багровый закат.
Никого вокруг на десяток вёрст.
В резиновой лодке плыву наугад
Один по озеру среди звёзд.

Терпкий чай вскипачу на костре.
Буду устраиваться на ночлег.
В прошлом году об этой поре
Сковало озёра и выпал снег.

На зорьке становится холодной,
Уже неуютно сидеть в скрадке.
Ещё, наверно, несколько дней, –
И на озере будет как на катке.

Выйду ночью,
прислушаюсь к тишине –
Над охотничьим домиком
утки летят.
Где-то, невидимые в вышине,
Быстрые крылья
свистят, шелестят.

Видно, с утра загудит тайга
От криков надрывных
гусей, лебедей.
Следом за ними летит пурга,
Если отстанешь, то быть беде.

Пора выходить из тайги,
ждут дети, жена.
Будет непросто
попутку найти в селе.
А всё ж на такой охоте
собака нужна,
С собакой было бы веселей.

2012

* * *

Жара, как в песках раскалённой Сахары,
В то давнее лето обрушилась на Колыму.
Тайгу весь июль пожирали пожары,
Посёлки на трассе в густом задыхались дыму.

Багровое солнце сквозь дымные сизые тучи
Виднелось лишь миг два-три раза на дню.
На подступах ближних,
пути преграждая огню,
Бульдозеры мощные лезли на горные кручи.

Опасность смертельная часто
глядела в глаза,
Но с пламенем биться пожарным
хватало отваги.
И вот наконец над тайгой
разразилась гроза,
И хлынули звонкие струи
живительной влаги.

Когда этот ливень надёжно пожары залил,
Вдохнули вольней МЧС и охрана лесная!
Пора бы дождю прекратиться,
но, меры не зная,
Он лить продолжал, никому уже больше
не мил.

Теперь отовсюду тревожные вести летели,
Как паводок пёр напролом,
как бесчинствовал он:
Дорогу размыл возле Стрелки,
в горянячкой артели
Смыл мост подвесной,
не один затопил полигон...

Потоп, да и только!
Стихия вконец озверела.
Но жаркие наши молитвы до Бога дошли.

Вновь солнце сияет вовсю,
и над сопкой горелой
Две радуги сразу, одна над другой, расцвели.

2012

* * *

Гадать об этом не берусь,
Не стоит горевать напрасно,
Но он придёт, тот день ненастный,
Когда я словно бы очнусь.

Боль, что ещё недавно жгла,
Мне больше не тревожит душу,
Но я внезапно обнаружу,
Что жизнь, считай, уже прошла.

Зачем я так нескладно жил,
Искал удачу, как старатель?
Не только месяцы растратил,
Но годы по ветру пустил.

Обидой допьяна упьюсь,
Слезам горькими умоюсь.
А за окном туман и морось,
Рябины облетевший куст...

Конечно, осень не права,
Что быстро так отшелестела
Её червонная листва,
Ведь я ещё так мало сделал.

Кто знает, годы или дни
Остались у меня в запасе.
Я их транжирить не согласен –
Дороже золота они.

2012

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Здравствуй, солнечный зайчик
на белой стене.
Снова голубь воркует, порхает синица.
Значит, жив я. Ну надо ж такому
присниться
В полудрёме причудливой, в призрачном сне.

Небосвод безмятежно сквозит бирюзой,
А недавно во мраке я обмер от страха:
Мне привиделось, будто старуха с косою
Подступила ко мне, чтобы срезать с размаха...

Был пронизан я стужей могильной насквозь
И слышал, как бешено сердце забилося.

Всё незнамо куда понеслось, понеслось,
Закружилось, косматому вихрю
на милость.

«Ангел миленький, если ты где-то вблизи,
Помоги, – я шептал, – укроти эту бурю,
От угроз пресловутой старухи спаси,
Я напрасно порою о ней балагурю».

И когда чуть забрезжил свет за окном
И ко мне просочился сквозь лёгкие шторы,
Я на время забылся спасительным сном,
Ощутив под собою надёжность опоры.

Тают силы.
И кто в этом сможет помочь?
Оттого каждый миг
ускользающий жалъче.

Хорошо, что прошла, что ушла эта ночь,
Здравствуй, солнечный зайчик!

2013

РОМАНС

Не добратся никак до желанной,
отчаянной женщины.
Лишь вчера на заре
присмирела, застыла река.
Только ступишь на лёд –
разбегаются веером трещины,
А вода подо льдом проседающим
ох как страшна, глубока!

В эти дни ледостава
река между нами – разлучница.
Вряд ли скоро затянется
на быстрине полынья.
Значит, встретиться нам и сегодня
никак не получится,
Кверху днищем лежит на пригорочке
лодка моя.

Лишь вчера на заре
я на берег тянул её волоком.
Я не смог бы пробиться,
хоть надо сейчас позарез.
А решишься идти –
сразу сердце забьётся, как колокол,
Только ступишь на лёд –
раздаётся предательский треск.

Мне однажды в глаза
эта женщина глянула пристально
И с тех пор, с той нечаянной встречи
пьянит, как вино.

*Я стою одиноко,
а мне с того берега, издали
Так призывно-маняще
бессонное светит окно.*

2012

НАД БОЛЬШОЙ ВОДОЙ

*Почему, когда душа устанет
Быть с зимой в разладе и раздоре,
Так мучительно, неодолимо тянет
В тёплые края, на берег моря?*

*От пурги, от шквалистого ветра
Хоть сейчас к нему готов умчаться.
Через много тысяч километров
Долечу и задохнусь от счастья.*

*Ровный шум прибоя, крики чаек,
Синь морская без конца и края.
Волны резвый катерок качают,
Солнечными бликами играя.*

*Радостно, раскинув руки, брошусь
Набегающей волне в объятья.
Ни о чём я больше не тревожусь
Перед этой вечной благодатью.*

*Звёздной ночью где-нибудь в Мисхоре.
Мучаюсь загадкой неизменной -
Это берег, это кромка моря
Или край распахнутой Вселенной?*

*Там, где небеса необозримы,
У большой воды душе вольнее.*

*Набродившись по дорогам Крыма,
Может быть, все беды одолею.*

*...А пока – колымские просторы,
Где ветрам и холодам привольно.
Ну а в Крым я полечу нескоро,
И об этом даже думать больно.*

2013

МЕЖДУ ОЙМЯКОНОМ И МАГАДАНОМ

*Мы с друзьями по-прежнему верим,
что Север прекрасен,
Но скажу откровенно,
что в стужу жилось нелегко нам
В занесённом снегом посёлочке
на Колымской трассе
Между Магаданом и Оймяконом.*

*Коренною зимой,
когда давят морозы большие,
Ощущаешь порой, будто весь ты
насквозь проморожен.
Тяжело тем, кто держится
сам по себе, на отшибе.
Человек человеку
всего здесь нужней и дороже.*

*Жили весело, дружно,
усталость душе не грозила,
И случались по первости
только простудные хвори.
Жизнь моя удалая
была молодой и красивой
И, считай, впереди ещё вся,
простиралась, как море.*

*Кто теперь вспоминает
про наше колымское братство?
То, что было, прошло
и едва ли уже повторится.
Старый друг, что из наледи мне
помогал выбираться,
Чтобы выжить, на рынке Покровском
торгует в столице.*

*Нынче жёсткое время.
Я видел, свидетель невольный,
Как один за другим
погибали посёлки на трассе.
Сорок лет я работал здесь.
Было бы горько мне, больно,
Если б только доподлинно знал,
что трудился напрасно.*

*Ждём хороших вестей,
перемен, очевидно, нескорох...
Ты звездой ледяною свети мне,
мерцай неустанно,
Мой посёлок далёкий,
затерянный в белых просторах,
Между Оймяконом и Магаданом.*

2012

ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

*Так ли просто –
безмерно
Человека любить?
Надо ратником верным
В светлом воинстве быть.*

*Ты, возможно, слабее
Тех, кто рядом с тобой,
Но идёшь не робея
Вместе с ними на бой.*

*Не воинственность
плоти –
Вера нас повела
Против дьявола, против
Вездесущего зла.*

*Станем плотной стеною,
Не приемля резни,
Эту нечисть теснить
Общей волей стальнойю.*

*Как бы нам ни грозили,
Наша вера чиста,
Свято верим в Христа,
В мать нашу Россию.*

*Вечной мучимы жаждой
Те, чья жизнь – карнавал,
Кто нахапал, урвал
Всё, что смог у сограждан.*

*Их, резвящихся мерзко,
Доведёт до конца
Бес, ослепший от блеска
Золотого тельца.*

*Пусть летят они рысью
За наживой с утра.
Верим в силу добра,
В красоту бескорыстия.*

2013

ШИПОВНИК

*В середине колымского лета
Целый месяц почти напролёт
Торжествующим
яростным цветом
Возле трассы шиповник цветёт.*

*То в росе,
то в пыли придорожной,
Под ударами ветра и гроз,
Дальний родственник
ясновельможных,
Южным солнцем
обласканных роз,*

*Всё он терпит,
бродяга колючий,
Град и ливень ему не впервой.
И проносятся низкие тучи
Над косматой его головой.*

*Утверждая себя непреклонно
В заповедном краю мерзлоты,
Он победно ликует на склонах,
На высотах, что с боем взяты.*

*Вызывающе прост и прекрасен,
Он пылает зари горячей.
Как светло в это время на трассе
В лёгком сумраке белых ночей.*

*И на сердце чуть-чуть веселее,
Оттого что вдоль горной реки
На откосах крутых пламенеют
Целый месяц его лепестки.*

1968, 2012

Александр ПУРЫШЕВ

*Я лишь один в пустой квартире,
Но мысли разрывают на куски,
И детский смех в ушах звенит,
То в жар бросает, то знобит.*

Ему было всё равно. Дойдёт ли он до дома или рухнет на улице. Николай и не понимал, что сильно перебрал. Во дворах ещё лежал зимний рыхлый снег. После полудня по дороге домой он переходил площадь возле магазина по снежной каше в кроссовках. Было очень тяжело поднимать голову. Уставший взгляд пронзал землю, пытаясь избегать проходящих мимо людей. В глазах мелькали мушки. Впереди предстояло перейти дорогу с кипящими машинами, которые щедро окатывали друга грязью. Он дождался, когда машины остановятся. Сделал несколько шагов и почувствовал, как в обувь зачерпнул холодную воду.

Ещё утром он встречал приход весны в историко-культурном центре «Старый Сургут». По мифологии северных народов в начале апреля тепло приносят вороны, когда прилетают после зимовки. На небольшой деревянной площадке на открытом воздухе выступали фольклорные коллективы.

А ПЕЧАЛЬ НЕ ОТПУСКАЕТ

В глиняной печи возле сцены пекли хлеб. В чуме гостей праздника угощали ухой, строганиной из муксуна и стерляди.

Недалеко от праздничной площади он встретил своего бывшего одноклассника Игоря и знакомого Али, которые помогал проводить спортивные соревнования по видам спорта северных народов: прыжки через нарты, метание тынзяня (аркана) на хорей (шест для погона оленей), перетягивание палки, бег. Они работали тренерами по боксу.

После праздника они зашли в магазин. Купили два литра водки и закуску: курицу гриль, несколько видов салатов, маринованные огурчики, колбасу, сыр, соки. Через полчаса сидели за столом. По телевизору шла запись соревнований по боксу. Игорь открыл первую бутылку и неспешно разломал курицу на куски. Николай дождался, когда наполнится рюмка и выпил залпом, не закусывая. Потом вторая, третья, четвертая...

Глаза боксёров становились большими. Они не понимали, зачем он торопится. Вокруг много закуски.

– Ты давай закусывай, а то улетишь скоро, – сказал Игорь.

– А мне хочется улететь. От меня ушла жена, – ответил Николай.

– Подумаешь, жена ушла. Если не дура, то вернётся. Будь мужиком, – продолжил Али, двухметровый уроженец солнечного Дагестана.

– А ребёнок, моя дочь?

Темп Николай взял высокий и не собирался его снижать. Вкус водки со временем исчез. Он почти ничего не ел и не запивал соком, ждал, пока его свалит с ног огненная вода.

Меньше чем через час закончилась водка. На столе осталось много закуски.

Двухметровый боксёр развалился на диване и закричал Николаю: «Ты меня нокаутировал! Не буду с тобой больше водку пить! Иди отсюда!».

И он вышел на улицу. Его ослепил дневной свет, который исходил отовсюду: с неба, от снега на земле, от деревьев, домов.

К счастью, на его пути был всего один переход через дорогу. Перейдя переход, он пошёл по заснеженной алее

вдоль дома. Два последних поворота, и он у подъезда дома. Домофон не работал. Лифт приехал на пятый этаж. Он увидел дверь, за которой его никто не ждёт.

Николай постоял немного у двери, никак не мог найти ключи. Потом распахнул дверь, снял промокшую обувь, повесил куртку и вошёл в комнату. Взгляд на несколько минут застыл на детской кровати в углу комнаты.

В начале октября, когда родилась его дочь, выпало много снега. Он вспомнил, как впервые увидел свою дочь в окне роддома, как забирал её с женой. Жена еле шла в синем махровом халате. Рядом была медсестра с розовым, сложенным в конверт одеялом. Он вручил огромный букет цветов супруге и аккуратно взял розовый конверт у медсестры. Были невероятные ощущения. Из одеяла торчала белоснежная простынь. Он развернул простынь и увидел красное лицо своей доченьки. На протяжении всего пути он не отводил от неё глаз.

Её забрали, когда ей было три с половиной года. Когда же уходила, дочка заболела простудой. Он поцеловал на прощание её в горячий лоб и разжал руки. Слёзы катились по его щеке.

Он упал на диван, закрыл глаза. Всё вокруг вертелось и крутилось в разные стороны. И он закричал, а в ответ тишина...

*В ритме танца наши тела,
Говорим безумные слова,
Жизнь связала на года,
Наши юные сердца.*

Ему снится сон, что они снова вдвоём. Он, студент последнего курса университета, в холодный фев-

ральский вечер пришёл с друзьями в дом культуры на дискотеку.

В зале на втором этаже было многолюдно. Играла музыка, в темноте сверкали лучи и разноцветные огни. Он постоял немного и стал спускаться на первый этаж, где был его друг Сергей. Он не любил шума и проводил время у игровых автоматов.

На лестнице между этажа-

В кругу танцующих девушек он заметил её силуэт, который раскачивался из стороны в сторону, как волны на морском побережье, гипнотизируя его взгляд. Волнистые волосы вздымались вверх и падали вниз на блестящее серое короткое платье. Её руки – магнит, стали затягивать его в танец.

ми к нему подошла незнакомая девушка и заговорила.

– Привет! С каких это пор ты поменял Аврору на дискотеку в Энергетике?

– А откуда ты меня знаешь? – ответил он.

– Я тебя на дискотеке в Авроре заметила на праздновании старого нового года.

– А, вспомнил, я там был месяц назад. Сегодня решил прийти сюда. Как тебя зовут?

– Инесса. Я наверху с подругками. Подходи к нам. А тебя как?

– Николай. Хорошо, я скоро подойду.

Вскоре он поднялся и стал её искать.

В кругу танцующих девушек он заметил её силуэт, который раскачивался из стороны в сторону, как волны на морском побережье, гипнотизируя его взгляд. Волнистые волосы вздымались вверх и падали вниз на блестящее серое короткое платье. Её руки – магнит, стали затягивать его в танец.

И он задвигался в такт с ней, ловя удивлённые взгляды её подруг.

За полночь у гардероба она

уже сидела у него на коленях и писала на клочке бумаги свой телефон. Потом они сели в такси. Он проводил её до подъезда.

– Позвони мне. Я буду ждать, – прошептала она и поцеловала его в щёку.

На следующий день они были уже вместе. Чувства захлестнули его разум, переполнили русло страстей и устремили дни в стреми-

тельный круговорот событий.

Он больше не представлял себя без неё. Каждый месяц отмечал день их встречи. После первого года они отмечали каждый год тот день. На третью годовщину он принёс план будущей квартиры, и они строили совместные планы на долгую совместную жизнь.

Они путешествовали по стране и радовались жизни. Он вспомнил, как в августе пятого они стояли на стрелке Васильевского острова в Северной столице. Набережная уходила в русло Невы, от которой веяло холодом, как у них в Западной Сибири от Оби. На берег подъезжали лимузины с кольцами на крышах. Из машин выходили невесты в роскошных платьях, женихи в белых рубашках и строгих костюмах. Они пили игристое вино, смеялись, фотографировались и уезжали навстречу супружеской жизни.

Особо запомнился момент, когда в небо устремилась стая голубей. Белые птицы возвышались над Невой, разгоняя потоки воздуха, вились в небе, образуя жи-

вую волну, затем облако, потом рассеивались над Петропавловской крепостью.

И следующей ночью он сделал ей предложение выйти за него замуж. В тот момент, когда разводили мосты. Было темно, от Невы дул прохладный ветер. Они стояли у парапета, обнявшись, согревая друг друга теплом своих тел.

А через год родилась их дочь Евгения. Имя предложила супруга. Так звали её бабушку. И он согласился, взяв с неё обещание, дать имя их будущему сыну по своему усмотрению.

Вот так появилась СЕМЬЯ. Некоторые называют ячейкой общества. А для него это было самым главным в его жизни. Семейный очаг поддерживали вместе. Она заботилась о ребёнке, вела домашнее хозяйство в отсутствие мужа. Он работал, обеспечивал семью всем необходимым. Они вместе строили планы на будущее.

Когда ребёнку исполнился год, в доме засквозило и запахло сыростью. Она начала

лые сиротливые стены. Из графина налил стакан воды и выпил с неистовой жадностью. Через минуту слегка закружилась голова. И он подошёл к окну.

Утро следующего дня нависло над городом серыми тучами. От вчерашней оттепели не осталось и следа. Ветки деревьев отяжелели под ледяными оковами. По дороге неслись автомобили, извергая клубы ядовитого дыма. Немногочисленные пешеходы осторожно передвигались по серым от песка и льда тротуарам.

Через полчаса Николай открыл холодильник, достал лоток с яйцами, сливочное масло. Потом порезал хлеб, положил в сковороду кусок масла. Когда хлеб приобрёл поджаристую корочку, он добавил щепотку соли, перемешал, разбил несколько яиц и накрыл крышкой.

Николай налил себе крепкий чай с лимоном и двумя кубиками сахара. Съел немного яичницы и запил чаем. Сознание потихоньку

жима педали сцепления. Через некоторое время лоб и ладони стали влажными. Он подъехал к магазину, купил большой букет цветов и конфеты. И отправился к дому, куда уехала его семья.

Она открыла дверь. Пронзила его холодным взглядом, получая цветы. Потом вдохнула аромат и слегка улыбнулась.

– Как вы? Как дочка, здорова? – спросил он.

– Да, всё хорошо, – ответила она.

Из-за двери на кухне появилась сначала голова, потом и вся теща.

– Что, подарил цветы, и она должна тебя простить? – произнесла она. – Ты её чуть инвалидом не сделал!

– Да, виноват я, простите меня, не понимал что делаю, – извинялся он, наклонив голову. – Я позволил себе несколько пощёчин по лицу женщины, матери моего ребёнка.

– Ударил раз, будет и второй, – не умолкала теща. – Я не позволю ей жить с тобой!

– Что же мне делать? Как искупить свою вину?

– Не знаю! Делай что хочешь, это твои проблемы!

На небольшой шум в коридоре выбежала дочка и обняла его. Он достал из пакета конфеты и отдал ей. Дочка поцеловала его в щёку и убежала обратно в комнату. И он ушёл. Сел в машину и уехал домой. У него опять заболела голова.

Рабочая неделя пролетела стремительно. Он вспомнил, что их в середине апреля приглашала подруга на день рождения. Юлия планировала отметить его в ресторане одного из ночных клубов города. Он позвонил в квартиру, куда уехала его семья. На другом конце про-

Из-за двери на кухне появилась сначала голова, потом и вся теща.

– Что, подарил цветы, и она должна тебя простить? – произнесла она. – Ты её чуть инвалидом не сделал!

уходить в себя и ребёнка. Иногда складывалось впечатление, что он стал ей не интересен. Их отношения покрылись нервозностью и пренебрежением...

*С похмелья гудит моя голова,
А печаль не отпускает,
Где ж ты милая моя,
Где ты бродишь без меня?*

Он открыл глаза. Встал. В висках и лобной части головы появилась тупая боль. Во рту пересохло, язык прилипал к нёбу. По пути на кухню он окинул взглядом го-

возвращалось к нему. Менее стала болеть его голова. И он задумался. Что же делать дальше?..

Зашёл в ванну. Принял душ, побрился, почистил зубы. «Сегодня воскресенье, – подумал он. – Я не видел дочь три дня». Потом он собрался, вышел на улицу, сел в машину и поехал.

Всё вокруг казалось необычным: машины двигались слишком быстро, дорога уходила куда-то вниз, пальцы рук по-иному воспринимали рычаг переключения скоростей, требовалось больше усилий для вы-

вода ответили, что её нет, она ушла на день рождения.

Он собрался и решил найти их. Подъехал к первому встречному ночному клубу. Зашёл в зал справа от лестницы и увидел их за накрытым столом. Юля стала махать рукой и приглашать за стол. Потом поставила стул возле жены. Жена подняла глаза и недовольно посмотрела на него.

– Ты зачем пришёл?

– Да так, тебя повидать. Ты хорошо выглядишь. Сейчас я приеду.

И он ушёл. Через полчаса он стоял перед ними с двумя букетами цветов. Один он вручил имениннице, второй ей. Юля очень обрадовалась и сказала:

– Оставайся, никуда не уходи.

Жена посмотрела на него и попросила отойти. Они присели на диван. Её волнистые локоны закрывали накрашенные глаза. Её короткая чёрная юбка еле скрывала стройные ноги в ажурных колготках.

– Если ты останешься, то я уйду. Не порть мне настроение.

– Хорошо, я уйду. Но ты мне позвони, я тебя заберу из клуба. Небезопасно одной возвращаться из таких заведений.

Когда он уходил, на лице именинницы уловил сожаление, а её друг Сергей стал провожать его.

На лестнице Сергей сказал Николаю:

– Не переживай. Я тоже в разводе. Об этом не жалею. Хорошо общаюсь с новым мужем своей бывшей супруги.

Николай и раньше замечал его скользкие взгляды на своей жене. Недолго думая он ответил:

– Узнаю, что бегаешь за ней, быстро охоту отобью!

Сергей замолчал и немного побледнел.

Николай приехал домой, лёг на диван и стал ждать её звонка. Потом позвонил её отцу.

– Сергей Сергеевич, доброй ночи, извините, что поздно, – начал он разговор.

– О, Николай, привет! Что случилось?

– Я хотел попросить вас позвонить своей дочери и объяснить, что мне лучше забрать её домой из клуба. Зачем сжигать мосты?

– Хорошо. Я тебя понял. Позвоню, – ответил он.

Николай ждал и медленно погружался в сон. А когда проснулся, посмотрел на часы. Шесть часов утра. Она так и не позвонила.

*Он пришёл к тебе опять,
И не знает что сказать,
Силуэт в его глазах,
И повестка на руках.*

Прошло три недели, как его Семья от него уехала. Так было и раньше. Она несколько раз жила у своей матери. Потом спрашивала о том, как они будут жить дальше? Он уточнял у неё, что не так? А в ответ получал непонятные для него упреки в отсутствии какой-то

посуды, норковой шубы, походов в кафе. Но самым удивительным для него был упрек в отсутствии у неё автомобиля. Для него это было второстепенным. Главным для него была Семья.

Они жили в центре города в новой квартире с хорошим ремонтом. Каждый год ездили в отпуск. Когда дочке не исполнилось и двух лет, они поехали на Средиземное море. На удивление дочка с лёгкостью перенесла сорокоградусную жару июля, получила загар без солнечных ожогов, подросла, окрепла. Но по приезду домой выяснилось, что отпуском супруга осталась недовольна. Всё не так.

Он подумал, зачем человек сам себе отравляет жизнь? Почему нельзя радоваться жизни такой, какая она есть? А, быть может, ей стало скучно в отпуске по уходу за ребёнком? Захотелось выйти на работу? Разнообразить жизнь? Или просто захотелось самостоятельности? Но зачем ей это, когда современное общество предоставило равноправие женщин в общественной, трудовой и семейной жизни. Когда есть возможность воспитывать ребёнка дома до трёх лет с со-

хранением рабочего места, получить дополнительное образование. А, может, это «общество потребления» диктует свои условия: больше, лучше? Молодость проходит, вокруг столько соблазнов, а у неё всё время старый муж. Новый появится, и жизнь сразу наладится.

Спустя время он понял свою главную ошибку. Он старался закрыть проблемы семьи самостоятельно, чрезмерно оберегал её. Ведь понимание испарилось, когда родилась их дочь. Скорее всего, её надо было чем-то занять, кроме домашнего хозяйства и воспитания ребёнка.

И прав был классик, что сказал: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей».

Он стоял у дома, куда уехала его Семья. Он приехал в надежде на очередное чудо, что она снова соберёт вещи и приедет к нему домой. Он с лёгкостью влетел на четвёртый этаж. Нажал кнопку звонка справа от двери.

Дверь открылась. Первой к нему выбежала дочка. Он вошёл и присел. Дочка обняла его за шею и закричала:

– Папа, папа! Мама, папа пришёл!

Супруга вышла из комна-

ты, улыбнулась и молча вручила какую-то бумагу.

Он посадил на колено дочку, развернул сложенную пополам бумагу и стал читать вслух: «Судебная повестка по гражданскому делу...». Потом молча перевёл взгляд на неё и шёпотом произнёс:

– Ты что творишь. Зачем тебе это?

Она ответила:

– Меня попросили в суде подписать у тебя документ.

Через мгновение показала тёща и отвела ребёнка в комнату.

Первую минуту он не знал что делать. Эмоции захлестнули его разум. Он выдохнул воздух и попросил шариковую ручку.

– Раз так, делай, что хочешь, – сказал он и подписал уведомление.

– Спасибо. Ты сэкономил мне время, – ответила она.

Николай посмотрел ей прямо в глаза, пытаясь её понять. Знакомые глаза, мимика лица, жесты не давали однозначного ответа на вопрос о том, что происходит.

Он ушёл. По дороге домой мысли сверлили его спокойствие, он жутко нервничал, не мог до конца понять её поступок. Что она хочет? Начать новую жизнь? Или напугать его? А если напу-

гать, то зачем? Чтобы он упал на колени, стал уговаривать её вернуться и обещать, что купит ей машину? Или чтобы мыл полы? Или тратил всю зарплату на новое шмотье?

Тогда во что превратиться он? В тряпку, об которую всегда можно вытереть ноги? И найти причину для недовольства. Он будет устранять причину, но тут же станут появляться новые. И снежный ком проблем накроет. А выход будет он искать в вине.

Тысячу раз была права народная мудрость: «Насильно мил не будешь!» И он решил дать ей время на размышление. Чтобы она самостоятельно во всём разобралась. Что ей нужно: новые отношения, новая Семья, мужик – тряпка, или Семья с любимым человеком? Она должна проверить свои чувства. А есть они или их нет?

*Сердце – калёным железом,
Выжгу любовь я допла,
Разум – студёной водой,
Чтоб не сойти мне с ума.*

Серые мрачные будни. Свинцовые тучи накрыли синее небо. Больше всего он боялся одиноких будничных вечеров.

Иногда ему казалось, что он слышал звуки на кухне.

Что скоро откроется дверь в комнату и к нему вбежит дочка, возьмёт фломастеры со стола, запрыгнет на диван и начнёт рисовать. А он строго посмотрит на неё и скажет: «Перестань рисовать», потом возьмёт её на руки, посадит её на стул и положит белый лист бумаги. Дочка, смутившись, спросит его: «А почему нельзя рисовать на диване?». В этот момент зайдёт супруга и позовёт на кухню: «Я испекла блинчики, пойдёте пить чай!».

Когда он понимал, что это всё наваждение, его глаза соловели от тоски. Потом он метался по квартире, как раненый зверь: включал телевизор, читал газеты, сидел у компьютера, звонил по телефону. С большой радостью встречал у себя гостей и пил.

Лёгкий дурман притуплял испепеляющую изнутри боль. Он на время забывался и уходил в параллельный мир, где человеку ничего не надо, кроме одного – не покидать это состояние.

Но его сдерживали обязательства, на следующий день нужно выходить на работу. Работа благотворно отражалась на его самочувствии, весь день был занят, на хандру не оставалось времени. Но как только наступал вечер, особенно пятничный, он снова не находил себе места.

Вечерами он прокручивал слова, которые она сказала накануне, между прочим: «Долго же ты терпел. Я тебя специально изводила, давно хотела от тебя уйти, но не знала, как это сделать. Как у тебя хватало терпения? Спасибо, что помог мне разорвать этот узел».

Однажды она ему предложила:

– Давай жить вместе как друзья.

– А как это? Что значит друзья?

– Будем жить вместе, вести совместное хозяйство, воспитывать дочь. Но у меня будет своя личная жизнь. И ты не будешь спрашивать: с кем я провожу время, – ответила она, не моргнув глазом.

– Я так жить не смогу. Почему я должен делить тебя с кем-то? – ответил он, подавив в себе вулкан.

Он слышал, что некоторые пары так и живут, изображают идеальную семью, но каждый живёт своей жизнью. Но не мог предположить, что подобное предложение он услышит от супруги. Может быть, кого-то это и устраивает: кто-то идёт на это для сохранения семьи, материального благополучия, а кто-то безумно любит и боится потерять супруга.

Иногда он садился в машину и до полуночи ездил по ночному городу. Он подъезжал к дому, куда уехала его Семья, и смотрел на окна четвёртого этажа, пытаясь рассмотреть их тени, при этом не решался им позвонить, чтобы не обременять их своим голосом, ощущением своего присутствия в их жизни.

Измощённый от усталости, умственного и эмоционального напряжения он уходил в свой мир. Мир, где всё возможно изменить. Но проникающий в комнату утренний свет возвращал его к тлеющим мучительным переживаниям.

Его лицо осунулось, глаза ввалились. У него пропал вкус к жизни, а вместе с ним стремление что-то изменить. Но он всё равно продолжал верить, что есть шанс. Быть может, всего

лишь один. Что она одумается и позвонит ему.

Начался отпускной период. Он предложил ей поехать вместе в отпуск, но она отказалась. Судья продлил срок, данный для примирения до сентября.

В начале сентября светило яркое солнце, отражаясь в каплях дождя на жёлтых листьях деревьев. Дул пронизывающий насквозь колючий ветер. Он смотрел ей в глаза и не узнавал их. В этих глазах горел озорной огонёк, лицо светилось от счастья. Широкая улыбка, игривый смех. Всё говорило о том, как ей хорошо.

– Ты хорошо подумала? У тебя нет сомнений, что мы делаем правильный поступок? – спросил он её.

– Да, я уже давно всё решила. Как ты этого не поймёшь? – ответила она, отодвигая белокурую прядь волос от глаз.

Они вошли в серое мрачное здание с высоким крыльцом, поднялись и зашли в кабинет. Через пару минут они уже были в зале заседания. Судья спросил их о возможности примирения и попросил подтвердить намерение истца.

– Возможности для примирения нет. Я настаиваю на разводе, – сказала, как отрезала она.

– Ну что ж. Я возражать не буду, – ответил он, свесив голову и тяжело выдохнув.

Вот так мучительно и в то же время быстро и легко распалась их Семья.

Прошло несколько дней, и она зачем-то сказала ему, что она влюбилась в другого мужчину, и хочет связать с ним свою жизнь. И в этот момент ему стало тошно и в то же время очень легко. Тошно от того, что за короткий промежуток времени,

человек, с которым ты хотел дожить до старости, способен на такие перемены. А легко от того, что всё это закончилось.

Закончилось мучительное ожидание чуда, которое так и не наступило. Он стал приходить в себя, его разум стал на место. Жизнь не закончилась. Ему надо жить, назло всем изгибам жизненного пути. Жить, храня в сердце любовь к родным, близким тебе людям: матери, отцу, братьям, сёстрам, дочери.

*Жизнь продолжается.
Новый день начинается.
Новые встречи в пути.
Ты не робей, а иди.*

Вскоре Николай уехал в другой город, чтобы начать всё заново, с чистого листа. Новое место работы, новые встречи. Новые отношения.

Но до конца перевернуть страницу жизни у него так и не получилось. Он знал, что за несколько сот километров от него растёт дочь, которая его ждёт, при встрече бросается ему на шею и кричит: «Папа, папа, как хорошо, что ты приехал!» Для ребёнка всё равно, почему его ро-

дители развелись. Ему нужны оба родителя: отец и мать.

Для дочери папа работал в другом городе, в командировках, приезжал на выходные, забирал её и по возможности всё время проводил с ней. Это было их время.

Что такое папа выходного дня? Это когда все желания ребёнка исполняются. Походы в зоопарк, кинотеатры, детские площадки, детские клубы, аттракционы, цирки и всевозможные программы, кафе с любимым мороженым. Когда дочь начала капризничать, проявлять непослушание, он не мог на неё кричать, а лишь строго посматривал. Но этого было достаточно, они друг друга хорошо понимали.

Он старался компенсировать всё то время, которые они не вместе. Но он знал, что придёт то время, когда ребёнок станет старше, появятся другие интересы, друзья. Когда ребёнок скажет, что он уже взрослый и никуда с тобой не пойдёт, а будет смотреть телевизор или пойдёт к своим друзьям.

И он наслаждался моментами общения с дочерью.

Ведь таким, как прежде, ребёнок не будет уже никогда. Ребёнок меняется не только внешне, меняется его внутренний мир, восприятие окружающих.

Он вспомнил, когда дочери было четыре года, по дороге в зоопарк, в машине, они проверяли умение считать, потом учились складывать числа.

Загибая пальцы на обеих руках, он оставлял несколько и спрашивал её:

– Сколько пальцев на этой руке?

– Три! – отвечала она.

– А на второй руке?

– Четыре!

– А теперь сложи два числа, посчитав пальцы на обеих руках!

– Семь! – радостно кричала дочка.

Потом он давал новые задания. Она сидела на заднем сиденье, отворачивалась для того, что бы её никто не видел, и считала все пальцы. Ответы раз за разом поступали всё быстрее и быстрее. На обратном пути учились вычитанию. Он показывал пальцы и просил посчитать, потом загибал по очереди несколько пальцев и просил пересчитать.

К концу поездки дочь призналась:

– Складывать мне больше нравится, чем вычитать!

На что он ответил:

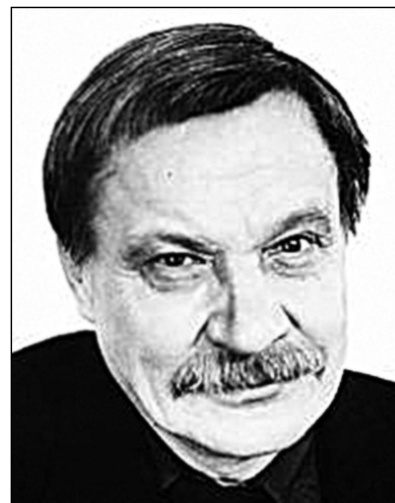
– К сожалению, в нашей жизни приходится приобретать и терять. Так устроена жизнь. До конца ведь ты не знаешь, что найдёшь, что потеряешь.

Потом он ехал и думал. Главное, что дочь знает своего отца. Он надеялся, когда вырастет, она поймёт его и простит за время, прожитое не вместе.

г. ХАНТЫ-МАНСЙСК

Роберт Винонен

НАС НЕ ЗАБУДУТ

Первый живой поэт, кого я встретил на пороге жизни, был Владимир Морозов. Живой – это в смысле настоящий, печатающийся, иначе говоря, профессионал. Выпускник Московского Литературного института, в конце пятидесятых он вёл литобъединение при комсомольской газете. Город Петрозаводск был небеден поэтами – подъём популярности поэзии начинался по всей стране. И вот читаю: «приглашаются начинающие...». Какое-то время побродив нерешительно вокруг здания обкома, отважился.

Не скажу, что сразу понял и оценил своеобразие стихов Морозова. Он читал хорошо, и не только свои произведения, но и других поэтов. Впечатлили в его исполнении, например, «Зодчие» Дм. Кедрина. Много чего мне, семнадцатилетнему токарю Онежского тракторного завода довелось услышать впервые. Со страниц «могучего оружия нашей партии» – печати – вычитывалось совсем не то. Можно усмотреть в морозовской демонстрации педагогический приём мастера, но в любом случае то была прививка настоящего вкуса и просто любви к поэтическому слову.

В числе слушателей находились Эрик Тулин, Елена Николаева, Виктор Сергин, ставшие потом известными в Карелии поэтами. Не знаю, куда девался Сергей Штейнберг, где и почему угас ярко вспыхнувший талант Фридриха Хямяляйнена. А некий Кузнецов был уличён в регулярном плагиате; так сказать, в особо крупных размерах. Все были весьма красноречивы. Я же сидел набрав в рот воды, боялся сморозить глупость, да и вправду был профаном. Первые стишки тиснул в заводской многотиражке «Онежец». Слава Богу, никто их се-

годня не сыщет и не прочтёт. Одна строка, правда, самому втемяшилась в память: «По-всюду, где трудно, идут коммунисты». Смысл тех высокоидейных откровений сегодня можно выразить точнее: там, где коммунисты, везде трудности.

Были и у Морозова продиктованные временем гражданские мотивы. Не у него ли я и позаимствовал вышеприведённый опус, из его поэмы «Встречи на сплавной реке»?

*Там, где трудно и мало народа, –
Там всегда впереди комсомол.*

Надо помнить, что без таких дежурных реверансов нечего было и думать о печатной странице. В то же время всё писалось вполне искренне. Особенно Морозова, двадцатипятилетнего в ту пору поэта, низкопоклонством не попрекнёшь. Его стихи такого плана звучали проникновеннее, чем обычно было принято. Например, короткое признание «Родине» –

*Я знаю, что не слов красивых ждёшь ты,
Моя многострадальная страна.
Ведь ты слабей не станешь, оттого что
Не стану я твердить, как ты сильна.*

*Шинель сниму, мне мать пиджак примерит,
Я выйду ночью слушать соловья...
В любви клянутся те, кому не верят,
А ты ведь веришь мне, земля моя!*

Надо сказать, время переживалось в общем оптимистичное. Одна из ярких примет его – запуск первого искусственного спутника Земли. Событие нашло широкий отклик в по-

Владимир Морозов

эзии. Известный тогда классик республиканского масштаба Борис Шмидт написал:

*Тебе, читатель, строчкой броской
Свидетельствую, говоря,
Что спутник над Петрозаводском
Промчался, звёздочкой горя,
Пятнадцатого октября.*

Шмидт был хороший поэт, но в этом стихотворении не выразил ничего кроме чувства понятного удовлетворения. А молодой поэт Морозов космическую тему затронул иначе, вернее – совсем по-земному:

*На плите отдувается чайник,
Не спеша закипает уха...
– Между прочим, товарищ начальник,
В общежитии крыша плоха.
Не пойми, что вот так ночуя,
Я заную, что жизнь нелегка.
Только спутник Земли не хочу я
Наблюдать через щель потолка!*

Чувство успокоенности было чуждо автогео-рою Морозова:

*И понял я,
вчерашний воин,
Что после будней боевых
Покоем
я обеспокоен –
Тем,
от которого отвык.*

Поэт не умел с происходящим вокруг безоглядно соглашаться. Тогда, например, естественная для Карелии «лесная» тема как правило оборачивалась темой лесозаготовок. Был та-

кой герой труда, вальщик леса Готчиев, много превышавший нормы вырубки. Уж не помню, кто воспевал его трудовые подвиги:

*Ходит Готчиев с бригадой,
Хороши его дела!*

А возможно, это запомнилась чья-то пародия на кого-нибудь из тогдашних авторов. Даже если так, в дурацких строчках отражено казённое поощрение трудового энтузиазма. Морозов подходил к вопросу куда более критически:

*Дребезжат над лесами початыми
Электрических пил голоса...
Что поделать:
бумаги с печатями
Разрешили калечить леса.*

Теперь думаю: не с подачи ли нашего общего учителя тему леса впоследствии успешно, интересно разрабатывал Виктор Сергин? Морозов вообще предвосхитил многое. Даже возникшая гораздо позднее популярная песня «Долго будет Карелия сниться», где «то ли небо в озёра упало, то ли озеро в небе плывёт», предвосхищена морозовским взглядом на красоту нашей природы:

*Я смотрю удивлённо и немо,
Папирота погасла в руке:
То ль река окунается в небо,
То ли плавают небо в реке...*

Причём, взыскательного художника не устраивали просто мастеровитые поэтические отражения. Он доискивался до их более глубокого смысла:

*Вот озеро.
Красивее на свете
Никто из нас, пожалуй, не встречал.
И на него глядим мы, словно дети,
Попавшие впервые на причал.*

*В него лесные смотрятся массивы,
В нём – облака и солнце!*

*И оно,
Пожалуй, потому-то и красиво,
Что всё вот это
в нём отражено.*

Надо ли раскрывать подтекст этих строк? Он предельно ясен: речь тут не про дивный водоём, а про человека, ценность которого не во

внешней привлекательности, а в содержательности души. Во внутреннем достоинстве. Эти азы этики В.Розанов выразил по-своему:

*...Суть «неба» не что «оно есть»,
а то, что «в нём есть».
В звёздах. В солнцах.*

Напомню, что одарённость Владимира Морозова довольно рано и, вестимо, не без прилежного труда, привела его к писательской зрелости. А прожил парень всего-то 26 лет... Вот и думай теперь, каких бы вершин достиг он, кабы не прервал восхождение собственной рукой. Ту поэтическую высоту сегодня можно лишь дорисовывать – по вещам, оставленным у подножья.

Тут не избежать вопроса о самом смертном грехе. Что толкает человека в петлю? Пример ли Есенина, Маяковского, Цветаевой? Но все они, как и Морозов, обладали здоровой психикой. Пожалуй, можно согласиться с автором книги «Писатель и самоубийство» Гр. Чхартишвили (он же известный детективщик Б.Акунин) в том, что «творчество – профессия опасная и заниматься ею могут только люди, у которых не всё в порядке с инстинктом самосохранения». Ничего более конкретного мы не узнаем никогда. Не судим, да не судимы будем...

Остались стихи, по которым виртуальный Владимир Морозов виден как живой. Как большой поэт. Мастер автологической речи, он весьма силён и в изобразительности. Его лёгкое и острое перо любовно обводит детали:

*Стара у клёна гимнастёрка,
А новой – клёну не дают...
Столпились камни у озёрка
И, словно овцы, воду пьют.*

*У валунов недвижно лодка
Лежит на желтизне травы,
Как пулей сбита пилотка
С солдатской бритой головы.*

При этом не упущено и время года, и житейская доля человека, чьими глазами всё увидено. В данном примере это – молодой солдат на месте былых боёв. А в лодке-пилотке северянин сразу узнаёт перевернутую возле воды «кижанку», без которой немыслима жизнь карельского рыбака.

На тех наших встречах Морозов рассказывал и о своей учёбе в Литинституте, в семина-

ре Сергея Васильева. Запомнились процитированные им строки мэтра: «И на крыле автомобиля сушила крылья стрекоза». Некоторое изящество образа было Морозову близко.

Я совсем не знал его как человека, но видел одно: всеобщее к нему уважение. Однажды сам почувствовал это, скажем так, материально. Причём, через несколько после его ухода из жизни. Дело было так. Уже будучи студентом Литинститута по наивности отнёс рукопись стихов в издательство «Советский писатель», благо находилось оно тогда неподалёку. И вдруг те вирши были одобрены, включены в план редподготовки, а я приглашён для заключения договора. Мне было объявлено, что ставка для авторов первых книг 70 копеек за строку. Зав. редакцией Егор Исаев спросил по поводу стихов о Карелии: – А Владимира Морозова знали? Да, отвечаю, учился у него в литобъединении. Малость помедлив, Егор Александрович ткнул пальцем в сторону секретарши: – Майя, ставь рубль сорок!

На том свете у меня уже тогда были большие связи, первый гонорар удвоился. Для студента поддержка немалая. Спасибо Володе Морозову! Надеюсь, простительно простецкое обращение «Володя» теперь, когда его я трижды перерос годами.

В стихотворении «Памяти Колумба и Магеллана» он писал как бы от их имени:

*Мы были храбры и неслабы,
Но вот... последний день погас.
Что толку в том, что наша слава
Придёт, когда не станет нас,
Когда в гробах своих забытых
Мы все истлеем без следа,
Когда, при жизни позабытых,
Нас не забудут никогда.*

Стихи Морозова не забыты на «малой родине». Но они достойны памяти и ждут внимания также от родины большой.

г. ХЕЛЬСИНКИ,
Финляндия

Пирков

ПОЭТ -
ЧЕЛОВЕК
НАСТРОЕНИЯ
И ПОСТУПКОВ

Стихи «Огоньку» были предложены, по всей вероятности, архангельским поэтом Михаилом Скороходовым через Владимира Солоухина, с которым Скороходов учился в Литературном институте.

Надо заметить, что в ту пору народ был значительно добрее, люди помогали друг другу, как могли и чем могли.

– Немало лет вашим поэтическим строчкам: «...я вот без тундры, наверно, вдалеке прожить не смогу». А может, если бы хорошенько попробовали, то смогли бы?

– Говорят, что рыба ищет, где глубже, человек – где лучше. Я себя не отношу к этой категории людей. О перемене своего местожительства даже и не помышлял. Принадлежу к тем, кто пригодился там, где родился. Правда, родился я на полуострове Канин. Пришлось перебраться в центр округа.

У меня многие годы была и есть любимая работа в окружной газете, где я сумел себя реализовать как журналист. Побывал почти во всех населённых пунктах округа, накопил массу материала. А что ещё нужно для творческого человека!

Когда проходило моё становление как поэта, я бывал на тех или иных семинарах. В разные годы они проводились под различными девизами. Помню, упрекали меня за отсутствие лозунговости в стихах, затем

– за отсутствие гражданского звучания, за другие многие «грехи». Но я продолжал работать в своей манере. Основная моя тема – это тундра и её люди.

Эту тему, которую я хорошо знал с самого начала, я в какой-то мере сумел реализовать. Очень доволен, что имею в Нарьян-Маре своего читателя. О моём творчестве говорят, даже изучают в школах, и не только национальных. Недавно директор Оксинской средней школы Ольга Георгиевна Булдакова написала методическое пособие об использовании произведений местных авторов – в частности, моих – на уроках литературы. Так что я живу там, где и должен жить и по рождению своему, и по призванию.

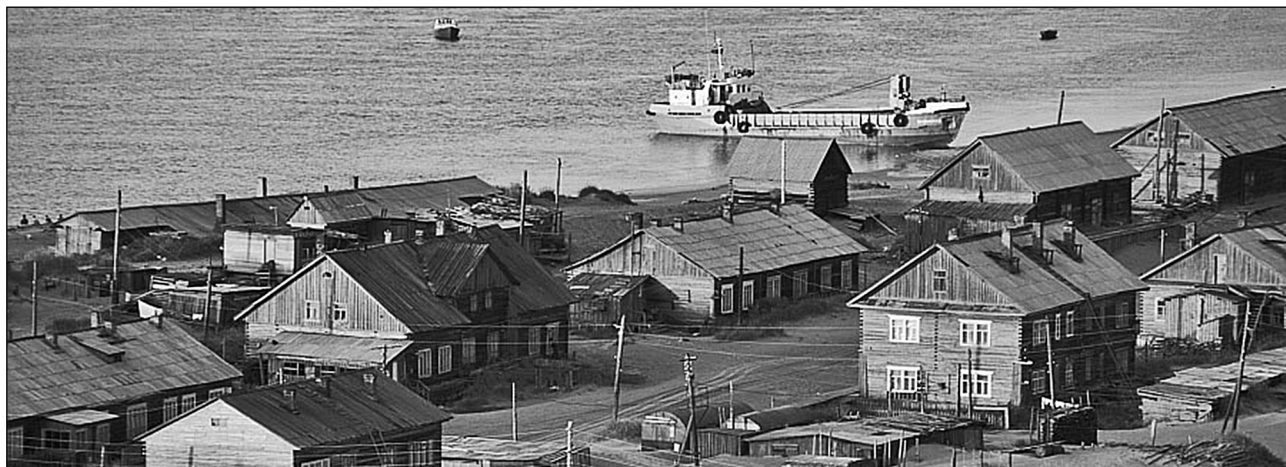
– Бывало так, что ваши книги не выходили подолгу. С чем это связано? Сколько у вас книг?

– Живём мы все по настроению. Оно бывает хорошим, плохим, и это отражается в стихах. Поэт – это прежде всего человек настроения и поступков, порой и таких, что не нравятся людям. Но эти поступки, согласитесь со мной, присущи только мне как личности. Поэтому я и живу именно так, а не иначе. Хотите – принимайте меня, не хотите – я не навязываюсь.

Я поэта оцениваю не по количеству изданных книг. Много их, хороших, – это замечательно. Однако если даже издана одна книга, но отменных, отличных стихов, то, мне кажется, этого достаточно, чтобы говорить о состоявшемся поэте. Вот Евгений Токарев. Он много писал, печатался больше в своей онежской газете. Вдруг решился, собрал воедино свои стихи – и первая же книга поставила его в число лучших поэтов архангельского Севера. Но если бы не было этой книги? Разве от этого Евгений Токарев что-нибудь потерял бы? Как сказал поэт: «Если солнце скрыто за тучей, это не значит, что солнца нет».

Действительно, между изданными моими книжками стихов дистанция иногда измерялась десятками лет... Однажды мне передали, что если я не подготовлю очередной сборник, то мои коллеги будут настроены ко мне отрицательно. Что ж, решил я, пришло время. Написал за неделю детскую повесть «Сятук». Она получила положительную оценку, и вроде бы я оправдался в глазах писателей. Но о таких моментах вспоминать не всегда приятно.

Перерывы связаны с тем, что я до сих пор – работающий

газетчик. Приходится делить время между поэзией и журналистикой.

Изданы девять моих поэтических книжек, одна повесть. Сборник стихов разных лет «Ты уедешь на Канин» и повесть «За синим камнем» должны выйти в частных издательствах Нарьян-Мара. В минувшем году вышла книжка «Мне вспомнилось детство». Три книги за два года – такого у меня не бывало даже в лучшие годы моего творчества.

Думаю, что в поэзии важно быть самим собой, ну хотя бы Пичковым.

– Давно уже вы написали: «Огромен и богатен наш край. Есть в нём место оленям и буровым вышкам, новым посёлкам и городам». Эта восторженность когда у вас прошла?

– Это, я думаю, не восторженность. Я никогда не страдал эйфорией. Но на нашей земле, действительно, есть место и оленям, и буровым вышкам. Не надо только нагнетать обстановку. Но как распорядиться богатством? Воззрения на эти вещи стали иными, чем ещё несколько лет назад. Надо менять формы ведения оленеводства, но нужно выкачивать и реализовывать нефть, в изобилии имеющуюся в ненецкой земле.

Есть, вероятно, какие-то разумные компромиссы, которые помогут решать с пользой для людей все эти хозяйственные, техногенные проблемы. Нужно брать полезные ископаемые не нахрапом и жить не одним днём.

Сейчас на страницах прессы идёт настоящая война, в которой пытаются делить шкуру неубитого медведя. И потери, естественно, будут с обеих сторон, если не найдётся какая-нибудь третья. Вот что страшно. Край наш богат и богатен. Есть опасения, что его богатства, а значит, и материальные блага попадут каким-нибудь нуворишам. Мне кажется, что администрация округа в этом отношении пытается сделать правильный выбор. Кому дать право на разработку нефти и не только её? (Печоро-Тиманский регион богат не только ею). И если победит в этом споре наше северное разумное поморское начало, то мы не останемся без солидного куска от нашего природного пирога. Надо ждать, надо верить в разумное человеческое начало.

– Вы около тридцати лет руководите литературным объединением «Заполярье». Неужели, простите, не устали от графоманских стихов?

– Со мной вместе руководили литературным движением Александр Канюков, Виктор Толкачёв. Не знаю, устали ли они от графоманских стихов. У меня, действительно, иногда голова ходит кругом, но привык и по сей день просматриваю почту «Заполярья». Явное графоманство мы, конечно, не берём во внимание.

Я рад тому, что у кого-то из наших активистов уже вышли книги, у кого-то готовятся. Для такого небольшого города, как Нарьян-Мар, это неплохо. Есть у нас и альманахи «Печорские дали». Владимир Махсон издал в Днепропетровске уже несколько поэтических сборников. Членами Союза писателей России стали Сергей Шангин и Андрей Чуклин.

– Ещё раз процитирую вас:

*Все пройдены отроги
и увалы.
Нам новые вершины
открывать
И что-то ждать
за новым перевалом.*

*За сегодняшним перевалом
что ожидаете увидеть?*

– Перемены в жизни. Мы ожидаем их каждый день, но, к сожалению, они пока к нам так и не приходят. Кто в этом виноват? Я думаю, что вину за задержку перемен не чувствуем и мы с вами. А вот что делать? На этот извечный вопрос мы пока не в силах ответить.

Беседу вёл
Сергей ДОМОРОЩЕНКОВ

Алина ЧАДАЕВА

ДВАЖДЫ В ТУ ЖЕ РЕКУ

ДУБ ЗЕЛЁНЫЙ...

Давсанка подвела меня к вечнозелёному дубу, показала на дупло в нём:

– Влезь в него и усни. Верховный Бог – Боа Эндурни не велит тебе долго у верхних людей быть. Не пришло ещё твоё время.

– Пэдэм дэрэдигуру, – с печалью сказала я ей. – Прощай! Когда-нибудь вернусь...

– Пэдэм энур! Доброго пути тебе к земным людям, – поклонилась моя небесная окони – подруга, повернулась, ушла, словно растаяла.

Я переступила через низкий, у самой земли, порожек корней исполинского дуба. В дупле стоял грубо сколоченный, серебристый от времени деревянный аналой. Древнее Евангелие в полуистлевшем кожаном переплёте с медными застёжками было раскрыто. Наклонилась, прочла: «Низложи сильные со престол и вознесе смиренные».

Высоко над аналоем тихо мерцала неугасимая лампадка, и свет от неё был покоен. И увиделась тень великого

старца – смиренного Тихона Калужского, что шесть столетий назад избрал своей обителью дуплистый дуб, жил в нём, питался «саморосленной» пищей: кореньями, грибами да ягодами; воду пил из кладезя, что сам ископал при истоке реки Випрейки. Денно и ночью молился Милостивому Богу: «да избавит Он православных христиан ...от огня, меча, от нашествия иноплемennых...»

А «иноплемennые» стояли недалеко от дубовой обители Тихона. Золотоордынский хан Ахмат с несметной ратью явился наказать непокорного царя Ивана III, прекратившего платить разорительную дань Орде. И должна была разгореться великая сеча на реке Угре. Но случилось чудо: одиннадцатого дня месяца ноября 1480 года каждое из противостоящих на Угре войск – развернулось и отправилось вспять – восвояси.

Была в стане русских икона Владимирской Богородицы. Её заступничеству приписали мирный исход. Но, наверное, и по богодухновенным молитвам смиренного Тихона свершилось чудо. И незримая энергия дуба была ему в помощь. Человек и Дерево соединяли усилия духа и душ, чтобы повлиять на мирный исход ратных событий.

Эта догадка – не моё вольно-думие. Люди, наделённые способностями единения с Природой, знали с правремени: энергия дуба может влиять на судьбы народов и человека. Недаром «три Ангела, три Странника» явились Аврааму «у дубравы Мамре» в Палестине. На иконах Святой Троицы – мощный трёхствольный Мамрийский Дуб – непреложное действующее лицо: «Несть сад, его же не насади Отец Мой Небесный» – слова Христа.

В книге «Бытие», когда рассказывается о явлении Господа Аврааму, «дубрава Мамре» упоминается трижды. В этом рефрене – не пейзажная случайность, ибо в Библии нет праздных слов, как нет случайности и в том, что земной, реально растущий Дуб в Мамре – трёхствольный, так как в нём читается зримый «символ веры». Говорят, Дуб этот возник ещё при Сотворении Мира. Говорят и другое: если он засохнет, закончится и

история человечества. Но вот – будто бы и засох в прошлом столетии. Однако недавно от корня погибшего исполина пошёл новый молодой росток, и от общего его ствола растут ТРИ ответвления. – Надеждой на незыблемость Символа Веры.

Четыреста лет – после кончины святого Тихона Калужского простоял «его» дуб. В начале 1830-х годов молния низвергла дерево. По славянским поверьям, так распорядился Перун посвящённым ему дубом. Но память о нём осталась, и остов дерева был осеён христианской часовней.

Вот и моя «метафизическая память» побывала в фантоме сакрального Дуба.

– А как же быть, – спросит проницательный читатель, – с Пушкинским зачином к его юношеской поэме «Руслан и Людмила»?

...«У Лукоморья дуб зелёный...» Представьте картину – кого? – поселяет Александр Сергеевич «на дубе том»: «русалка на ветвях сидит», а под ветвями-то – и «леший бродит», и «Кащей над златом сохнет», «и ступа с бабою Ягой идёт-бредёт сама собой», и «неведомые» дорожки, а на них – «следы невиданных зверей»... И как бы суммируя образ древних мистических сил, – «там русский дух, – пишет Пушкин, – там Русью пахнет». И сам поэт не только будто бы «видел дуб зелёный», но и «под ним сидел», слушая сказки «учёного кота». А в предварительных набросках поэт запишет «со слов нянюшки своей Арины Родионовны: «У моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт – сказки рассказывает, вниз идёт – песни поёт».

Глубоко в почву народных сказаний пустила корни «голубка дряхлая» Арина Родионовна. Через неё передались Александру Сергеевичу ритмы древних мистерий и о Дубе-Перкуне, как называли его праиндоевропейские народы. Бог – громовержец, метатель молний Перун и посвящённое ему древо Дуб были одноимённые. И под кроной дуба – в Киеве ли, или в Новгороде Великом – совершались ритуальные обряды: жертвенные поклонения, свадебные пиршества, просьбы о защите от «леших», «водяных», колдовских

чар, а, может быть, и проводы «на тот свет».

И вот – как будто лично для меня узнала, что мой любимый, как я говорю, «тотемный» цветок – ирис был и цветком Перуна. На Руси ирис называли «певник», «сорочий цветок», а южные славяне – «перуник» и в синоним ему – «богиша», Божий цветок.

В начале княжения Владимира Святославича был Перун олицетворением ИДЕИ ЕДИНСТВА раздробленной Руси. Изваяние его, навверное, из дуба высеченное, поставил князь напротив своего терема в Киеве. И была у княжеского Перуна серебряная голова с золотыми усами. А потом, во имя утверждения христианской веры, повсеместно свергли «языческого идола» и уничтожили, раскопав, капища – места обрядового ему поклонения.

Жестока и глумлива была расправа. Архиепископ Великого Новгорода «разрушил капища, идол Перуна посёк и велел его волочить к Волхову. Обвязали его верёвками и повлекли по грязи, избивая палками, и бросили в реку Волхов».

Через столетия потомки свергателей так же будут глумиться и над христианскими святынями – в мистическую рифму, а потом и новоявленные свергатели будут свергнуты и придут (пришли) новые на поклон Молоху и будут плясать (и пляшут) – вокруг «Золотого Тельца», и алчный топот – пуще всего – часто будет раздаваться из-за церковной ограды.

А в «златом тельце» этом – антирифма тем живым «телятам» – телятам, что

сжигались на ветхозаветных кострах.

Но ведь храмы-то православные – возводились на месте бывших капищ. «Идеже беша Еллинская капища, тамо ныне божественныя церкви».

Что в этом: знак победы над «идолищем поганым» или – неподвластная воле людей – преемственность древней веры в защитные силы Природы, которая не есть Бог, но в облике которой Творец явил Себя людям. И не в этом ли тайна долгожительства «преданий старины глубокой», угаданная Пушкиным?

ЯЛГАХА – ФУДИН: ЛОТОС – ДЕВУШКА

Но пора, пора мне вернуться из своей трансмиграции: из «верхнего мира», то бишь, с «того света» – в дольний, на землю. Как полагается во всех сказках и преданиях, и я, пробудившись ото сна в дупле дуба, вышагну из него через низкий порожек корней, как бы «воскреснув». Да и что такое – сон, как не репетиция и образ смерти?

И вот – сидим мы с нанайской сказительницей Дачи Удинкан в берестяной, нестойчивой оморочке, едем-плывём по ягоды по реке Курда по топкой болотистой марри, без конца и края, словно по морю... Высокая была в том августе – вода. Не одни мы – и другие нанайские спутницы бесшумно гребут лёгкими вёслами, сидя по одной в оморочке.

А кто в красном халате, кто – в чёрном или в жёлтом. Головы платками повязаны, у всех – белыми. Облака над нами играют в свои причуды.

Отражаются в воде, как живые, их игры и цветные одежды женщин. Самая красивая у той, что одела голубой халат. Точно небесная девушка – фудин спустилась и плывёт – летит по воде и по небу...

Я вам это рассказываю словами Дачи. Вспомнила она, как однажды увидела озеро лотосов. Думала: что там горит на середине озера? Ближе на лодке подплыла – а это лотосы. Розовые, как утренняя заря на исходе. «Лотос» по-нанайски, – не поверите! – называется ХИМУНДЮФУКЧИНИ – «еда крокодилов».

Не решаюсь спросить: а крокодилы-то – не в тропиках – откуда?

– Химур – крокодил головой на рыбу сома похож, – убеждённо говорит Дачи. – Пасть большая, зубы огромные и частые, как пила. Четыре лапы у него, На голове – шишка красная, только если по ней ударишь – убьёшь. Муж мой Арся с сыном на берегу этого озера ночевали. Слышат – шум, плеск. А там озёр несколько, и все они под землёй сообщаются. Встали мужчины утром – видят: след – не след, а будто кто оморочку по траве перетаскивал. Это химур полз, хвост тащил. Где лотосы растут, там обязательно живой крокодил есть.

Дачи всё смотрит и смотрит, как смуглая вода расчёсывает водоросли, как жёлтые кувшинки повторяют колебания лёгких волн, покачиваются царственные венцы лилий.

– У нани сказка есть про девушку-цветок – «Ялгаха-фудин» – называется. Я её от найна – бабушки Ибда слышала. Она только «детские» сказки сказывала, «мужских» не знала.

Дачи будто и не мне рассказывает, голос как издали слышен.

– Когда дождь идёт, соберёмся в доме, дети ягоды чистят, женщины лепёшки-дутун пекут, старухи сказки говорят. А зимой – у печки-голджен сядем, мы – рыбью кожу на кожемьялках мнём – на халаты, на олочи; мужчины – на накан сидят, невод вяжут, а кто из конопли нитки крутит. Невод ведь из конопляных ниток делали. Теперь забыто, а тогда, в давнишние времена, коноплю сеяли. Осенью срежут, в снопы свя-

жут, на настиле сушат на солнце. Потом в воде размачивают – камнем придавят сверху. Вытаскивают – стебли уж белые сделались. Бьют по ним колотушкой. Как нитки станут. Все работают, трудятся, а сказки, как нитки на махгир – катушку, на слух, на сердце наматываются.

...Скользит оморочка по лугу водяных цветов – живыми картинками к сказке Дачи. Нехитрый, казалось бы, сюжет.

...Поженились юноша-мэргэн и девушка-фудин. Счастливы живут. Завидует им соседка колдунья – амбактуфудин (амба – чёрт, значит). Мэргэн на охоту уходит – колдунья – к его жене в дом. Раз пришла, предлагает фудин:

– Мы сегодня будем «в свадьбу» играть. Ты мой халат надень, я – твой.

Поменялись. Колдунья манит фудин, зовёт:

– Есть место такое – красивое, светлое озеро. Камешки на дне разноцветные. Прыгнем в воду – играть в них будем. Не утонешь, не бойся. В воду, как в дом, войдёшь.

Пришли. Озеро круглое, как котёл. Берег крутой. Только нагнулась фудин на камешки посмотреть, бусяку-колдунья ей камень к шее привязала, на самую середину озера толкнула. Сама какой-то белый порошок проглотила – голос тоненький стал, как у фудин.

Муж-мэргэн, как водится, подмену жены не больно-то замечает.

Год прошёл. Фудин всё под водой томится, вылезти не может: камень на шее на дно тянет. Стало её песком-илом заносить.

А недалеко от озера дом стоял. Старик, что в нём жил, табун коней пас. Кони эти с неба один раз в году спускаются. Он их в озере моет и поит. Вот повёл коней к озеру – что такое? На самой середине никогда цветов не было. Откуда взялись? – Свежие, красивые, в воде отражаются... Кони воду нюхают, шарахаются. Через год снова спустились с неба кони. Снова старик их к озеру повёл. Смотрит – цветы в озере наполовину увядшие стоят. На третий год – и вовсе – один цветочек туда-сюда качается. Кони храпят, от воды шарахаются. Старик кнутом их усмирил, в небо отправил. Домой вернулся – никак уснуть не мо-

жет. К озеру пошёл. В кустах спрятался, трубку за трубкой курит. Слышит – стон над озером раздаётся.

– Уж и дышать не могу, умираю... Где ты, мэргэн, спаси меня! – Еле слышен голос из озера.

А у старика птичка была... – Речи сказительницы неторопливы, как течение воды под днищем лодки. Я смотрю на лёгкие лепестки берестяных оморочек, нас обогнавших, и разноцветные одежды женщин напоминают мне цветы лотоса, чьи одеяния так же радужны. Наверное, в сказочном озере они были алого и розового цвета. Вспоминаю, что в буддийской символике красный означает «чистоту сердца» и изначальность Природы. Розовый соответствует высшим божествам. Ведь и Будда в изображениях сидит «в позе лотоса». Любой цвет лотоса – музыкален, как сольфеджио радуги. В сказке Дачи он имеет ещё и голос: девушка, ставшая цветком лотоса, его «уста» стонет, молит о спасении. Вянуший цветок – словно сама фудин, погибающая на дне озера.

– У старика маленькая птичка была, – повторяет Дачи. – Вынес он её из дома, шепчет: «Ты всегда мои просьбы выполняла... Недалеко отсюда мэргэн живёт...» – И всё ей про стонущий цветок рассказал.

Рано утром мэргэн возле своего дома сидит, что-то ножом тешет. Птичка подлетела к нему, запела. Мэргэн попличьи понимает. Вскочил, к озеру пошёл, к старику.

– Э-э, с кем ты живёшь, парень! Это же бусяку, чёртова колдунья. Она твою жену погубила...

Был у старика шёлковый невод. Забросили его в озеро, вытащили девушку-фудин. А у неё – ни кожи, ни мяса – только сердце, лёгкие да печень остались. А на шее – камень.

Ну, дальше, как во всех сказках: добро побеждает зло. Старик тот, наверное, большим шаманом был – вылечил фудин. Жену-ведьму мэргэну убить велел. Отхватил ей голову топором мэргэн, в огне сжёг. Пепел один остался.

...Еду-плыву с Дачи на оморочке, думаю: реален «лотосовый пейзаж» в сказке, хоть и не тропики – Хабаровский край. Да ведь и жизнь этого цветка – удивительна. Во все времена года, кроме зимы, конечно, температура внутри него – тридцать градусов, даже если воздух над озером холоден. Его стебель может подниматься над водой на два, а то и на три метра, так что лодка свободно проезжает под цветком, не задев его.

Необычная «физиология» лотоса подсказывает точному восприятию его одухотворённость. Священным считался он в Китае в эпоху даосизма, возникшего примерно в 6 – 4 веке до новой эры. Основной закон его диалектики в том, что в мире нет (или не должно быть) «борьбы противоположностей», но есть «стремление к их примирению». Не поэтому ли лотос называли «цветком открытой сердечности», а буддисты представляли вселенную как бесчисленное множество лотосов, следующих один за другим – бесконечной гирляндой.

Сказке «Ялгаха-фудин», может быть, ближе представ-

ление о лотосе как о триединстве материи (тела) – корень растёт из ила, души (стебель) и цветка – духа, обращённого к небу. Девушку, обречённую на муки, – олицетворяет лотос. В этом есть некая мистическая рифма с девой Хэ Сянь-Гу, почитаемой исповедниками даосизма бессмертной в числе избранных восьми персон. Хэ Сянь-Гу изображается с лотосом в руках, как символом чистоты и духовного пробуждения.

И не напоминает ли нам эта древняя композиция христианский образ Девы Марии – с лилией, которую передаёт ей архангел Гавриил, благовествуя о рождении Сына от Духа Святого: Пречистой – символ возвышенной духовности.

Но почему озеро лотосов нанайцы связывают с крокодилом – химур, которого здесь, вроде бы, никогда не бывало. И –

очевидцы есть: видели химура с головой сома и что длинный мощный хвост чуть ли не равен расстоянию между озёрами, к которым он – химур переползает через норы – тоннели в земле. Какие внутрипланетные «флюиды», перекочевав в течение тысячелетий из края в край земли, отозвались эхом в мифологии народов Дальнего Востока?

В Египте, где «крокодилами Нил пруди», – он – образ и символ Смерти. Быть проглоченным крокодилом, значит, спуститься в преисподнюю, под землю. Видимо, образ крокодила-пожирателя был задействован у

некоторых народов в обряде инициации: «пожираемый», прошедший через зубастую пасть крокодила, должен был – через условную смерть – обрести новую жизнь.

В Индии образ крокодила как бы ИНВЕРСИЯ нанайского представления о нём. «Пожиратель» изображается макари-рыбой с головой крокодила.

Любопытно, что в сказке «Ялгаха-фудин» девушку на дне озера не только «песком-илом» заносит, но кто-то неназванный отхватывает у неё куски тела, так что «только сердце, лёгкие и печень остались».

Уж не крокодил ли?

Тень его египетского бога Себека, олицетворявшего порочные страсти, обман, лицемерие, словно проецируется на образ колдуньи-бусаку (бусиэ – злой дух) из нанайской сказки. У неё – «колючее тело», «каркающий голос». Её поступки – лицедейство, обман, жестокость.

В планетарном метафизическом измерении в образе крокодила сочетаются качества-антиподы. Дачи Удинкан жила в селении Улика-Национальная, что расположено на берегу реки

Кур – притока Урми, впадающей в Амур. Кур-урмийские нанайцы были связаны с Китаем значительно больше, чем их соплеменники на среднем и нижнем Амуре. Даже новый год они отмечали по китайскому календарю – в феврале. В произношении слов (фудин – на среднем Амуре – пудин, фиоха – пиоха, фотоха – потоха и т.д.), особенностях обычаев, фольклоре у них прослеживаются «китаизмы», с влиянием которых можно связать и «озеро лотосов», и якобы непременно живущих в нём крокодилов.

В Китае крокодил почитался как живое воплощение ДРАКОНА – символа императорской власти, которая ведёт своё происхождение от шаманизма. У нанайцев – дракон-мудур – небесный обитатель – солнечный змей, покровитель добра на земле. Китайский крокодил-дракон летает над водой, плавает в водоёмах, передвигается по земле и в подземном мире.

Сказка «Ялгаха-фудин» – единственная в своём роде. Во всяком случае, я не встречала подобного сюжета с лотосами и крокодилами у других нанайских сказительниц в Приамурье.

ИВА – ЗЕМНОЕ «ДРЕВО ДУШ». СТИХИЯ ВОДЫ.

...Зыбкая оморочка скользит по зеркальной глади реки. Дачи поворачивает её ближе к берегу, чтобы не натолкнуться на «топляк» – торчащее из воды бревно, или на камень, не пороть днище. Прибрежные ивы, выгнутые дугой, склонились низко, стрельчатые листья на концах ветвей касаются воды и будто текут, повторяя ток реки, и течение расчёсывает их пряди.

– На небе, – говорит Дачи, – есть Дерево Душ ещё не рождённых детей. Нани называют его «Омиа-мони». На земле у него как будто зеркало есть: ива-фотоха. Смотри, она – как многодетная мать – вон сколько почек в пазухах листьев с ветками. Это как будто ГАСА – ПТЕНЦЫ, будущие дети...

Плывём под ивами, по зелёному тоннелю. В нагретом августовском воздухе дрожат тончайшие нити, точно струны.

– Это небесные люди свои нитки на землю спускают, – поясняет Дачи. – На цветы, на траву. Обратном поезде – этой красоты уж не будет. Всё пауки облепят, паутиной заткут... Однако атакан-мама – паук может быть и добрый. Я – девчонкой была – играем с ребяташками на берегу, ямку в мокром песке роём. Это «дом – дё». Делаем из песка «печку-голджён», и каждый кричит: «Атака-мама! Атака-мама! Не поломай нашу голджён!» И если так сказать, то домик и печка не ломаются.

Дачи рассказывает, а я вспоминаю греческий миф об АРАХНЕ, которая «пряла из нитей, подобных туману, ткани, прозрачные, как воздух». За дерзкий спор с Афиной-Палладой – кто из них более умелый в ткацком искусстве – окропила богиня Арахну соком волшебной травы, и тотчас сжалось тело Арахны, густые волосы упали с головы, и обратилась она в паука. С той поры висит Арахна-паук в своей паутине и вечно ткёт её, как ткала при жизни, будучи девой.

Как же всё переплелось во всеобщем античном мире земли, когда человечество, независимо от времён и географии, ощу-

щало Природу своим материнским лоном и говорило с ней на одном языке. «Ра-аньше, раньше, – как-то сказала мне Дачи, – деревья, и птицы, и звери понимали людей, а люди – их понимали». Нанайцы, жившие на берегах реки Гарин – притоке Амура, – считали, что у гольда (старое название нанайцев) – три души. Одна из них – «ДУША-ДЕРЕВО», по-нанайски – «морзо». «Дерево» это невидимо, оно вырастает внутри человека в начале его жизни и падает с его смертью. Растёт человек – и растёт дерево внутри него и дряхлеет по мере приближения его к старости. Душа-дерево мыслилась как двойник человека.

У Шарля Бодлера, французского поэта 19 века, есть сонет в книге «Цветы зла», который так и называется «Соответствия».

*«Природа – некий храм,
Где от живых колонн
Обрывки смутных фраз
Исходят временами.
Как в чаще символов,
Мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным
Глядит на смертных он».*

Да и сегодня мы, выстраивая генеалогию от предков к потомкам, говорим о «родовом древе». Только ли потому, что его графическое изображение на бумаге напоминает разветвлённое дерево?

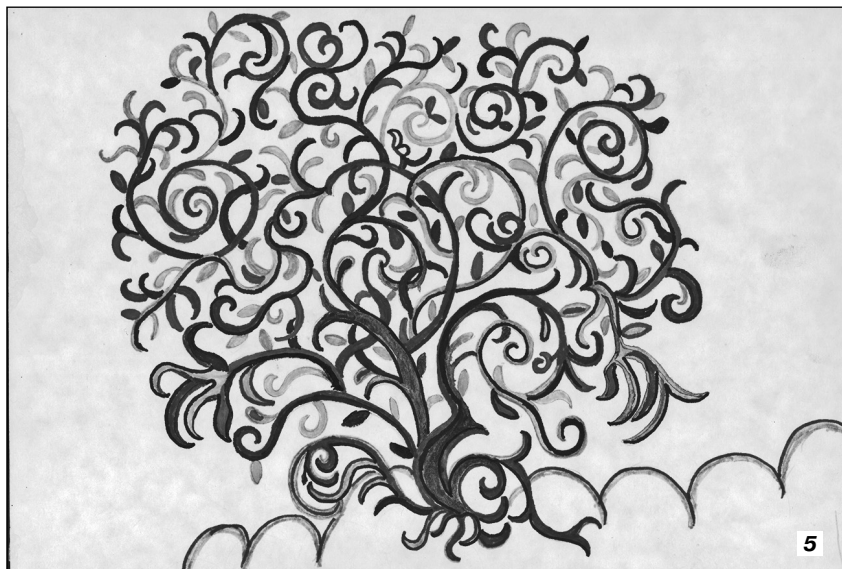
Размышления на тему: человек-дерево, человек-цветок мне особенно близки и личностны и далеки от «научности».

На одном из пыльных московских газонов я как-то увидела тщедушное растение цикория. Он цвёл, вопреки отнюдь не садовой атмосфере

чудовищного мегаполиса, словно пел свою храбрую песенку цвета бирюзы, неслышную в муравьиной суете прохожих и проезжих. «Стойкий оловянный солдатик». И мне слышались «обрывки смутных фраз», и ими я написала стихотворение – от имени цикория.

*Я стою при дороге.
Состою
в непочётном её
карауле.
Сторожу красоту,
чтобы люди и ливни
её не убили,
не залили
горячим асфальтом,
или
не задавили
автомобилем.
По сравнению с ними,
я так мал, что почти
и не видим
ими.
И всё же
раскрываю свой зонт
бирюзой
отважных атласных
лент –
небесного утра – цвет –
след.
Слышите – чистый звук –
в металлическом скрежете,
грохоте
больного гордыней
города...
Слушайте –
сердца моего
стук.*

Несть числа сказаниям народов мира о перевоплощении человека в дерево, цветок, кустарник. Вспомним Неопалимую Купину – горящий, но не сгорающий куст терновника, в котором Бог явился Моисею, пасшему овец в пустыне близ горы Синай. Считается, что Несгораемый куст (Купина) являл со-

бой прообраз Богородицы, не подвластной греху. В этом сказании – «скрипичный ключ» к пониманию реально-мистических метаморфоз, запечатленных в фольклоре народов мира.

Чаще всего перевоплощение происходит в трагические минуты жизни героев сказки. Поэтическую историю поведала мне Дачи Удинкан о том, как девушка-фудин превратилась в иву-фотоха. Я передала эту сказку нанайской мастерице вышивки Анне ОНИНКА, жившей тогда в селении Верхний Нерген на Амуре, и попросила её сделать рисунки к тексту. И она, никогда прежде не рисовавшая, создала уникальные иллюстрации, в которых обнажается сакральный смысл сказки-нингман. Так возник «дуэт» сказительницы и мастерицы, позволяющий нам хотя бы частично понять скрытый смысл сказки.

Кратко – сюжет. Умерла мать у девочки-фудикэн. Осталась она с отцом. Отец на охоту уходит, её одну оставляет. Одну – да не одну. Кто-то её причешет и накормит, и дом приберёт. Оказывается, слуга-кэкэчэн откуда ни возьмись взялась и всё это делает, и песни девочке поёт. Только лицо своё ей не показывает. Вот выросла фудикэн, и слуга исчезла, не приходит.

«А недалеко было озеро...» И вот тут возникает едва ли не главный персонаж сказки – ВОДА. «Сядет возле озера девушка, опустит в него косу... А оно, хоть какой ветер будь, стоит гладкое и чистое, как маслом налитое. Как опустит фудин косу в воду, откуда-то течение появляется, косу её как будто лижет, расчёсывает, моет...»

У нанайцев обычай был: если девушка согласна выйти замуж за юношу, тогда и разрешает она ему её волосы расчёсывать. В сказке героиня – будто в беспамятстве, – сидит у озера, поёт, а когда вспомнит о косе, станет её из воды поднимать, а волосы уже расчёсаны. Кем бы это?

«Однажды зашёл в их с отцом дом красивый статный юноша-мэргэн; коса у него толстая, в руках – дёбго – острога. Отец радуется: «Ты откуда, мэргэн, появился? У нас тут и близко людей нет». Влюбился могучий охотник в красавицу-фудин. Добычи – полный мешок принесёт, у ноги фудин положит...»

Вот как-то раз одна дома осталась фудин. Вдруг слышит: где-то кто-то её зовёт, её голосом её же песню поёт. С непокрытой го-

ловой никогда не выходила на улицу фудин и лицо закрывала. Но тянет её к озеру пойти. Побежала на берег, опустила в озеро косу. Течение появилось, стало ей косу гладить. Фудин сидит, поёт, а вокруг косы круги идут, волны всё больше, выше сделались, поднялась вода... Показался из воды мэргэн – только до пояса – и стоит. Коса толстая, где конец – не видно. Даже красивее, чем жених фудин, был этот мэргэн».

А был он Мукка Аджяни – Водный Дух. Он-то, оказывается, и обернулся слугой-кэкэчэн, когда фудин была осиротевшей девочкой, и пел ей песни о том, чтобы стала она, как вырастет, его женой и царицей подводного мира.

На рисунке Анны Онинка водная стихия разделяет Мукка Аджяни и красавицу-фудин. Череда синих крутых завитков прочерчивает диагональ альбомного листа, словно возводит между ними грозную границу. Вода ведаёт замыслы своего хозяина. И вот – расступилась плоть воды, и по мраморной лестнице ступает фудин всё ниже – на дно озера.. Идёт, влекомая Духом Воды, и рассыпает он перед ней золотые да серебряные камушки. Извиваясь, кланяются ей полурыбы-получеловечки, а вот уж и корона на её голове...

Но сердобольная художница Анна Онинка «вручила» новоявленной владычице водной веточку ивы с одним-единственным зелёным листочком (этой детали в сказке Дачи не было), чтобы вспомнила очарованная фудин о своём земном естестве.

Однако – нескоро сказка сказывается. И на следующем рисунке – стоит в царственной позе фудин, и расплетена её коса, расчёсана надвое: одна половина – золотая, другая – серебряная, и повторяют длинные, точно водоросли, волосы завитки беспокойных волн озера. С победным видом стоит почти рядом с невестой Мукка Аджяни.

Да что-то холодно стало красавице. Говорит своему водному жениху: «Отпусти меня домой. Я хоть с отцом повидаюсь. Честный человек так никогда не женится». Отпустил её Водный Дух, на прощанье наказывает: «Не забывай меня, а то беда случится». Дома заплела фудин серебряно-золотые волосы в косу, в мешочек шёлковый её сложила, завязала его хорошенько. Думала – долго она в гостях у Водного Духа была, а всего-то миг, как во сне приснилось.

Вечером вернулись с охоты отец и жених. Лёг мэргэн возле невесты, стал её волосы гладить. Упал мешочек, и коса на пряди рассыпалась – золотые и серебряные... «Мэргэн, – просит девушка, – у меня два жениха теперь. Видно, судьба такая. Ты откажись от меня, а то тебе недобро будет и мне».

«Если я руку сожму в кулак, – уж никогда его не разожму», – отвечает мэргэн. Схватил он дёбго-острогу, к озеру побежал.

Неспокойно озеро – волна волну бьёт... На рисунке Анны Онинка – условные волны не подобны реальным, контурами завитков покрывают лист – то ли волны это, то ли их символы. Будто ведаёт озеро конец печальной сказки. А по краям композиции, по диагональным углам рисунка – двое соперников: в кроваво-алом халате – с косой врзлёт – наполовину из воды поднялся – Мукка Аджяни, и вслед за пущенной в его сторону острой – распластанная в воздухе фигура прыгающего в озе-

ро земного жениха. Цвета земли – тэтүэ – халат на нём, коса врзлёт.

«Сидит на берегу фудин, плачет, на бурное озеро глядит. А вместо воды – кровь в нём».

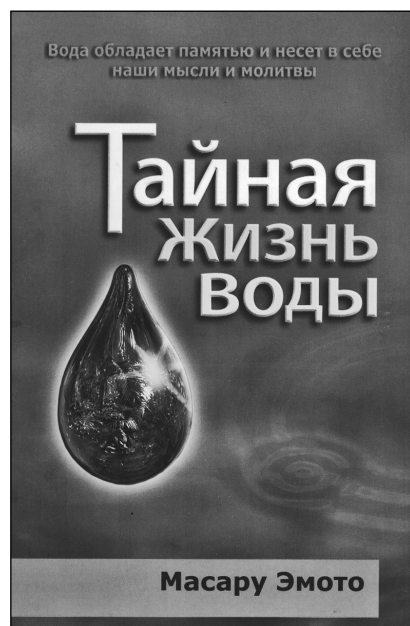
Словно огромный экран, стоит перед глазами фудин озеро. Кровавым контуром обвела Анна Онинка узоры-символы: то ли очертания причудливых рыб в них, то ли вода ТАК поведала невесте двух женихов об их судьбе. Вынесла приговор.

Недаром говорят, что вода похожа на холст живописца. Её можно мысленно «разрисовать» словами, мыслями и поступками человека. Если добрыми, – то и вода будет гладкой, слово «маслом налитой». Если злыми, – то и вода ответит бурей, а бывает, как в этой сказке, и губительной для обидчиков её естества, творящего ЖИЗНЬ, по первозамыслу Бога.

Здесь впору говорить об этом пространно, провести осознание ВОДЫ для человечества через опорные пункты в веках, некоторых философских системах и современных опытах.

Первый эллинский философ ФАЛЕС МИЛЕТСКИЙ, живший в середине 7 века до новой эры, признавал «началом всех вещей» – Воду, «влажную природу». Земля держится на воде, – считал он и ссылался на древний античный миф об ОКЕАНЕ и ТЕФИДЕ, «праотцах всего произошедшего».

Оглянемся и мы на мифологическую супружескую пару. От брака с богом Океаном Тефида (от индоевропейского «тета» – «мать») родила три тысячи Океанид и все реки мира. И немудре-

но, ибо супруг Тефиды – Океан – божество величайшей Мировой Реки, омывающей землю и море... На крайнем западе он омывает границу между миром Жизни и Смерти.

«Бог Океан», – назвал своё двустипшие Константин Бальмонт, пытаясь ритмом пятистопного ямба и возвышенными эпитетами передать непередаваемое величие эллинского бога всех вод земли. Приведу одно из двустипшия.

*«Волны морей, беспредельно-пустынно-шумящие,
Бог Океан, многогласно-печально-взывающий,
Тленные ткани, бесцельно-воздушно-летающие,
Брызги с воздушностью, призрачно-сказочно-тающей...»*

Философ ЭМПЕДОКЛ, живший столетием позже Фалеса (в У веке до н/э), в ПОЭМЕ «О природе» представлял себе корни вещей (архэ) в четырёх «живых, чувствующих стихиях. Огонь – воздух – вода – земля – неизменны и вечны. Философ видел в них живые части, органы «божественного тела». Человек – и эта мысль кажется мне особенно важной – воспринимает эти чувствующие начала, потому что САМ СОСТОИТ ИЗ ЭТИХ СТИХИЙ.

Эта мысль и сегодня предлагает нам взглянуть внутрь себя и спросить: гармонично ли мы со-существуем со стихиями – вне нас, или разрушаем своей деятельностью «природу вещей» в мире, а, значит, и в себе самих.

Вспомним императивную строфу Ф.И. ТЮТЧЕВА:

*«Не то, что мните вы природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык».*

Человек – «мыслящий тростник», – сказал поэт, уравнив человека и растение. Но только ли «тростник» мыслит?

Открываю свою настольную книгу нашего современника, японского учёного ЭМОТО МАСАРУ «Тайная жизнь воды» (Минск. 2006.) Много часов провёл он в холодильной камере, замораживая воду и изучая полученные из неё кристаллы. В процессе опыта он предлагал воде различные тесты, написанные на бумаге, или музыкальные мелодии. Например, слова «спасибо» – на малайском, тагильском, португальском языках, «мир», «лотос», «христианство», «буддизм»... – и возникали кристаллы, разнообразные по форме, но непременно гармонично-прекрасные. Помню, как меня поразила фотография антикристалла, когда Эмото Масару предложил воде словесную информацию: «Нью-Йорк, 11 сентября 2001 года». Кому не памятен факт сокрушения двух башен Торгового центра в Нью-Йорке, под руинами которых погибло около трёх тысяч человек. То, что изобразила вода, было похоже на кошмарные картины ада. Деструктивны и кристаллы, откликнувшиеся на слова «война», «товары и капитал», «дура».

Эксперименты Масару бесчисленны. О разработке своей необычной идеи он писал: «В этом мне помог ДУХ ВОДЫ, указавший путь, которым я сейчас следую... Кульминацией этого процесса стала публикация (его) книги «Скрытые послания воды».

Русские сказки при своём рождении, видимо, знали подобные «скрытые послания», в том числе, и о том, что вода, облучённая «добрым словом», могла стать целительной. Не отсюда ли возникло понятие – «ЖИВАЯ ВОДА».

Увы, «живая вода» для большинства людей так и осталась лишь в «резервациях» народных сказок.

Не знаю, уместно ли, но не могу не сказать о гибели великой реки Мангбо-Амур, на берегах которой я и записывала сказания о чувствующей, разумной Воде.

Амур давно смертельно болен. Причина – «человеческий фактор», китайский и русский, ибо Великая Река протекает по территории Китая и России. По небрежению и преступной недальновидности его убивают ядовитыми сбросами химических и органических отходов предприятия приграничных городов. Чтобы это высказывание не звучало риторически, приведу некоторые факты.

В 2003 году китайские заводы выдали притокам Амура – рекам Сунгари и Уссури ядовитую «пайку», содержащую фенол, марганец, ядохимикаты...

В 2005 году на химзаводе в городе Цзилин произошла авария. В реку вылилось более ста тонн бензола. Губительное для водной флоры и фауны бензольное пятно растянулось на двести километров, «потчuya» отравой и русские прибрежные города, стоящие на его пути.

В 2010-м с местного китайского завода паводок смыл в Сунгари семь тысяч бочек с взрывоопасными веществами. В них было сто шестьдесят тонн.

Столь же беспощадно эксплуатируют Амур и предприятия Благовещенска. Гидроэлектростанции на притоках Амура Зее и Бурее тоже не способствуют улучшению речной экологии. В августе – сентябре 2013 года обильные дожди превысили на Зейской ГЭС нормативные показатели уровня воды, а это значит, что «лишние» воды ринулись в реку...

Отходы от строительства транспортных магистралей, химическая обработка сельхозугодий, отбросы с пароходов... – через запятую можно бесконечно перечислять, от чего ещё не только Великая Река, но и её большие и малые притоки превратились в сточные канавы. Ни воду пить, ни купаться, ни рыбу есть – всё отравлено, всё смертельно опасно для любой живой твари, в том числе, и человека. Подобно злым духам, именно он пересотворил благодатное, животворящее естество Воды в её убийственный антипод.

Стоит ли удивляться недавнему дальневосточному осеннему потогу, яростно смывшему или разрушившему дома и уголья на огромной территории Хабаровского края. Бедствие пытаются списать на необычно обильные ливни, вызвавшие небывалый паводок. А не в том ли дело, что САМА ВОДА – существо (а не вещество), разумное, чувствующее, возмутилась, не в силах терпеть её бесконечное попрание, оскорбление её одухотворённой сути. Той самой сути, о которой в первых строках книги «Бытие» сказано: «И Дух Божий носился над водою». Дух Божий одухотворил Воду в начале Сотворения Мира. Но затем, «когда люди стали умножаться на земле», «увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов, и

птиц небесных истреблю, ибо, Я раскаялся, что создал их». «Буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю всё существующее, что Я создал, с лица земли».

Только шестисотлетний праведник Ной с семьёй и пары птиц, и скотов, и пресмыкающихся по земле удостоились спасения в ковчеге.

Не то же ли «развращение человеков», оскверняющих Дары Божьи – Воду, Воздух, Землю и даже Огонь, стали причиной «дальневосточного «потопа»? И – сигналом человеко-человечеству одуматься и не изувестовать над Природой, полагая её своей «крепостной девкой».

Но настало время – вернуться к нанайской сказке «Ялгха-фудин» и её уникальному иллюстратору Анне Онинка.

Итак: последний эпизод. На рисунке спиной к зрителю сидит невеста-фудин на тонком стволе поваленного и символически поломанного дерева. В её позе – бесконечность ожидания: появится ли из озера когда-нибудь водный или земной жених...

«...Сидит, сидит фудин, стала вспоминать своё детство, няньку-кэкэчэн, песни свои стала петь, и вода – тихонько, тихонько успокоилась, чистая, прозрачная стала». (Как бы в подтверждение того, что откликается естество воды на наши настроения).

«Посмотрела в озеро фудин, своё отражение увидела: корявая такая, сучковатая – ива стоит. Ветви, как руки, в воду опущены. Недаром иву «плакучей» зовут».

«И вот и сказке конец», – обычно говорила моя сказительница Дачи Удинкан. Но художница Анна Онинка ре-

шила завершить её по-своему. На её последнем из этой серии рисунке – раскинулось на всё белое поле листа дерево – цветок. Играет завитками веток, шевелит весёлыми разноцветными листьями, похожими на птенцов-гаса. Стоит только всмотреться и дать волю воображению, особенно если знаешь, что ИВА у курумийских нанайцев – земной образ небесного Древа душ – Омиа-мони.

Из каких, не доступных познанию глубин Правре-мён возникло понимание родства душ человека-дерева, их обоюдное умение понимать язык на несловесном уровне? О праздности вопроса, который сегодня звучит поэтической риторикой, и безнадежности найти ответ, ещё в 1743 году писал Михайло Васильевич Ломоносов в своём «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния».

«Сомнений полон
ваш ответ
О том, что Окрест
ближних мест.
Скажите ж,
коль пространен свет?
И что малейших
дале звезд?
Несведом тварей
вам конец?
Кто ж знает,
коль велик Творец».

И всё-таки дерзну предположить: какие-то неведомые нам (или забытые) связи с Природой, гармония «общего языка» человека-дерева-цветка-птицы-зверя и всех четырёх стихий были возможны, когда человек считал себя частью Природы и

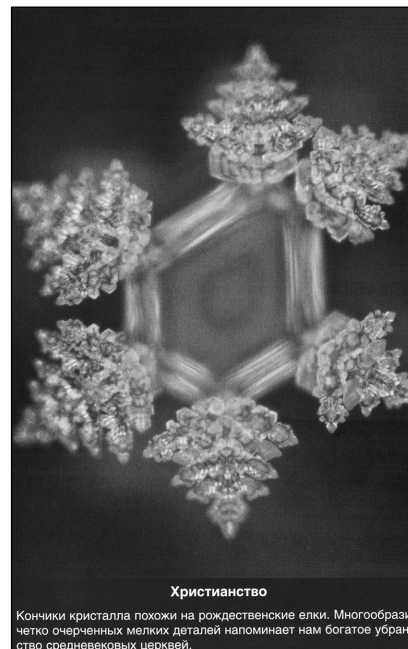
не возносился над ней своей гордыней. Это прадревнее «когда», хотя бы частично, обрядово, фольклорно, ещё сохранили коренные народы планеты, которым ведома мистическая реальность, о чём я попыталась рассказать во второй главе своей реалистической фантазмагии.

Да ведь и во многих людях – жива эта архаическая нота, когда радость или боль тварного мира отзывается в душе сопереживанием.

– Купите вербу!
Куплю. Не надо сдачи.
Несу домой.
И на сердце –
и праздник,
и покой.
Как день красиво
начат –
вишнёвым цветом
тонких
вербы
веток
в пушистом оперении
птенцов...
Да только слышу:
кто-то
тихо плачет –
сочится сок
из срезанных
прутов...
Птенцам –
не выпорхнуть,
и – мёртвым –
листьев не зачать.
Как горько
умирать,
когда тебя приносят
в жертву.
Как вербу.

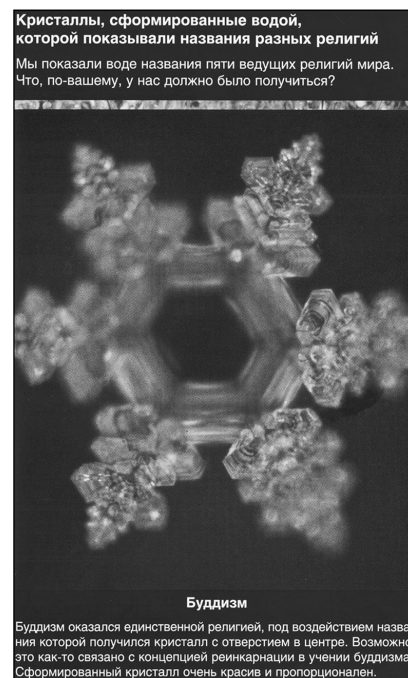
ИЛЛЮСТРАЦИИ АННЫ ОНИНКА К СКАЗКЕ «ИВУШКА»

1. Бурным стало озеро. И появился из воды Мукка Аджяни – Водный Дух.
2. Манит девушку Водный Дух всё дальше идти по дну озера – в его владения.
3. Золотая и серебряная расплетённые косы у фудин, и завитки их повторяют очертания волн.
4. Сражаются водный и земной женихи девушки-фудин.
5. Красавица-ива – земной аналог небесного Древа душ «Омиа-мони».

Христианство

Кончики кристалла похожи на рождественские елки. Многообразие четко очерченных мелких деталей напоминает нам богатое убранство средневековых церквей.

Буддизм

Буддизм оказался единственной религией, под воздействием названия которой получился кристалл с отверстием в центре. Возможно, это как-то связано с концепцией реинкарнации в учении буддизма. Сформированный кристалл очень красив и пропорционален.

МАКСИМ ЛАВРЕНТЬЕВ

ЗАБОЛОЦКИЙ И СЕВЕР

Тема Севера и Дальнего Востока в поэзии Николая Заболоцкого (1903–1958) претерпела поистине судьбоносное изменение. Начало жизненного пути поэта, рождённого неподалёку от Казани и проведшего детство в Вятской губернии (ныне это территория республики Марий Эл), лежало вблизи «ворот Азии», являясь своего рода их преддверием, примыкало к ним географически и, что более важно, мировоззренчески, как то и отразилось, например, в одном из стихотворений его первого «срединного» периода – «Север» (1936):

*В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги;
Где холодом охваченная птица
Летит, летит и вдруг, затрепетав,
Повиснет в воздухе, и кровь её сгустится,
И птица падает, замерзшая, стремглав;
Где в желобах своих гробообразных,
Составленных из каменного льда,
Едва течет в глубинах рек прекрасных
От наших взоров скрытая вода;
Где самый воздух, острый и блестящий,
Дает нам счастье жизни настоящей,
Весь из кристаллов холода сложен;
Где солнца шар короной окружен;
Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух;
Где лошади, как мамонты в оглоблях,*

Заболоцкий. Автопортрет, 1925 г.

*Бегут, урча; где дым стоит на кровлях,
Как изваяние, пугающее глаз;
Где снег, сверкая, падает на нас
И каждая снежинка на ладони
То звездочку напомним, то кружок,
То вдруг цилиндром блеснёт на небосклоне,
То крестиком опустится у ног;
В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели, –
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.*

Фантазия поэта, вновь посетившего «тот уголок земли», уносит его затем в ещё более высокие широты, к Полярному кругу и Заполярью. Под живым впечатле-

нием от недавнего подвига «челюскинцев», Заболоцкий продолжает своё стихотворение так:

*Корабль недвижим. Призрак величавый,
Что ты стоишь с твоею чудной славой?
Ты – пар воображенья, ты — фантом,
Но подвиг твой – свидетельство о том,
Что здесь, на Севере,
 в середине льдов тяжёлых,
Разрезав моря каменную грудь,
Флотилии огромных ледоколов
Необычайный вырубили путь.*

Непосредственным развитием интересующей нас темы стало знаменитое стихотворение Заболоцкого «Седов» (1937):

Он умирал, сжимая компас верный.
Природа мёртвая, закованная льдом,
Лежала вокруг него, и солнца лик пещерный
Через туман просвечивал с трудом.
Лохматые, с ремнями на груди,
Свой лёгкий груз собаки чуть влачили.
Корабль, затёртый в ледяной могиле,
Уж далеко остался позади.
И целый мир остался за спиною!
В страну безмолвия, где полюс-великан,
Увенчанный тиарой ледяною,
С меридианом свел меридиан;
Где полукруг полярного сиянья
Копьем алмазным небо пересек;
Где вековое мёртвое молчанье
Нарушить мог один лишь человек, –
Туда, туда! В страну туманных бредней.
Где обрывается последней жизни нить!
И сердца стон и жизни миг последний –
Всё, всё отдать, но полюс победить!

Конечно, здесь, кроме неподдельного интереса к Северу, легко различить и определённую конъюнктуру. Вспомним популярный роман Вениамина Каверина «Два капитана»: 1930-е годы в СССР это ведь ещё и эпоха героических полярников! Интересная деталь: стихи Заболоцкого о славной смерти русского капитана в Арктике продолжали звучать по радио даже и тогда, когда сам поэт, едва не замученный насмерть в ленинградской тюрьме «Кресты» (он не был казнён лишь потому, что так и не признал за собой никакой вины, а это в свою очередь не позволило НКВД тихо и быстро сфабриковать очередное дело

«ленинградских писателей»), был отправлен в лагерь, в Комсомольск-на-Амуре, а затем переведен в АЛТАЙЛАГ, в Кулундинские степи. Только в 1946 году, через два года после освобождения, Заболоцкому удаётся вернуться из Казахстана в Москву (он снял жильё в писательском посёлке Переделкино у позабытого ныне прозаика, лауреата Сталинской премии Василия Ильенкова), восстановиться в Союзе писателей и вновь заняться творчеством. Одним из лучших произведений начала этого его «позднего» периода, безусловно, является маленькая поэма «Творцы дорог» (1947):

*Угрюмый Север хмурился ревниво,
Но с каждым днём всё жарче и быстрее
Навстречу льдам Берингова пролива
Неслась струя тропических морей.*

 $\langle \dots \rangle$

*Рожок гудел, и сопка клочотала,
Узкоколейка пела у реки.
Подобье циклопического вала
Пересекало древний мир тайги.*

*Здесь, в первобытном капище природы,
В необозримом вареве болот,
Врубаясь в лес, проваливаясь в воды,
Срываясь с круч, мы двигались вперёд.*

*Нас ветер бил с Амура и Амгуни,
Трубил нам лось, и волк нам выл вослед,
Но всё, что здесь до нас лежало втуне,
Мы подняли и вынесли на свет.*

Справка об освобождении
Н. Заболоцкого

СПРАВКА № 2071/3240

Выдана гражданину(ке) Заболоцкому
Николаю Алексеевичу
1903 года рождения, уроженцу(ке) г.р. Рязань

гражданство (подданство) СССР национальность русский

осужденному(ой) по делу "Коллективизация" 18.11.1938 г. по ст. ст. 58.10, 58.11, 58.12 к лишению свободы на 5 лет с возращением в правах на 3 года, имевшему(ей) в прошлом судимость не судим

в том, что он(она) отбывал(а) меру наказан. в исправительно-трудовом лагере № 18 "Восток" 1938 г. по 18.11.1943 г.
и по делу "Коллективизация" 18.11.1938 г. по ст. ст. 58.10, 58.11, 58.12 с применением лишения свободы
из Восточного лагеря № 18
(исправительно-трудовой лагерь, колония или тюрьма)
освобожден(на) 18.11.1943 г. и следует к избранному месту жительства в самостоятельно выбранном месте по адресу: г. Хабаровск
железной дороги.

Настоящая справка выдана 18.11.1943 г. Н.И. Заболоцкий
Н.И. Заболоцкий (подпись, напечатанное имя, фамилия)
(должность начальника лагеря, колонии или тюрьмы)

Место для фото

Секрет

(должность начальника ОУРЗ лагеря или колонии или секретаря тюрьмы)

*В стране, где кедром светят метеоры,
Где молится берёзам бурундук,
Мы отворили заступами горы
И на восток пробились и на юг.*

*Охотский вал ударил в наши ноги,
Морские птицы прынули из трав,
И мы стояли на краю дороги,
Сверкающие заступы подняв.*

В пятидесятые годы, вспоминая время, проведённое на циклопических лагерных стройках, поэт так описывал в стихотворении «Наступили месяцы дремоты...» (1952) «Бугорок могилы одинокой в белом кристаллическом снегу»:

*Там в ответ не шепчется берёза,
Корневищем вправленная в лёд.
Там над нею в обруче мороза
Месяц окровавленный плывёт.*

И уже в самом конце жизни, в мемуарах «История моего заключения» (1956) Заболоцкий ещё раз вспомнит об этих пресловутых берёзах:

«В первых числах февраля прибыли мы в Хабаровск. Долго стояли здесь.

Потом вдруг потянулись обратно, доехали до Волочаевки и повернули с магистрали к северу, по новой железнодорожной ветке. По обе стороны дороги замелькали колонны лагерей с их караульными вышками и поселки из новеньких пряничных домиков, построенных по одному образцу. Царство БАМа встречало нас, своих новых поселенцев. Поезд остановился, загрохотали засовы, и мы вышли из своих убежищ в этот новый мир, залитый солнцем, закованный в пятидесятиградусный холод, окруженный видениями тонких, уходящих в самое небо дальневосточных берёз».

Так, с годами, сквозь умозрительно-одическое (в тон основополагающему ломоносовскому «Вечернему размышлению...») воспевание, на фоне ледяных северных красот постепенно проступила, чтобы остаться навеки в русской поэзии, подлинная, человеческая трагедия великого художника своего времени.

**НА НАШИ ИЗДАНИЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
ПО КАТАЛОГУ "РОСПЕЧАТИ":**

"МИР СЕВЕРА"

ИНДЕКС - 47303. ПЕРИОДИЧНОСТЬ - РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ"

ИНДЕКС - 50232